

Журнал основан
в июне 1974 года

Содержание

ТЕОРИЯ. МЕТОДОЛОГИЯ

- 3 ИВАНОВ Д.В. Ворчание «стариков», нытье «молодых» и прогресс в социологии
- 12 ТРУБИЦЫН Д.В. Капитализм и веберизма в России: к вопросу о возможностях понимающей социологии. Часть 2. Апологетика капитализма

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- 23 ОСИПОВ А.М. К теории образовательной политики
- 34 ПОПОВ Д.С., ШЕСТАКОВА Д.А. Высшее образование в зрелом возрасте в России: барьеры и модели

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 45 КРЫШТАНОВСКАЯ О.В., ЛАВРОВ И.А. Молодые парламентарии в России
- 57 ПЕТРУНИНА Д.С. «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов
- 65 БЕРЕЗУТСКИЙ Ю.В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»?
- 73 ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф. Молодежная политика в Республике Татарстан в доктринальных документах и общественном мнении
- 83 ЯДОВА М.А. Жизненные траектории молодежи в XXI веке: риски и возможности

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

- 94 БЕЗРУКОВА О.Н., САМОЙЛОВА В.А. Отцовство в современной России: смыслы, ценности, практики и межпоколенческая трансляция
- 107 АБРАМОВ А.П., ЛЮ Цзэ. Современные и традиционные семейные ценности межпоколенного взаимодействия в России и Китае
- 117 ВЕРЕЩАГИНА А.В., ЗАГИРОВА Э.М. Многоженство в Дагестане в оптике общественного мнения
-

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 129 ЗЫРЯНОВ В.В. Социальная статистика в социологическом образовании

ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЗАМЕТКИ

- 142 ЧЭНЬ ХУН, ГАНЬ СЯОЦЗЮАНЬ. Причины распада Советского Союза: взгляды китайских обществоведов
- 147 БЛИНОВА Т.В., ВЯЛЫШИНА А.А. Отношение студентов к пандемии COVID-19 и противоэпидемическим ограничениям
- 151 АНАЙБАН З.В., БАЛАКИНА Г.Ф. Социальные ожидания и ценностные ориентации учащейся молодежи Тувы

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 157 ПЕТУХОВ Р.В., ЛАТОВ Ю.В. Что скрывается за «запросом на перемены»?
- 161 ГРИГОРЬЕВА Е.А. Цифровые неравенства: причины, формы, последствия
- 164 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Лапин Н.И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. **Рец. С.А. Кравченко, К.В. Ракова; Stewart J. Richard Titmuss: A Commitment to Welfare.** Bristol: Policy Press, 2020. **Рец. И.А. Кравец; Леонтьева Т.В., Щетинина А.В.** Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург: Ажур, 2021. **Рец. М.В. Рубцова, Н.А. Мартынова**)

- 174 **КОРОТКО О КНИГАХ**

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 7. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна. Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

Сообщаем, что для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН можно воспользоваться редакционно-издательским порталом ras.jes.su. См. подробнее: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© 2022 г.

Д.В. ИВАНОВ

ВОРЧАНИЕ «СТАРИКОВ», НЫТЬЕ «МОЛОДЫХ» И ПРОГРЕСС В СОЦИОЛОГИИ

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (dvi1967@gmail.com).

Аннотация. В статье представлен авторский подход к проблеме наличия / отсутствия прогресса в развитии современной социологии. Выделены две разновидности кризисного дискурса, ставящего прогресс социологии под сомнение. Обе они связываются с отношением представителей разных поколений социологов к концептуальным, институциональным, инструментальным изменениям в научной дисциплине. В истории социологии прослеживаются тенденции роста комплексности и связности в представлениях о социальном порядке, социальном действии, социальном развитии. Констатируется наличие прогресса в теории и методологии социологии. Отмечается роль тенденций поствиртуализации и превращения цифровизации в социальную рутину в формировании тех структур, паттернов взаимодействия, моделей развития, которые задают актуальную повестку изучения постоянных для социологии предметов: социального порядка, социального действия, социальных изменений.

Ключевые слова: социология • научный прогресс • структура • действие • социальное развитие • рутина цифровизации

DOI: 10.31857/S013216250018033-9

Проблематизация прогресса социологии как науки. За последние три года (2019–2021) в академическом сообществе поднялась очередная волна кризисного дискурса: вышла серия публикаций (в том числе в «Социологических исследованиях»), в которых ставится под сомнение прогресс социологии как науки. Книгу К. Кэмпбелла «Прогрессировала ли социология?» [Campbell, 2019], статьи П. Бэра, Дж. Хауса, И. Шубрта [Бэр, 2020; House, 2019; Шубрт, 2021] объединяет общий лейтмотив: социология остановилась в своем развитии, о чем свидетельствует отсутствие теоретического единства и новой общей теории. Концептуальные «повороты» за последние полвека, по мнению авторов этих и подобных им публикаций, не ведут к аккумуляции знания, это лишь ложная новизна вместо реального прогресса. Работы Н. Лумана, Ю. Хабермаса, П. Бурдьё и Э. Гидденса видятся как последние серьезные попытки создать общесоциологическую теорию, но даже они в новом кризисном дискурсе принимаются за показатели былого научного прогресса без особого энтузиазма.

Помимо общего тезиса об отсутствии теоретического прогресса, в публикациях К. Кэмпбелла, П. Бэра, Дж. Хауса, И. Шубрта звучит еще один общий мотив. Отмечаются структурный рост, дифференциация и институционализация социологии. За те же

полвека, когда остановился, по мнению авторов, прогресс социологии как науки, выросло число исследователей, преподавателей, студентов, стало больше тематических направлений, профессиональных объединений, учебных заведений.

Структурное развитие в виде численного роста профессионального сообщества и институционализация научной дисциплины констатируется, пусть и с некоторыми оговорками, но не воспринимается как индикатор прогресса. Подлинный прогресс социологии должен быть концептуальным и выражаться должен в лучшем «понимании социальной жизни» по выделенным К. Кэмпбеллом трем направлениям: социальный порядок, социальное действие, социальное развитие. Следствием такого прогресса должен стать рост востребованности социологии со стороны властных структур, большее участие социологического сообщества в управлении, выработке политики. Концептуальному прогрессу и институциональному благополучию социологии, по мысли Кэмпбелла, Бэра, Хауса, сейчас препятствуют идеологические ограничения и давление на свободу научного поиска и на выражение идей со стороны леворадикального активизма, проникшего в академическую среду.

Характерная для англо-американского сообщества обеспокоенность угрозой академическим стандартам со стороны левых радикалов не актуальна для российской социологии, состояние которой в контексте мировой социологии проанализировал И. Шубрт. Однако диагноз, вынесенный научной дисциплине Шубртом, в главном повторяет ход мыслей Кэмпбелла, Бэра, Хауса: за 35 лет в мировой социологии не создано ничего нового с точки зрения теории, российская социология также пребывает в застое, страдает мелкотемьем и имитацией научной новизны, находится в зависимости от западной социологии и слабо видна на международной арене, хотя при этом хорошо институционализирована, структурно развита и большая с точки зрения размеров профессионального сообщества.

Налицо разрыв между двумя образами социологии. Социология как теоретически когерентная научная дисциплина не прогрессирует, если вообще существует. Социология как структурно дифференцированное научное сообщество растет, но на вызывающей сомнения концептуальной основе. Вопрос, который здесь возникает и нуждается в пояснении – «есть ли прогресс в социологии?», решается в зависимости от того, что считать прогрессом. В данной статье предлагается решать вопрос о прогрессе социологии, исходя из наличия альтернативных подходов к определению критериев этого прогресса.

Две разновидности кризисного дискурса в современной социологии. Представленный выше дискурс кризиса в развитии социологии развивается исследователями, которые родились в период с конца 1930-х до середины 1950-х гг. и принадлежат к поколению, вошедшему в профессиональное сообщество в конце «золотого века» социологии и в начале парадигмального кризиса 1960–1970-х гг. Линейное поступательное развитие – единственная модель прогресса, усвоенная ими в середине прошлого века, сталкивается с новой реальностью, в которой привычные критерии научного прогресса – рост большой теории в стиле советского марксизма или парсонсовского функционализма, а также наличие запросов от правительства, больших бюрократических учреждений и крупных корпораций, не находят референтов.

Эмпирически фиксируемый прогресс в виде роста и дифференциации структур социологического сообщества не вдохновляет Кэмпбелла, Бэра, Хауса, Шубрта. Этот прогресс ветеранам социологии не столь интересен, поскольку они хорошо встроены в структуры сообщества. Здесь для них, естественным образом, важнее сохранение комфортного статус-кво, а не изменения, вызванные грантовой системой финансирования и новыми идеологическими требованиями. Институционально благополучных ветеранов волнует прогресс не институциональный, а концептуальный. Ими востребован прогресс как кумулятивный рост теории. Причем это должна быть теория в том виде, в каком они застали ее в период вхождения в профессиональное сообщество в 1960–1980-е гг. Последним достижением на этом пути им видится интегративная тенденция 1970–1980-х гг., когда разноречивые парадигмы пытались объединить в общесоциологическую теоретическую систему Луман, Гидденс, Бурдье, Хабермас. Появление новых парадигм в последние три

десятилетия (Кастельс, Латур, Урри и др.) в этом дискурсе отсутствия прогресса в современной социологии попросту игнорируется.

Зацикленность на линейной модели научного прогресса полувековой давности, сетования на отсутствие новизны при игнорировании очевидных для нынешнего поколения социологов концептуальных инноваций подводят к мысли, что наиболее подходящей характеристикой такого рода дискурса об отсутствии прогресса в социологии будет ярлык «ворчание стариков». Впечатление, что в данном случае мы имеем дело именно с ворчанием застрявших в прошлом «стариков» социологического сообщества, усиливают сквозящие в текстах Кэмпбелла, Бэра, Хауса, Шубрта ностальгия по классике с идеализированием наследия Дюркгейма, Вебера, Маркса и обидами на новое поколение за неглубокое знание социологии начала и середины прошлого века.

Критика современной социологии за отсутствие в ней теоретической когерентности, большой теории, за ложную концептуальную новизну вместо подлинного научного прогресса, за идеологический надзор и цензуру со стороны левых активистов – это не единственная сегодня форма кризисного дискурса. Есть и другая версия сетований на отсутствие прогресса в социологии. Эту альтернативную разновидность кризисного дискурса можно для сохранения концептуальной когерентности назвать «нытьем молодых». Этот дискурс недовольства нынешним состоянием социологии продвигается «молодыми», то есть поколением родившихся с конца 1960-х по начало 1980-х гг. и вошедших в профессиональное сообщество в ситуации формирования постсовременной, постколониальной, мультипарадигмальной, мультикультуральной социальной науки.

Характерный пример нытья «молодых» можно найти у Дж. Го [Go, 2020], одного из тех исследователей, которые с подачи леворадикальной фракции поколения «стариков» (М. Буравой, Р. Коннелл, С. Алатаз и др.) предлагают свою модель прогресса социологии. По мнению Го и разделяющих с ним альтернативный подход, классическое теоретическое наследие социологии – это отжившие дискурсы, которые мешают достижению социальной справедливости, что является подлинной миссией социальных ученых и в обществе в целом, и в профессиональном сообществе. В текстах Го и других «молодых» критиков социологии «стариков» К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм обличаются как расисты и империалисты, как лишенные рефлексии носители европоцентристского и патриархально-маскулинного подхода к социальным явлениям [Go, Lawson, 2017; Patil, 2018]. Большая теория в этой критической перспективе предстает как большая идеология подавления социокультурного разнообразия, дискриминации и исключения меньшинств. А идеологические репрессии, надзор со стороны левых активистов, на которых жалуются Кэмпбелл, Бэр, Хаус, предстают как институциональные изменения в научном сообществе, которые призваны повернуть социологию к тому прогрессу, за который ратуют Го и согласные с ним «молодые» претенденты на институциональные позиции, все еще занятые «стариками». Для институционально недооцененных «молодых» прогресс социологии – это отнюдь не аккумуляция знания, а разрыв со старыми структурами мышления и сообщества, превращение социологии в постпатриархальные и постколониальные исследования.

У каждой из двух фракций свои представления об обновлении и улучшении социологии. Различение институционального и концептуального прогресса позволяет увидеть относительную правоту и в то же время стремление к абсолютизации собственной перспективы и в ворчании «стариков», и в нытье «молодых». Не впадая в каждую из двух крайностей и удерживая в фокусе и традиционный научный этос (от О. Конта к М. Веберу и Р. Мертону), и современное многообразие (diversity) в теоретико-методологическом и социокультурном планах, можно иначе решить вопрос «есть ли прогресс в социологии?».

Извилистые пути прогресса социологии. Вопреки мнению «стариков», приращение в социологической теории есть. В начале XXI в. акторно-сетевая теория Б. Латура [Latour, 2005] из концептуальной эвристической схемы, выработанной для отдельной области исследований, превратилась в общесоциологическую теоретическую программу, нацеленную на решение застарелых дилемм «структура или действие», «позитивизм или

конструкционизм». Сеть как действующая структура и действие не как функция субъекта, а как эффект сети, включающей людей – акторов и вещи – актанты, стали теоретическими идеями, релевантность которых современным формам социальной жизни уже оценили многие исследователи. Теория мобильностей Дж. Урри [Urry, 2000] и теория синтетической ситуации К. Кнорр-Цетины [Knorr Cetina, 2009] продвигают социологическую теорию в том же направлении объединения в одном предмете человеческой субъективности и телесности и материальности вещей и технических устройств. Они меняют представления о соотношении макро- и микросоциальных структур, дополняют интеракционистскую парадигму создания социальности в режиме «лицом к лицу» и функционалистскую парадигму поддержания социальности локализованными нормативными системами. Теория сетевого общества М. Кастельса [Castells, 2000] являет собой приращение по отношению к парадигмам неомарксизма и постиндустриализма, сложившимся полвека назад. Все эти концептуальные инновации так или иначе базируются на метафорах сети и потока.

Недооценка указанных теорий ворчливыми «стариками» связана с противопоставлением традиционной теории как завершенной понятийной системы и новых концептуальных моделей. Однако при этом упускается из виду тот факт, что путь от концептуальных инноваций – метафор к стройной теории долгов. Столь превозносимые в дискурсе ворчания К. Маркс и М. Вебер при внимательном чтении не учебников, а первоисточников предстают как гении, обогатившие социологию яркими метафорами, но не создавшими никакой консистентной теории. Поэтому четыре способа производства в политэкономической части теории Маркса так и остались камнем преткновения для советских марксистов, разрабатывавших пресловутую «пятичленку» как универсальную модель смены формаций. Поэтому же последователи М. Вебера никак не могут интегрировать его четыре типа социального действия с его же тремя типами господства. Констатации эмпирической неверифицируемости многих положений «Капитала» и «Протестантской этики и духа капитализма» образуют огромный пласт в социальных науках. Однако после 100–150 лет творческого освоения социологами этих эвристичных, но внутренне противоречивых концепций их создатели К. Маркс и М. Вебер видятся «старикам» титанами теоретической социологии, создателями непревзойденной классики. Так что в этом плане различия между прогрессирующей классикой и якобы остановившейся в развитии современной теорией не так уж драматичны.

Если рассмотреть тенденции в современной социологии в соответствии с теми тремя вопросам, которые Д. Кэмпбелл представил как ядро дисциплины, прогресс в ней за полстолетия выглядит вполне ощутимым.

Во-первых, прогресс в социологии есть, потому что есть аккумуляция знания в исследовании социальных структур, образующих «социальный порядок» в терминологии Кэмпбелла. От изучения «целостностей», «социальных организмов» социологи перешли к исследованию институтов и интеракций как, соответственно, макро- и микроструктур, по-разному обеспечивающих социальность. Теперь к институтам и интеракциям добавились структуры нового типа – сети и потоки (рис.).

От Конта, Маркса, Спенсера к Парсонсу, социальному обмену, символическому интеракционизму, феноменологической социологии, а затем к Латуре, Кастельсу, Урри, Кнорр-Цетине – это траектория обогащения представлений социологов о том, как

СРЕДСТВА КООРДИНАЦИИ	ОСНОВА КООРДИНАЦИИ	
	ИНТЕГРАЦИЯ	СЕЛЕКЦИЯ
	ИНСТИТУТЫ	СЕТИ
	ИНТЕРАКЦИИ	ПОТОКИ
НОРМАТИВНОСТЬ	Тотальная социальность	Относительная социальность
КРЕАТИВНОСТЬ	Частная / ситуативная социальность	Альтерсоциальность

Рис. Аналитическое пространство социальных структур для актуальной социологии

формируется и поддерживается социальность, социальный порядок. Аналитическое пространство социальных структур увеличилось и внутренне дифференцировалось, заметно расширив наши представления о социальности, особенно в последние полвека. Это приращение предметного поля социологии, то есть прогресс в буквальном значении этого слова.

Институты традиционно остаются наиболее комфортным предметом для социологии, так как являются идеально социальными структурами. Они интегрируют множество индивидуальных объектов (будь то люди, их действия или их вещи) в большие общности и обеспечивают скоординированность объектов в общностях за счет постоянных и единых для всех норм. *Интеракции*, хотя и образуют вполне легитимный предмет социологии со времен Дж. Хоманса, Г. Блумера, И. Гоффмана и Г. Гарфинкеля, являются не столь социальными структурами, как институты. Интеракции интегрируют объекты в ситуативную общность, и их координация гарантируется не общей нормативностью, а креативностью попавших в данную ситуацию участников, которые вырабатывают адаптивные решения в зависимости от того, как прочитывают (или просчитывают) действия и атрибутику друг друга, создавая частную социальность здесь и сейчас.

Сети, ставшие популярным предметом социологических исследований в последние два десятилетия, не являются серединой континуума между нормативностью институтов и креативностью интеракций. Внутри сети координация может обеспечиваться нормативностью даже более жесткой, чем институциональная. Но социальность сетей при этом относительна, поскольку основой координации объектов является не интеграция их всех, а селекция тех из них, которые идентифицируются как «свои» на фоне «остальных». Наличие этого фона и обусловленность доступа в сеть идентичностью являются характерными чертами любых сетевых структур. *Потоки*, как и сети, представляют собой тип координации объектов на основе селекции. Но отбор объектов в поток происходит не в силу их фиксированной идентичности, а в силу их подвижности – пространственной, культурной, физической, интеллектуальной и т.п. Координация объектов в потоке обеспечивается постоянным движением через границы нормативности – генерированием новых трендов, ивентов, проектов и т.д. Потоки за счет такой креативности создают даже больше структурности, чем институты, интеракции или сети. Однако структурность эта базируется не на повторяемости паттернов или устойчивости связей, а на направленности и интенсивности изменений и движений. Потоковые структуры не являются социальными в привычном смысле интегрированности и нормативности, они создают другую, альтернативную социальность.

Две главные прогрессивные волны в теоретической социологии за последние полвека связаны с расширением и дополнением пространства представлений о социальных структурах / порядках социальности. Интегративные парадигмы, созданные с 1970-х гг. Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, П. Бурдьё, были нацелены на установление связности структур и действий, то есть на объединение тотальной социальности институциональных, нормативных порядков и частной социальности порядков интеракций. Поиски новых объектностей и разработка новых метафор и концептуальных схем с 1990-х гг. М. Кастельсом, Дж. Урри, Б. Латуром, К. Кнорр-Цетиной релятивизировали проблематику объединения макро- и микроуровней социальности и дополнили социологию представлениями об иных фундаментальных порядках социальности – сетевых и потоковых структурах. Вновь открытыми структурами не устраняются и не заменяются полностью прежде открытые структуры. Конфигурация разных социальных порядков – это та реальность, с которой теперь приходится иметь дело. Социальный мир выглядит сложнее, в этой картине больше деталей и взаимосвязей, чем во времена учебы и профессиональной социализации Кэмпбелла и других ворчащих «стариков».

Прогресс в социологии есть, и это – во-вторых, потому что есть аккумуляция знания в изучении социального действия. Аккумуляция знания идет здесь по линии: детерминизм и функционализм от Э. Дюркгейма до Т. Парсонса – конструкционизм от М. Вебера до Х. Йоаса – постконструкционизм от П. Бурдьё до Б. Латура и К. Кнорр-Цетины. Социальность действия как его нормативная заданность и полезность для других – это

элементарный и необходимый уровень понимания. Этот уровень сначала был дополнен пониманием социальности действия как его наполненности смыслами / значениями, прочитывание или просчитывание которых другими людьми ведет к последующей цепи действий. На современном уровне понимания социального действия внешние нормы и внутренние смыслы могут переходить друг в друга и образовывать субъект-объектные реальности, известные как габитусы и порождающие социальные действия по схемам, не артикулированным в классической социологии как объективистского, так и субъективистского толка.

Также субъект-объектные реальности, порождающие социальные действия, возникают при обращении с вещами вроде велопрогулки и раскрытия зонта под дождем, которые Вебером приводились как примеры несоциального действия. Сеть, включающая акторов и актантов разной природы, действует, создает нормативность и смысловую ориентированность на других. Велосипед – очевидный актант, участник субъект-объектной реальности социального действия (особенно в Амстердаме или Копенгагене), зонтик – социально-конструктивная вещь и очевидный актант (особенно в Лондоне и Санкт-Петербурге). То, что даже простое техническое устройство несет в себе паттерн социального действия, стало гораздо понятнее в последние десятилетия, когда умножилось число устройств и цифровые технологии стали не только носителями таких паттернов, но и генераторами алгоритмов социальных действий.

Социологические модели социального действия стали за последние полстолетия многообразнее и сложнее, а их относительность и взаимосвязанность стали очевиднее и важнее для исследователей, чем это было в пору студенческой молодости и профессионального расцвета Кэмпбелла и прочих ворчащих «стариков».

В-третьих, прогресс в социологии есть в изучении социального развития. От прототеорий модернизации у Конта (от военного общества к промышленному), Маркса (от феодализма к капитализму), Вебера (от традиционности к рациональности), Тённиса (от общины к обществу) социология перешла к эмпирически обоснованным моделям модернизации, в которых социальное развитие предстало как рост институтов массового индустриального общества. В конце прошлого века понимание социальных изменений дополнилось моделями глобализации, постмодернизации, виртуализации, в которых социальное развитие предстало в новом свете: как созидательное разрушение старых институтов, рост новых социальных движений, сообществ, порядков интеракций, сетей, потоков.

В начале нынешнего века актуальным становится изучение тенденций постглобализации и поствиртуализации. Вместо роста открытости и связности обществ теперь наблюдаются тенденции к созданию новых барьеров, препятствующих распространению транснациональных и транслочальных сетей и потоков. Цифровизация, являющаяся инструментальной реализацией и техническим оформлением процессов виртуализации общества, превращается из экзотики в социальную рутину и в форму менеджериально-бюрократической апроприации (от англ. appropriation – присвоение) практик виртуализации, перевода их на подконтрольные государству и корпорациям цифровые платформы. В условиях рутинной цифровизации и принудительной виртуализации социальной жизни возникают тенденции создания гибридных социальных реальностей, соединяющих в себе физические и цифровые, символические и материальные, публичные и приватные, традиционные и постмодернистские элементы.

Понимание путей и критериев социального развития за полвека продвинулось от нормативных концепций уровня жизни, включающего объем потребления базовых благ, к концепциям качества жизни, включающего объем потребления, доступность общественных благ / сервисов и комфортность природной и социальной среды. Теперь все более актуальной становится концепция наполненности жизни, в которой, помимо приведенных показателей уровня и качества жизни, следует добавить мобильность и креативность, динамичность и насыщенность позитивным социокультурным опытом существования современных людей. Таким образом, понимание социальных изменений и социального развития также

стало более комплексным и существенно отличается от того, что под этим понималось в пору социологического взросления Кэмпбелла и остальных ворчащих «стариков».

Есть и четвертый аспект прогресса социологии, практически не замеченный Кэмпбеллом и прочими ворчащими «стариками». Инструментальный, технический прогресс можно видеть в том, как методы сбора и анализа эмпирических данных прошли в своем развитии путь от простых анкет к изошренным шкалам, а затем к качественным методам, mixed методам и к стратегии multimethod, включающим дополнительно к текстовым и числовым еще и визуальные методы. А теперь этот инструментарий дополняется технологиями «больших данных» (big data).

Концептуальный прогресс и тесно связанный с ним прогресс инструментальный во многом обеспечены как раз поколением «стариков», активная часть которых и сетует, парадоксальным образом, на отсутствие научного прогресса. А активистски настроенные «молодые» под прогрессистскими лозунгами постколониальных исследований, критической расовой теории, «южной теории», критики европоцентричности социальных наук больше стремятся апроприировать институциональный прогресс, чем превратить свои перспективные слоганы и метафоры в теоретически стройные, методологически ясные и научно корректные модели социального порядка, социального действия, социального развития.

Заключение: аккумуляция научного знания и имплементация научного этоса. Прогресс в социологии налицо, вопреки и ворчанию «стариков», и нытью «молодых». Однако прогресс не всегда абсолютное благо. Так оказалось в истории с технологическим и экономическим прогрессом, разрушающим экологическое равновесие и усугубляющим социальное неравенство. У прогресса социологии есть свои проблематичные следствия. Возрастает комплексность дисциплины и нарастает неопределенность при выборе релевантных теорий и методов. Также возрастают негативные эффекты недобросовестного применения социологических методов и техник в манипулировании общественным мнением и растет неравенство в производстве социологического знания между доминирующими и периферийными сообществами, что пусть и в разных формах, но признается как «стариками», так и «молодыми».

Ворчание «стариков», сетующих, что нет теоретической когерентности, что нет большой теории, что ложная новизна подменяет собой научный прогресс, что идеологический надзор левых активистов подрывает академическую свободу и научный этос, отсылает к образу науки, какой она виделась в XIX – середине XX в. Среди институционально благополучных «стариков» кумулятивный рост общесоциологической теории рассматривается как прогресс. Теперь консенсуса, абсолютной когерентности нет ни в одной дисциплине. «Нормальная наука» осталась только в парадигмальной работе Т. Куна о структуре научных революций [Kuhn, 1970]. Ни в физике, где сосуществуют квантовая и релятивистская механики, модели твердого тела и теория струн, ни в биологии, где молекулярные исследования генома соседствуют с полевыми наблюдениями за поведением особей в прайде, нет объединяющей парадигмы. Социология – одна из наук, отклоняющихся от куновской «нормы», прогрессирующая в мультипарадигмальных формах. Надо просто уметь пользоваться новыми инструментами по назначению.

Дебаты между теми, кто заявляет, что в социологии прогресса нет, и теми, кто настаивает на наличии в ней реального прогресса, напоминают спор оптимиста и пессимиста по поводу стакана с водой. В ситуации, когда идет обмен репликами вроде «стакан наполовину полон», «стакан наполовину пуст», «стакан уже не тот», «стакан еще не тот», нужно опираться на признаваемый обеими сторонами факт и придерживаться прагматической позиции: из стакана можно пить.

Нытье «молодых» также нужно интерпретировать социологически. Это их нытье указывает на отжившие дискурсы, на то, что большая теория – это идеология подавления, на расизм / империализм / сексизм классиков, на необходимость вернуться к миссии борьбы за социальную справедливость, связано с борьбой за доминирующие позиции в институциональных структурах научного сообщества. Для институционально недооцененных /

ущемленных «молодых» прогресс социологии – это разрыв со старыми структурами мышления и организации научного сообщества. Нытье воплощается в «поворотах», нацеленных на подрыв мейнстрима как власти «стариков», закрепленной в институционализированных формах социологии. Со временем новая социология «молодых» состарится, станет косной и превратится в объект для атак новых поколений, чье оружие – концептуальные инновации и метафоры, а цель – перестройка институций сообщества.

Прогресс как аккумуляция знания в социологии существует. Именно поэтому «кризисы», «разрывы», «повороты» можно и нужно анализировать, исходя из уже неоднократно подтвержденных открытий классиков: теоремы Томаса, концепции идеологии Маркса, концепции научного этоса Вебера. Состояние в современных социальных науках, принимаемое за кризис, становится кризисом в своих последствиях – в ворчании и нытье. Принимаемое за прогресс, оно становится прогрессом в своих последствиях – гонке за развитием. Надо отличать объективный переворот в способах производства знания от форм его осознания. Надо стремиться к смене старых форм истинности новыми формами. Макс Вебер уже более ста лет назад обрисовал перспективу сегодняшней дискуссии о прогрессе в социологии, как и в любой науке: «...каждый из нас знает, что сделанное им в области науки устареет через 10, 20, 40 лет... С этим должен смириться каждый, кто хочет служить науке... Научные работы могут, конечно, долго сохранять свое значение, доставляя “наслаждение” своими художественными качествами или оставаясь средством обучения научной работе. Но быть превзойденными в научном отношении – не только наша общая судьба, но и наша общая цель» [Вебер, 1990: 709]. Остается лишь добавить, что эти судьба и цель объединяют всех социологов, включая ворчливых «имперских стариков» и ноющих «периферийных молодых».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бэр П. Социология остановлена // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 3–15. [Baehr W.P. (2020) The Arrest of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–15. (In Russ.)]
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. [Weber M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Шубрт И. Мысли о современной российской социологии и ее перспективах // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 5–15. [Šubrt J. (2021) Reflections on Modern Russian Sociology and its Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)]
- Campbell C. (2019) *Has Sociology Progressed? Reflections of an Accidental Academic*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Castells M. (2000) *The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Malden, MA: Blackwell Publishing.
- Go J. (2020) Race, Empire, and Epistemic Exclusion: Or the Structures of Sociological Thought. *Sociological Theory*. Vol. 38. Iss. 2, June: 79–100.
- Go J., Lawson G. (2017) *Global Historical Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- House J.S. (2019) Culminating Crisis in American Sociology and its Role in Social Sciences and Public Policy: An Autobiographical, Multimethod, Reflexive Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 45. No. 1: 1–19.
- Knorr Cetina K. (2009) The Synthetic Situation: Interactionism for a Global World. *Symbolic Interaction*. Vol. 32. Issue 1: 61–87.
- Kuhn T. (1970) *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. Chicago: Chicago University Press.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Oxford: University Press.
- Patil V. (2018) The Heterosexual Matrix as Imperial Effect. *Sociological Theory*. No. 36 (1): 1–26.
- Urry J. (2000) *Sociology beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century*. London: Routledge.

Статья поступила: 13.12.21. Принята к публикации: 27.12.2021.

GRUMBLING 'OLDIES', WHINING 'YOUNGSTERS', AND PROGRESS OF SOCIOLOGY

IVANOV D.V.

St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (dvi1967@gmail.com).

Abstract. The article is presenting the author's approach to the problem of progress in contemporary sociology. Two kinds of the crisis discourse questioning the sociology's progress are analyzed. Such discourses are associated with the different generations of sociologists who consider in different ways conceptual, institutional, and instrumental changes in the discipline. The progress of sociology in the recent history is traced in the form of tendencies towards more complex and coherent representations of social order / structures, social action / agency, and social change / development. The progress in sociological theory and methodology is stated. The article argues the special role of post-virtualization processes and digitalization routine in formation of the structures, agency patterns, and social development models which define actual agenda in studies of sociology's fundamental subjects: social order, social action, and social change.

Keywords: sociology, scientific progress, structure, agency, social development, digitalization routine.

Received: 13.12.21. Accepted: 27.12.21.

Д.В. ТРУБИЦЫН

КАПИТАЛИЗМ И ВЕБЕРИАНА В РОССИИ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ. Часть 2. АПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА

ТРУБИЦЫН Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Забайкальского государственного университета, Чита, Россия (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Аннотация. Дается критический анализ российской веберианы в применении к проблемам современного общества (социальных последствий распространения информационных технологий) и методологическим проблемам современной социологии («больших данных» и «революции архивов»), представленной в работах Н.Н. Зарубиной. Обосновывается, что принципы и метод понимающей социологии в реальности приводят не столько к познанию, сколько к отторжению социальных инноваций. Подвергается критике веберианская оценка исторической динамики незападных стран, причем как прогнозы самого М. Вебера относительно развития капитализма в этих странах, так и оценка успехов их модернизации в XX – начале XXI в. его современными последователями. Высказывается мнение относительно роли капитализма в процессе модернизации, обосновывается, в том числе с опорой на труды М. Вебера, что именно капитализм как система отношений формирует позитивные ценности и нормы современного индустриального общества.

Ключевые слова: модернизация • капитализм • методология • понимающая социология • протестантская этика • культура

DOI: 10.31857/S013216250017008-1

I

Несмотря на выявленное М. Вебером отсутствие этических предпосылок капиталистической модернизации в непротестантском мире, она все же идет. Однако вебериана оценивает ее результат невысоко. Китай, пишет Н.Н. Зарубина, развивался в конце XX в. по пути очень продуманной и четко выстроенной адаптации к внешним условиям, в том числе заимствования и имитации успешных проектов, а «встраивание» Индии в современность происходит в значительной степени благодаря быстрому и эффективному развитию в некоторых высокотехнологичных отраслях, в том числе в создании программного обеспечения для цифровой техники [Зарубина, 2020: 10]. Такая интерпретация происходящего выдает желание (мы не утверждаем, что так и есть на самом деле) намекнуть на некую неполноценность экономического развития этих стран. Создание программного обеспечения вчерашними колониями и полуколониями, их превращение в «мастерскую мира» не представляют автору существенными достижениями. Выход на лидирующие позиции в мире по общему объему ВВП, внешней торговли (не за счет продажи сырья), оттеснение на 3–4 места таких промышленных гигантов, как Япония и Германия, – всего лишь результат «четко выстроенной адаптации к внешним условиям» и «заимствования и имитации успешных проектов». Возникает вопрос и к строгости мышления о причинах. Что значит «в том числе» и «в значительной степени», насколько велико число и значительна степень?

Безусловно, в причинах успехов этих и других новых индустриальных стран содержатся и низкий уровень жизни, следовательно, облегчившая завоевание внешнего рынка дешевая рабочая сила, и обеспеченная демографическим давлением огромная конкуренция на рынке рабочих рук, и несоблюдение прав интеллектуальной собственности, и многое

другое. Однако факт остается фактом – им удалось создать производящую экономику на уровне мировых требований к качеству продукции и услуг.

Второе важное обстоятельство – они сделали это на основе рыночной экономики, пусть и под контролем в ряде случаев несвободного политического режима. Как пишет экономист, успехи развития этих гигантов, как и других, менее значительных стран Востока и Латинской Америки, связаны с капитализмом. Не «в значительной мере», не «в том числе», а именно благодаря ему «страны третьего мира, подключившиеся к глобализации капитализма, переживают беспрецедентное в истории процветание и резкое сокращение бедности. Наоборот, за бортом благосостояния оказались страны (в основном африканские, центральноазиатские и ближневосточные), не сумевшие интегрироваться в глобальную экономику. Вопреки утверждениям критиков, глобальный капитализм продемонстрировал свою способность повышать благосостояние и искоренять бедность везде, где ему позволяют развернуться». Что же касается «азиатской модели», пишет ученый, она уже прекратила свое существование. Все больше стран осознает, что единственным дееспособным образцом можно считать то, что презрительно называют «англосаксонской моделью капитализма» [Лал, 2009: 178, 340].

Не во всем соглашаясь с этой мыслью (колебания между курсом *laissez-faire*, под которым подразумевается «англосаксонская модель», и дирижизмом неизбежны и в будущем), результаты развития надо оценивать объективно. А они показывают, что с того момента, как большинство развивающихся стран выбрали либеральную экономику, масштабы бедности («вопреки оценкам Стиглица, Всемирного банка и бригады антиглобалистов» [там же: 198]) сокращались. Фиксировались также сокращение в этих странах разрыва между богатыми и бедными и рост за счет них мирового среднего класса: если в 1960 г. жители Азии составляли от него лишь 6%, то в начале нового тысячелетия – уже 52% [Bhalla, 2002: 187]. Поэтому данные показывают, что эти страны не «встроились в современность», они ее производят. При всех издержках они приобрели опыт создания производящей экономики на основе капитализма и теперь располагают многомиллионным населением, способным и далее осуществлять эту модель.

Не сбылись и опасения «культуралистов» относительно «разрушения традиционных ценностей». Как показывают непосредственно социологические исследования [Srinivas, 1996; Whyte, 1996; Mayer, 1996; Beteille, 1996], результаты которых надо отделять от риторики правящих режимов, переживая модернизацию, страна не утрачивает своей «души». И тот факт, что современный мир движется по пути, намеченному С. Хантингтоном в его «Столкновении цивилизаций», подтверждает тезис о гибкости культуры и относительной независимости друг от друга картины мироздания и материальных представлений. Поэтому стоит согласиться с утверждением, что модернизация возможна и без вестернизации, а «единственная цивилизация, еще не полностью осознавшая эту истину, – цивилизация ислама» [Лал, 2009: 265]. Приходится добавить к этому Россию, в которой, как верно заметила Н.Н. Зарубина, «поиск оснований для материальной рационализации, т.е. новых ценностей и смыслов, способных мотивировать прорыв в будущее, пока продолжается» [Зарубина, 2020: 10]. Однако единственное, что нам остается в свете сказанного в первой части об игнорировании объективного в феномене социального, – уповать на чудо веберовской рационализации: «именно прозрения, “осевые прорывы” в этой области обеспечивают выход на новые уровни развития» [там же: 13]. Оценка этих надежд впереди, пока обратим внимание на «прорывную» лексику: она закономерна, если история движется не усилиями миллионов людей, вступающих в те или иные системы отношений, а «прозрениями».

II

С небезупречной, как видим, оценкой успехов развития незападного мира тесно связана нравственная критика реального капитализма. Но если веберовская, столетней давности, была осторожной – «кто знает, навсегда ли ушел из мирской оболочки дух аскезы?» [Вебер, 1990в: 206], то современная склонна приписывать капитализму все ужасы

последних столетий. Он «проделал путь, полный трагических коллизий», тренд «формальной рационализации реализовался практически во всех областях жизни современных обществ, воплотившись в фордистской организации массового производства, в макдональдизации массовых потребительских практик и даже в холокосте как чудовищной машине массового уничтожения людей», а «протестантская этика ... привела Запад к "стальному панцирю" господства рынка над обществом» [Зарубина, 2020: 8–9].

Как видим, метод не слишком требователен и позволяет приписать изучаемому явлению очень многое, противопоставляя это данным экономики и номотетической социологии как равноценные аргументы. А также не заметить факты, не вписывающиеся в «понимание». Например, что в путь, «полный трагических коллизий» (когда человеческая история была иной?), входит беспрецедентный экономический рост, позволивший миллионам людей удовлетворять материальные и духовные потребности на современном уровне. И что при всем несовершенстве этой формы отношений из имеющихся она лучше всего развивает и реализует способности людей – не случайно только при ней стало возможно понятие «человеческий капитал».

Недооценку этого свойства капитализма выдает фраза Вебера о «последнем центнере горючего» [Вебер, 1990в: 206]. Это, конечно, метафора, но она указывает на понимание капитализма как игры с нулевой суммой. Интересная, хотя и грубо сформулированная закономерность, идущая вразрез с данной логикой, – чем меньше «центнеров горючего» находится в распоряжении страны, тем более она преуспевает в экономическом развитии. Однако в глазах значительного числа людей экономика все равно остается игрой с нулевой суммой. Суть этой политэкономии в том, что количество материального богатства всегда конечно, и если где-то прибыло, значит, где-то убыло, а обогащение одного означает обеднение другого. Нет нужды доказывать, как тесно эти представления связаны с коммунистическими идеями, и что длительное господство данной идеологии, наложенное на традиционное русское «правдоискательство», сделало их почти неискусусными в нашей стране.

Однако культурное и идейное наследие пусть медленно, но преодолимо. А прежде всего данная установка подпитывается отношениями рентно-сырьевой экономики, которые, как оказалось, мало отличаются от отношений в аграрных обществах¹. Последнее тоже зависит от конечного природного продукта и условий его добывания, а не от потенциально бесконечных возможностей человека – таланта, образования, квалификации. Человеческие способности, будучи неограниченными, неограниченно воспроизводят материальное богатство. Природный же ресурс, даже будучи огромным, всегда конечен. А поскольку такая экономика и беднее, чем производящая, и обладает другим опасным недугом (рано или поздно государство сосредотачивает в своих руках главный ресурс и выстраивает вертикали господства и подчинения взамен договорных отношений), власть распределяет это богатство как конечное. Основным социальным актором такой системы становится «бюджетник», полностью зависящий от суммы распределяемого богатства и вертикальных структур. Поэтому результатом его «рационализации» станет не только этика зависимости, но и понимание экономической деятельности как игры с нулевой суммой. Как видим, веберована эту политэкономия не преодолевает и проблему такую не ставит.

Есть и другое противоречие. Если столетие назад Вебер обнаружил проблемы, связанные с уходом протестантской этики из капитализма, настолько серьезные, что может наступить «век механического окостенения, преисполненный судорожных попыток людей поверить в свою значимость» [Вебер, 1990в: 206–207], как объяснить не крах, а еще больший его взлет в XX – начале XXI века? Графики роста мирового ВВП показывают подъем XX в., многократно превышающий предыдущий, а вторая половина этого столетия и вовсе перемещает центр мирового капитализма с Запада на Восток. Как это

¹ Дж. Фостер использовал это понятие для описания крестьянской культуры [Foster, 1967].

могло произойти, если уже в начале XX в. забота о мирских благах из тонкого плаща, скрывающего ценностный стержень, превратилась в «стальной панцирь», сковавший и подчинивший себе человека? [Зарубина, 2020: 9]. Как «бездушным профессионалам, бессердечным сластолюбцам и ничтожествам» удалось сделать то, что экономист описывает как «самое потрясающее явление последних десятилетий прошлого века» [Лал, 2009: 254]? Итогом деятельности «копошащихся ничтожеств» и «безыдейных мещан» стало возрождение из экономического небытия многомиллионных стран. Вебер сомневался в возможностях капитализма без протестантской этики, эти сомнения должны разделять его последователи. Не потому ли они дают столь невысокую оценку результатам их развития?

Но важнее причинно-следственные связи иного рода. Тот факт, что духовная легитимация, будучи важной в период, когда капитализм только утверждался, уже не столь важна в последующем, зафиксировал и сам Вебер [1990в: 206]. Но не означает ли это, что и в период раннего капитализма как фактор динамики она была *не важнее* других, не связанных с религией, обстоятельств?

Однако дело не только в экономических свойствах капитализма, важнее его «социологический» эффект, причем обратный тому, который хотел продемонстрировать Вебер. Как ранний капитализм сформировал у своих субъектов «протестантские добродетели», так всю последующую историю он является генератором таких ценностей и норм, как самоконтроль, личная ответственность, честность. А ведь именно Вебер констатировал, что «повсеместное господство абсолютной беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазному развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам» [Вебер, 1990в: 78]. И он же впервые указал на то, что капитализм произошел не из стяжательства и алчности, как принято считать, а из их преодоления. Своевременным было и другое – разоблачение романтического мифа о моральной чистоте деревенской жизни и неявное указание на то, что сознательно честных субъектов порождает городская капиталистическая экономика: «крестьянин мало склонен к аскетическому рациональному жизненному поведению. Этическая идеализация крестьянина – продукт современности» [Вебер, 1990в: 251].

Напомним, что на удочку «естественной» морали «простого народа» попались в свое время Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Гердер, О. Шпенглер, Л. Толстой и русские народники, германские романтики и национал-социалисты. Повторяют эту ошибку и современные «культураллисты», ищущие в народных нравах основания «особого пути». Как правило, этот поиск заканчивается идеализацией сельского уклада жизни. Вебер стал одним из первых, кто развеял эти иллюзии, однако сам, следуя методологическому индивидуализму, не сделал из этого социологических выводов о роли договорных отношений в формировании ценностей и норм современного общества. И фактически подтвержденные выводы о том, что *капитализм воспитывает*, оказывая благотворное влияние на моральное состояние общества, теряются в потоке штампованной критики этой системы отношений. Мы же призываем к еще более широким их обобщениям. Сравнение рыночных и административных структур в любом обществе, даже в современном индустриальном, включая страны «устойчивой демократии», показывает эффекты более стремительной деградации бюрократических систем по сравнению с коммерческими, равно как более низкую их эффективность. Полагаем, можно назвать причину. Деградации под влиянием эгоизма подвержены любые структуры, и вертикальные, и горизонтальные. Но вторые, будучи коммерческими, находятся под неусыпным контролем не субъекта, а объективных результатов их деятельности. Капитализм, как ни вызывающе это звучит, оказался реальным «зеркалом души» – возымел положительный нравственный эффект – именно поэтому.

III

Рассмотрим применение веберовского подхода к анализу современных проблем. «Эмпирические корреляции между явлениями, устанавливаемые “цифровой наукой” с помощью формальных алгоритмов на основе больших данных, позволяют эффективно действовать, но не дают понимания причинных связей (курсив наш. – Д.Т.) ...они не более значимы, чем практический опыт “торговки овощами” или дикаря, прекрасно умеющих оперировать с природным, инструментальным и хозяйственным окружением и знающих о нем все, что необходимо для эффективных практик. ...что имеет для нас значение – знать условия эффективного достижения практических целей, или понимать современный мир во всем многообразии его проявлений и связей?» [Зарубина, 2021: 6].

Во-первых, почему или-или? Объяснение мира «во всем многообразии его проявлений и связей» означает и знание «условий эффективного достижения практических целей». Есть разные уровни постановки проблемы и, соответственно, разные задачи в рамках одной исследовательской программы. Априорно одинаковыми факторами истории (пока не доказано обратное) являются и практические навыки торговли и дикаря, и их мировоззренческие установки. Если капитализм развился не только потому, что был «правильно» рационализирован, но и в силу его чисто экономических свойств, и именно благодаря ему, а не протестантской этике, произошла модернизация, не учесть это знание при обобщении нельзя.

Во-вторых, приходится констатировать переключение аргументации с одной сферы на другую. Речь идет об исторической социологии, статья публикуется в соответствующем разделе, но позитивистское ее направление критикуется посредством свойств практической социологии. «При абсолютизации “цифровых” методов в социальном и гуманитарном знании они приводят к упрощениям и необоснованным обобщениям, заменяют объяснительные функции науки описаниями. Для некоторых апологетов цифровых социальных наук их главная задача сводится к определению практически значимых корреляций, с помощью которых можно прогнозировать действия людей, например потребительское и электоральное поведение» [Зарубина, 2021: 6]. Автор поднимает проблему «больших данных» и «революции архивов» («появилась возможность использования формальных вычислительных методов для обработки данных исторического, социального, культурного, художественного характера»), но критикует позитивизм на основе свойств «прогнозной аналитики», для которой «важен практический результат» [там же: 5–6].

Разве историческая социология как номотетическая наука не направлена на понимание социального мира «во всем многообразии его проявлений»? Разве классическая статья К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» не обозначает в качестве цели данной науки выявление этих самых причинных связей? [Гемпель, 2000]. Нет в современной позитивной исторической социологии ни «ориентации на коммерческую эффективность», ни «ущерба масштабным теоретическим построениям» [Зарубина, 2021: 8]. Как раз она осуществляет соединение теории и эмпирии², а практикуемые ее представителями, например, логический эмпиризм и номологический подход подразумевают в качестве цели обнаружение законов истории [Розов, 2009].

Что предлагает «понимающая социология» в качестве альтернативы номотетики? Она предлагает выяснить, как оформляют в своем сознании дикарь и торговка овощами повседневные экономические практики, считая, что это и есть подлинное социологическое исследование истории. Что ж, это необходимо, и анализ системы ценностей как одного из факторов исторической динамики входит в задачи номотетики. Но нужно также выявление общих законов (а не просто «незначительных практических корреляций», на

² На Западе – Р. Карнейро, Т. Скочпол, Дж. Голдстоун, Р. Коллинз, в России – Н.С. Розов, П.В. Турчин, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев и др. Важно, что многие из них считают себя последователями Вебера, но не культуросцентризма, а подхода, при котором «отнесение к ценности» – учет лишь одного из факторов исторической динамики.

основании чего автор критикует позитивную социологию). Если же вспомнить, что ценности и смыслы дикаря и торговли нельзя обобщить, поскольку к каждой из этих «рациональностей» нужно подходить как к неповторимому явлению, существующему только раз в истории, станет ясно, что это полностью закроет дорогу к формулировке проверяемых теоретических положений. Вот и оказывается, что не позитивизм, а вебериана ограничивается описанием, и посредством нее не получится «понимать современный мир во всем многообразии его связей». А может ли «отнесение к ценности», т.е. интерпретация мотивов поведения акторов с точки зрения базовых смыслов их культуры, само по себе, без обработки фактов генерализирующим методом, обеспечить адекватное понимание всей картины истории, мы предлагаем судить читателю. Ведь утверждение, что «надличностные смыслы» для истории существование, чем измеряемые объективные данные, – позиция отдельного ученого. И как таковая может и должна подвергаться критике.

IV

Более того, такое представление проблем современного общества показывает скорее его неприятие, чем стремление познавать. Особенно это касается влияния информационных технологий – в который раз западный классик сводится к инструменту критики идущих с Запада же инноваций. Что-то из обозначенного реально и правда составляет проблему, например, «эффект Google» и «цифровое слабоумие» [Зарубина, 2020: 11]. Однако без точных данных о степени распространения этих явлений, чем и должна заниматься социология как эмпирическая наука, это напоминает алармизм. Поскольку в определенной степени подобное имело место и раньше, в массовой культуре и образовании без персональных компьютеров и Интернета (припоминается, как еще в 80-х гг. в связи с распространением калькуляторов забили тревогу советские учителя математики), необходима динамика, отраженная в цифрах. Здесь же оценка приведена без статистики и конкретизации, а потому может вызвать возражения. Например, не очевидно, что «рационализация жизненного поведения осуществляется не сознательным самоконтролем индивидов, а внешним принудительным воздействием цифровых машин», и что «сетевые сообщества... не предполагают ни нравственной, ни эмоциональной вовлеченности, ни усилий для того, чтобы соответствовать требованиям и уровню общения» [там же: 11–12]. Вызывает сомнения и «готовность переложить на цифровые машины и формальные алгоритмы принятие решений в различных областях жизни» [там же].

Даже если что-то из сказанного здесь реально, важно учесть следующее. Как среда, в которой можно высказать свое мнение или совершить поступок инкогнито, Интернет показывает, что представляет собой человек на самом деле. Поэтому так актуальны сегодня социологические исследования в Интернете – он способен продемонстрировать истинное лицо страны, культуры, индивида. И интересно узнать, какое нравственное содержание вкладывают в общение в Интернете эти разные субъекты, является ли эта проблема глобальной и существует ли она вообще, если применить не метод Вебера, а номотетическую социологию.

Незаслуженно окрашен в черный цвет «цифровой номадизм», которому приписаны гедонизм, отказ от обременения себя длительными отношениями и устойчивой приверженностью определенным взглядам, избегание обязательств и ответственности [там же: 12]. Работа современного «интернет-кочевника» – свободный выбор и индивидуальная ответственность за него. Мы не видим в ней «освобождения от ответственности за рационализацию своего поведения» и не считаем, что нет здесь ничего общего с аскетизмом протестантских профессионалов [там же: 12]. Цифровая экономика подобна компьютерной программе – не терпит ошибок и имитации труда. Здесь нет места формальности, никто не встречает человека в начале рабочего дня, не следит за ним в процессе, хорошо известный советским трудящимся «нормировщик» не ставит «восьмерку», а колхозникам – «трудодень» (идеальный пример формальной «рационализации»). И ничего

машинам не «делегировано» [там же: 13]. Цифровые технологии не действуют «принудительно» и сами по себе, они созданы человеком, в основе их деятельности лежат те же «легальные установления». Наличие машин не исключает сознательного поведения человека – нравственный выбор он делает сам, а если они и утрачивают «человеческо-размерность», то не больше, чем институциональные нормы любых стран любой эпохи.

Например, критикуется электронная система социального рейтинга, при которой «от человека не требуется сознательная мотивация действий, ему достаточно соответствовать формальным правилам, контролируемым машиной» [там же: 10]. Однако можно найти примеры ближе, пусть и не столь технологичные. Рейтинговые системы оценки знаний студентов в современных российских вузах, часто оборачивающиеся формальным набором баллов, и собираемые детьми многочисленными «портфолио» превращают образование, творчество, спорт в формальность ничуть не меньше, чем системы оценки потенциальной платежеспособности клиентов банков. С той лишь разницей, что в последнем случае речь идет о бизнесе (почему бы банку не поинтересоваться человеком, обратившимся за займом?). А вот как массовое явление формализация смыслообразующих сторон жизни имеет куда более серьезные последствия. И разве не такой была плановая отчетность советских предприятий, обязательное «участие» граждан в общественной работе, их членство в разного рода «обществах», посещение партийных и комсомольских собраний, субботников, в конце концов, присутствие на работе, но далеко не всегда – качественное выполнение самой работы? Почему электронный социальный рейтинг, правила, контролируемые машиной, – проблема, а принудительное выполнение многочисленных правил, пусть и не электронных, – нет?

При этом, если речь идет о формальных правилах, нет оснований обвинять в сложившейся ситуации саму рейтинговую систему, например, оценку знаний студентов или систему портфолио. Это только формы, которые сами по себе ни хороши, ни плохи. Их эффект определяется содержанием, т.е. деятельностью субъектов, качеством их работы, их отношением к делу. Могут хорошо работать и они, включая критикуемый всеми ЕГЭ, если не относиться к ним формально. То есть проблема не в них и, соответственно, не в технологиях, а в самом человеке, который делает свой нравственный выбор относительно того, как их использовать.

Может показаться, что эти рассуждения возвращают нас к Веберу: раз формы нейтральны, все зависит от того, какое духовное содержание вкладывает в них субъект. Например, только протестантское духовное наполнение капитализма привело к «возвышению Запада». Однако это верно только на первый взгляд. Попробуем двигаться в обратную от веберовского субъективизма сторону и зададимся вопросом: каково предельно объективное обстоятельство, позволяющее актерам относиться к правилам формально, причем в массовом (социологически рефлексированном) порядке? Это отсутствие в обществе реальной конкурентной борьбы на основе договорных отношений и капиталистической экономики, при которой действия акторов подвержены эффективной, в силу ее безличности, оценке. Но для этого надо признать противоположное веберу: первичным условием формирования и осуществления того или иного типа рационализации являются социальные отношения. Какие-то из них порождают близкую действительности картину мира, какие-то – далекую от нее. Сложившийся к XVI в. капитализм требовал от его акторов содержательной деятельности, а не формальной, потому-то столь сильно разнились средства спасения души у католиков и протестантов, и поэтому столь эффективной оказалась деятельность последних по преобразованию мира.

Так же с информационными технологиями. Если никто не освобождает человека от необходимости самостоятельно зарабатывать на жизнь, а значит, объяснять мир, вступая с ним в *реальные* отношения, созданная в условиях капитализма «формальная рационализация» не утрачивает своего содержания. Общество продолжает относиться к информационному пространству как к действительности, ничем существенно не отличающейся от физического мира вокруг, за который надо нести ответственность.

Заметим, однажды Н.Н. Зарубина все же выходит на проблему объективного, когда говорит о несоответствии коммунистической идеологии советской действительности. «Эта рационализация происходила как насаждение коммунистического этоса при отсутствии интериоризации значительной частью населения, а также невозможности рационализации повседневной жизни вследствие расхождения декларируемых ценностей и реальности. Это привело к быстрому превращению ценностей в бессодержательные формальные ограничительные рамки...» [Зарубина, 2020: 8]. Но здесь же видно, как наиболее существенное в исторической судьбе советского общества – несоответствие его картины мира действительности – помещается на второй план. И это не частный случай, а тенденция. И в изучении глобальной истории, и в исследовании частных проблем российская социология (не без влияния веберианы) повторила с почти столетним отставанием «культуралистский поворот» западной науки. Культура стала «доминирующей категорией в понимании истории, в разработке теории модернизации целостной цивилизации, а не только отдельной страны» [Шевченко, 1995: 74]. Однако это не привело к заметным познавательным «прорывам»: представления о российской культуре в процессе модернизации явно не стали богаче, главная мысль «культуралистов» не ушла дальше критики либерального курса под предлогом того, что Россия – не Запад. Нет и позитивных практических результатов – в который раз описав круг «застой-реформы-контрреформы», российское общество вернулось в исходную точку.

Что же касается западной социологии, в том ее кластере, что тяготеет к точному знанию, наблюдается тенденция к преодолению культуралистского крена. Звучат, например, предупреждения о том, что культура не автономна от общества – ее формы и изменения не объяснимы только в ее собственных терминах [Коллинз, 2002: 53], что культурный детерминизм есть худшая форма детерминизма, исключающая всякую альтернативность истории [Коллинз, 2015: 198]. И как идея, что неизменная во времени культура пересиливает все прочие факторы и диктует траекторию, по которой общество с неизбежностью будет следовать, он нежизнеспособен «ни как теория, ни как практика» [Харрисон, 2016: 54].

Заключение. Важное для предлагаемых здесь тезисов обстоятельство состоит в том, что все новое, в том числе затронутое автором анализируемых работ – социальные последствия распространения информационных технологий, накопление исторической информации и свободный доступ к ней, пришло в российское общество, как и предшествующие инновации, *извне*. Российская модернизация не состоялась, перипетии последних десятилетий – попытка реформирования советского общества и распад СССР, либеральные реформы и последующий консервативный курс – не привели к необратимому формированию существенных признаков и принципов современного индустриального общества. В данной работе не затронут важнейший для российского обществознания вопрос о причинах, а лишь обозначена авторская позиция. В соответствии с ней в России так и не сформировался механизм саморазвития, становление современного общества носит вялотекущий характер, обусловленный преимущественно внешним влиянием, избирательным и некачественным заимствованием передовых идей, институтов и технологий. Произошло это, как и в начале XX в., на предыдущем витке циклического процесса, из-за отторжения необходимой составляющей модернизации – капитализма. Хотя на этот раз он не отрицается радикально, частнокапиталистические отношения и принципы, а значит, и горизонтальные договорные отношения, репродуцирующие базовые ценности современного общества, размыты или замещены государственными (часто – квазигосударственными) вертикалями господства и подчинения.

Понимание «современных социокультурных процессов» требует объяснения не только субъективной составляющей – что думают люди о социальной реальности, но и исследования самой этой реальности. Ее же формируют социальные структуры, обнаруживаемые эмпирической социологией, а на теоретическом уровне обрабатываемые посредством обобщающих методов для выявления их реальной значимости в истории. Надежды веберианцев на «прозрения», которые укажут, наконец, путь российской модернизации,

не сбудутся, поскольку главная теоретическая предпосылка этой идеи была неверна. Не протестантская этика определила развитие европейского капитализма. Напротив, она возникла, когда тысячи субъектов уже в целом сложившейся капиталистической экономики стали вписывать повседневную деятельность в сознание глубоко верующего человека, примирять идею спасения души с экономической реальностью. Вебер продемонстрировал, к каким хитросплетениям прибегает сознание, на какие изощренные повороты способна человеческая мысль. Однако главная задача его работы, к которой он приложил гигантский талант ученого, – показать в пику марксистскому и позитивистскому объективизму наличие обратной причинной связи, привела западную, а спустя столетие и российскую социологию к заблуждению. Оно состоит в том, что духовные «прозрения», обеспечивающие «прорывы» развития, могут возникнуть сами по себе. Но поставленная веберианой во главу угла культура, безусловно, являясь существенным фактором динамики общества, не порождает себя сама. Она «развивается», т.е. в ней возникают новые формы, когда ее субъекты-творцы, повседневно вступая в социальные отношения, порождают и разрешают тысячи нравственных проблем и конфликтов, возникающих в процессе их активной деятельности. В стагнирующем социуме напрасно ждать духовных прорывов, потому что не «прозрения» делают историю, а рутинная работа миллионов людей. Возможно в области духа история и правда – «сад возникающих тропок», и в любой момент может найтись этическое учение, примиряющее субъекта с объективной реальностью и одновременно стимулирующее его активность. Но в чем мы твердо уверены – это произойдет не в рентно-сырьевой стране со стагнирующей экономикой. Для порождения новой действенной рационализации, способной, подобно протестантской этике XVI–XVII вв., стать мощным импульсом развития, нужен индивидуальный вызов активно действующей личности, самостоятельно обеспечивающей свое существование и так же самостоятельно разрешающей нравственные конфликты. Без этого отечественной науке только и останется изучать другое, не свое информационное общество, изучать чужие технологии и их воздействие на человека.

Исследуя протестантскую этику, М. Вебер зафиксировал важный ее принцип: «*tua res agitur*» – «за тебя говорят твои дела». Думается, главное *познавательное* открытие сделал тоже не Вебер, а те, чьи воззрения он изучал: «эмпиризм приближает к Богу, а философская спекуляция уводит от него... Бог побуждает людей к тому, чтобы они стремились познать истину своими глазами, руководствуясь не какими-либо авторитетами, а одним лишь здравым рассудком» [Вебер, 1990в: 239].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990а. С. 345–415.
- Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: М.: Прогресс, 1990б. С. 61–272.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Вып. 1.: История и макросоциология в XX веке. Новосибирск, 2000. С. 13–26.
- Зарубина Н.Н. Актуализация методологического наследия М. Вебера в поисках ответов на вызовы современной социологии // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 3–14.
- Зарубина Н.Н. Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 3–15.
- Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.
- Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Лал Д. Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке / Пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2009.

- Ларин А.Г. Президент, или демократия с тайваньской спецификой. М.: Муравей, 2004.
- Мизес Л. фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
- Розов Н.С. Историческая макросоциология: методология и методы. Новосибирск: НГУ, 2009.
- Селищев А.С., Селищев Н.А. Китайская экономика в XXI веке. СПб.: Питер, 2004.
- Уайтхед А. Избранные работы по философии. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003.
- Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Пер. с англ. Ю. Кузнецова. М.: Мысль, 2016.
- Шевченко В.Н. Теория модернизации с социально-философской точки зрения // Модернизация и национальная культура. М.: Апрель-85, 1995. С. 70–77.
- Beteille A. Caste in Contemporary India // *Caste Today* / Ed. by C.J. Fuller. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Bhalla S. Imagine There's No Country: Poverty, Inequality and Growth in the Age of Globalization. Washington, D.C.: Institute of International Economics, 2002.
- Bhaskar R. The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. New Jersey: Humanities Press, 1979.
- Foster G.M. Peasant Society and the Image of the Limited Good // *Peasant Society: A Reader*. Potter J.M., Diaz M.N., Foster G.M., eds. Boston: Little Brown, 1967. P. 293–315.
- Mayer A. Caste in an Indian Village: Change and Continuity, 1954–1992 // *Caste Today* / Ed. by C.J. Fuller. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Srinivas M.N. Village, Caste, Gender and Method. New Delhi: Oxford University Press, 1996.
- Whyte M.K. The Chinese Family and Economic Development: Obstacle or Engine? // *Economic Development and Cultural Change*. Vol. 45. № 1 (1996). P. 1–30.

Статья поступила: 30.09.21. Принята к публикации: 10.11.21.

CAPITALISM AND THE WEBERIANA IN RUSSIA: REVISITING THE POSSIBILITIES OF VERSTEHENDE SOCIOLOGY. PART 2. AN APOLOGY FOR CAPITALISM

TRUBITSYN D.V.

Transbaikalian State University, Russia

Dmitry V. TRUBITSYN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Transbaikalian State University, Chita, Russia (dvtrubitsyn@yandex.ru).

Abstract. The paper offers a critical analysis of the Russian Weberiana applied to problems of contemporary society (social consequences of information technology expansion) and to resolving methodological problems of modern sociology (the problems of “big data and the revolution of archives”). Reasons are given that the principles and the method of understanding sociology actually lead to the rejection of social innovations, not to knowledge. The article criticizes the Weberian evaluation of historical dynamics of non-Western countries (both Weber’s prognoses for the development of capitalism and modern evaluations of their modernization). Another point of issue is the role of capitalism in the modernization process; it is stated (relying among others on the works of M. Weber) that positive values and norms of a modern industrial society are formed by capitalism as a system of relations.

Keywords: modernization, capitalism, methodology, verstehende sociology, Protestant ethics, culture.

REFERENCES

- Collins R. (2002) *The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change*. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf. (In Russ.)
- Collins R. (2015) *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. Transl. from Eng.; afterword by N.S. Rozov. Moscow: URSS: LENAND. (In Russ.)
- Harrison L. (2016) *Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

- Hempel K. (2000) The Function of General Laws in History. *Vremya mira* [The World Time]. Vol. 1: History and Macrosociology in the XX. Century: 13–26. (In Russ.)
- Huntington S. (2003) *The Clash of Civilizations*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Lal D. (2009) *Reviving the invisible hand: The case for classical liberalism in the twenty-first century*. Moscow: Novoye Izdatelstvo. (In Russ.)
- Rozov N.S. (2009) *Historical Macrosociology: Methodology and Methods*. Novosibirsk: NGU. (In Russ.)
- Shevchenko V.N. (1995) Modernization Theory from a Sociophilosophical Point of View. In: *Modernization and National Culture*. Moscow: April'–85: 70–77. (In Russ.)
- Weber M. (1990a) "Objectivity" in social science and social policy. In: *Selected Works*. Moscow: Progress: 345–415. (In Russ.)
- Weber M. (1990b) The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. In: *Selected Works*. Moscow: Progress: 61–272. (In Russ.)
- Weber M. (2017) *The Economic Ethics of World Religions: Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism*. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2020) The Theory of Rationalization of Max Weber as a Methodology for Understanding Modern Sociocultural Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 3–15. (In Russ.)
- Zarubina N.N. (2021) Updating the Methodological Heritage of M. Weber in Search for Answers to the Challenges of Modern Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)

Received: 30.09.21. Accepted: 10.11.21.

© 2022 г.

А.М. ОСИПОВ

К ТЕОРИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

ОСИПОВ Александр Михайлович – доктор социологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия (osipov.al58@gmail.com).

Аннотация. Автор обосновывает значимость образовательной политики и выработки соответствующей теории в современной социологии образования. Акцентируется отставание социологической разработки названных проблем в мире и России, а также нарастающая критика образовательной политики со стороны разных научных дисциплин и профессионального сознания отраслевого персонала. Такая реакция требует обобщения и решения теоретических вопросов в контексте социологии. Автор увязывает определение понятия, структуры, принципов и критериев эффективности государственной образовательной политики с базовыми идеями социологии образования, концепциями его институциональных функций и структуры как социальной системы, что, по его мнению, обеспечит не только интеграцию исследований, но и перспективу выхода государственной образовательной политики из кризиса, устойчивое предотвращение бюрократических патологий в российском образовании.

Ключевые слова: образование • социология образования • образовательная политика • принципы образовательной политики • теория образовательной политики

DOI: 10.31857/S013216250018498-0

Образовательная политика направлена на то, чтобы определять субъектов, которые воздействуют на состояние и динамику образования, выявлять их социальные и политические интересы, а также социальные, политические и правовые механизмы и ресурсы. Она также решает вопрос об общественной эффективности образования и правильности или ошибочности управления им. Образовательная политика по своей значимости выдвигается на передний план в научной повестке в связи с критикой ее приоритетов и инструментов, результатов развития образования, высказываемой с позиций социологии, философии, экономики [Донских, 2013; Тхагапсоев, Сапунов, 2016; Осипов, 2017; 2019; Полутин, Мананникова, 2020; Школа..., 2020; Трубникова, 2018; Яковлева, 2018]. Вскрытие бюрократических патологий в образовании повышает значимость такой оценки [Осипов, 2020].

Однако деятели образовательной политики не откликаются на критику, в том числе и потому, что она раздроблена и лишена концептуального обобщения. Для консолидации позиции научного сообщества и координации исследований требуется общая проработка сущности, понятия, структуры и приоритетов образовательной политики. На этой основе возможно развитие ее теории как внутриотраслевого направления социологии образования.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-18-00047. Автор благодарит проф. Н.А. Матвееву (Барнаул); В.В. Гаврилюк (Тюмень); Е.А. Шуклину (Екатеринбург).

Образовательная политика как объект социологии. В зарубежной социологии образования обнаруживаются пробелы в отношении общих вопросов образовательной политики [Saha, 1997; Levinson et al., 2002; Глобальная..., 2012; Ballantine et al., 2017]. В российских учебных текстах эта тема пока не представлена. Массив публикаций в социологической литературе отмечен фрагментарностью сюжетов, лишен ясной концептуальной базы, теоретической полемики¹. Общей чертой этих работ выступает разбор частной социальной проблемы и последующая апелляция к образовательной политике как возможному, по мнению авторов, средству ее решения. Академическая педагогика и образовательный менеджмент сводят эту тематику к «проектному менеджменту» [Менеджмент..., 2018].

Причина запаздывающей разработки темы состоит в том, что образовательная политика – сложный социальный феномен с массой латентных компонентов и обстоятельств. В их числе зависимость образовательной политики как сферы «остаточного финансирования» от общей социально-экономической стратегии государства и контролирующих его элит; отложенные во времени результаты и последствия государственной образовательной политики; не всегда наблюдаемый, непостоянный состав социальных субъектов (групп и организаций), влияющих на сферу образования; противоречивые ориентации политических и экономических элит, лидеров государства, топ-менеджмента в отношении образования; лоббирование государственных решений и программ в образовании; международные влияния (в том числе через межгосударственные организации, корпорации, фонды и коммуникации); межведомственные правительственные взаимодействия и др.

Латентность этих компонентов порождает методологические трудности, и при слабой интеграции исследований феномен образовательной политики оказывается размытым, калейдоскопичным. Уточнение, конкретизация предмета изучения затруднены отсутствием целостной концепции этого феномена в восприятии научного сообщества, законодателей, топ-менеджмента, профсоюзов и гражданского общества, работодателей, отраслевого персонала. Именно по поводу нынешней стратегии образовательной политики сложилось массовое несогласие отраслевого персонала [Осипов и др., 2021: 74].

В этой «размытости» некоторые зарубежные авторы усматривают заинтересованность топ-менеджмента, который монопольно контролирует ресурсы в образовании и науке [Cox, 2004; Wilson, Adshead, 2008; Fitzgerald, 2009; Lumby, 2017; Girox, 2017; Ball, 2018; Humes, 2021], противостоит общественно-государственному управлению образованием. Для понимания образовательной политики как феномена и ее конкретных состояний (в контексте эпохи, социума, государства, региона) необходима базовая концепция, увязывающая состояние и деятельность системы образования с потребностями социума. Ее центральное место должен занять корпус институциональных функций образования.

Оценка общественной эффективности образовательной политики и ее рациональная коррекция в интересах страны и государства возможны только с позиции институциональных функций. Однако они не принимаются во внимание теоретиками образовательного менеджмента, которые игнорируют социальную обусловленность образования. Не случайно административно насаждаются компетентностный подход и «вариативное обучение», опровергнутые здравым смыслом, теоретическим анализом, большинством профессионалов отрасли и результатами системы образования. Разработка концепций образовательной политики затруднена и тем, что лежит в междисциплинарных зонах, требующих междисциплинарного научного опыта.

Следует ставить задачу развития в социологии образования внутриотраслевой теории, объектом которой является образовательная политика. Она призвана охватывать и упорядочивать значимые характеристики образовательной политики в целях ее научно-практической оценки и обоснования мер коррекции. Эта теория должна поддерживать

¹ Поиск на eLIBRARY.RU в рамках социологической тематики по ключевым словам «образовательная политика» выявил 1661 публикацию. Среди них нет монографий и обзоров, посвященных постановке проблемы, структуре феномена, теоретическим подходам к ее изучению.

внутриотраслевые и междисциплинарные связи для понимания правовых, экономических, политических, информационных и иных факторов, ресурсов, критериев, приоритетов, социальных позиций ее субъектов.

Теория образовательной политики несет с собой риски для всевластия корпуса топ-менеджеров, поскольку будет ориентирована не на интересы бюрократии или национальных и глобальных элит, а на институциональные функции образования и общественные потребности.

Разработка социологической теории образовательной политики позволит рассеять замкнутый круг «догоняющей» маркетизации российского образования, основанный на представлении об образовании как услуге и сугубо экономическом институте. Менеджмент образования становится все более «универсальным», отчужденным от объекта управления. Он не вникает в специфику культурной, социальной и экономической миссии образования, не учитывает инерционность как свойство образования, обеспечивающее его функционирование и устойчивое развитие в меняющемся мире. Исходя из социальной сущности образования, можно констатировать, что такая позиция неверна в принципе.

Фактически в России отказались от стратегического, научного видения образовательной политики в пользу проектного управления. Топ-менеджерам важен формальный результат, без подтверждения эффективности внедрения в образование и жизнь общества. В ответ нарастает имитационная деятельность персонала. Ситуация начнет меняться, когда в образовательной политике центральными станут вопросы о социальной значимости, рисках, долговременных последствиях, альтернативах принимаемых управленческих решений, состоится поворот к общественно-государственному управлению.

Образовательная политика может быть направлена на разные грани и свойства образования (организационную и функциональную структуру учреждений и размещение их сети в стране, качество знаний, социальную доступность, поиск экономических ресурсов, стимулирование труда, поддержание единого образовательного пространства, предметность, творчество, гибкость и др.). В этой разнонаправленности из-за концептуальной непоследовательности своих разработчиков она может проявлять внутреннюю противоречивость. Так, массовое распространение платных услуг и элитарного обучения противоречит равнодоступности образования, а бюрократическое регулирование стандартов и вариативности – обеспечению единого образовательного пространства. Нет оправдания и межрегиональной многократной разнице зарплат учителей, действующих по одинаковым программам.

Образовательная политика: понятие, структура, субъекты. Образовательная политика – область взаимного наложения смежных явлений и понятий, предметных областей разных наук и, как следствие, затруднений при концептуализации, накоплении знания, сравнительном изучении. В российской литературе не вполне определены границы «образовательной политики»², ее соотношение с менеджментом.

Понятие «образовательная политика» синтезируется из двух терминов. *Образование* рассматривается как сфера целенаправленной социализации и социальный институт со спектром его функций и проявлений, охватывающих действия и программы формального и неформального образования и субъектов (включая обучающихся и обучающихся, отряды менеджеров, партнеров), отдельные элементы структуры образования как социальной системы [Социология..., 2019: 39, 92]. *Политика* – как совокупность социальных практик и дискурсов, в которых реализуются формы и методы управления обществом, группами и их отношениями, связанные с осуществлением власти³. В этом смысле правомерно говорить об образовательной политике бюрократии, корпораций, олигархов,

² В архиве научного журнала «Образовательная политика», издаваемого с 2010 г., нет статей о понятии, концепциях, методологии изучения образовательной политики. URL: <https://edpolicy.ru/> https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=48681 (дата обращения: 10.12.2021).

³ Не все общности (классы, группы, слои) выступают субъектами политики. Примерами служат категории *класс-в-себе* и *класс-для-себя*.

элит, локальных сообществ, отдельных социальных классов и групп. Образование в силу своей отложенной во времени результативности может быть целью или средством долгосрочных, стратегических интересов субъектов политической жизни.

Итак, термин «образовательная политика» обозначает совокупность социальных и политических практик и дискурсов (деятельности и идей), в которых образование выступает средством и/или целью достижения властных интересов общества, социальных групп. Образовательная политика может рассматриваться и как емкая область политической жизни конкретного общества и глобального мира, в которой разные субъекты (государства и/или их союзы, корпорации, политические объединения, социальные общности и движения) добиваются реализации своих интересов в сфере образования. Даже в публичных формах, связанных с документированными действиями и идеями, осуществляемая от имени государства, она может противостоять интересам общества и служить интересам узких групп (бюрократии, олигархов, корпораций, академических кланов). Образовательная политика субъекта, в силу относительного единства его интересов, норм, способов деятельности, ресурсов и устойчивости данного общества, отмечена некоторой целостностью и преемственностью. Таковы образцы образовательной политики экономических элит, государств, корпораций в ситуации конкуренции. Она может выступать в разных направлениях с учетом институциональной специфики отдельных сегментов сферы образования (дошкольного, общего, дополнительного, профессионального, последиplomного, формального, неформального и т.д.).

Рассмотрение структуры образовательной политики помогает выработать представление об объекте и проблемном поле, координировать исследования и преодолевать пробелы в ее изучении. Структурное представление о ней может иметь несколько оснований. Первое выделяет объекты, субъекты и ресурсы такой политики. Второе – системные свойства: институциональную, нормативную, функциональную (в управленческом аспекте) и коммуникативную подсистемы.

Важно совместить понимание образовательной политики и ее структуры с базовыми идеями социологии, концепциями образования как социальной системы и института. Это обеспечит познание того, как политика отражается на состоянии подсистем и сфер образования и общества, как воспринимается субъектами, каким образом воздействует на разные виды учреждений, технологии, ценности образования.

Концепция институциональных функций – основа научно-практической оценки развития образования и эффективности образовательной политики, в том числе по отдельным сферам жизни общества. Она позволяет избежать идеологических штампов и парадных реляций о выполнении принятых самими бюрократами проектов, осуществлять экспертизу данных о развитии сферы образования и политики государства в ней и своевременно ее корректировать.

Образовательная политика – разновидность социального управления, ее субъекты действуют в контексте функционирования образования, науки, культуры, государства, социальных общностей и партнеров. Особенности их взаимодействия в каждой стране специфичны. Например, роль государства может меняться от доминирующей до вспомогательной, характер связи между упомянутыми институтами и субъектами определяются социокультурными традициями, социально-политическими, правовыми и экономическими условиями страны.

В число субъектов образовательной политики входят государство и его аппарат, образовательные общности, политические партии, профсоюзы, научно-экспертные объединения, ассоциации обучающихся и родителей, локальные сообщества, социальные партнеры, лоббисты. Последние могут быть представлены реферативными персонами из сфер образования и науки, масс-медиа, политиков. В поведении лоббистов присутствуют личная или корпоративная заинтересованность, конкуренция, координация и планирование. Применительно к России исследования позволяют делать вывод о том, что центральным, ведущим субъектом образовательной политики является отраслевой

топ-менеджмент (федеральные органы управления) и ассоциированные с ним аутсорсинговые корпорации и научные кланы.

Сам отраслевой топ-менеджмент автономен от общества и управляемых уровней, назначается на должности вышестоящим субъектом, вплетен в систему государственного управления и воплощает ее общую социально-экономическую стратегию. Его всевластие достигнуто концентрацией его полномочий [Смолин, 2015] и ограничением влияния других субъектов, даже квалифицированных экспертных сообществ⁴.

При сетевом характере субъектов образовательной политики важна сбалансированность такой сети: соответствие полномочий, компетенций, ответственности, прозрачности и эффективности информационных обменов ее участников: менеджмента, профессиональной общественности, социальных партнеров, экспертных сообществ в выработке этой политики. Такая сбалансированность – условие демократического, открытого и научного управления образованием и общественным интеллектом в ситуации нарастающей глобальной конкуренции.

Приоритеты и принципы образовательной политики. Публичные приоритеты образовательной политики должны составлять ориентиры законодательства, правового регулирования и межведомственных взаимодействий, отраслевого менеджмента. В России они изложены в Конституции (статья 43 о праве граждан на образование), вытекают из провозглашенного характера общественного строя и сформулированы в законе⁵. Набор этих положений должен быть осуществимым, выражать научное управление образованием, отвечать потребностям общества, выражать идеологию образовательной политики государства, непротиворечиво разворачиваться в законах и подзаконных актах, строго выполняться государственными органами. Статья 3.1 закона излагает двенадцать принципов государственной политики в сфере образования. Воплощают ли они интересы общества?

Принципы не гарантируют открытого характера образовательной политики государства. Принцип 10 разрешает участие персонала, обучающихся, родителей в управлении лишь в своей образовательной организации, но не на уровне муниципалитета, региона или страны.

Среди принципов нет положений, обеспечивающих *научное управление* сферой образования (обязательность учета институциональных функций образования, экспертной оценки и апробации стратегических инноваций)⁶, *сохранение и преемственность* в развитии российской системы образования. Обязательство информационной открытости накладывается только на образовательные организации (принцип 9), но не на органы управления⁷. Все полномочия переданы управленческому аппарату, а наиболее значительный их круг (кадровые назначения, распределение ресурсов, разработку программ) – отраслевому федеральному топ-менеджменту.

Принципы содержат «лакуны» для произвольных толкований. Например, они вовсе не предусматривают госбюджетную поддержку элитарного обучения (в том числе вхождения дюжины «лучших» вузов в топ коммерческих рейтингов, уровней цитируемости, олимпиад и конкурсов и т.п.) при нерешенности насущных проблем (капремонты школ, зарплата учителей и т.п.). Однако перераспределение сотен миллиардов рублей из госбюджета в пользу элитарных сегментов происходит.

⁴ Правительство РФ отдало министерствам полномочия по выработке и реализации *национальных проектов* без предварительной публикации, обсуждения, экспертизы. См.: Методические указания по разработке национальных проектов (программ). URL: <http://static.government.ru/media/files/Pxh1N8ADDbq7ZvMMWcafVEd3McQVTRj5.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

⁵ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (действующая редакция 2021 г.).

⁶ Проект «Образование» (на 2019–2024 гг.) до принятия не был опубликован, не обсуждался в РАН, РАО, вузах. См.: Паспорт национального проекта «Образование». [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/JuG1ErcOWtjFOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).

⁷ Эксперты Счетной палаты РФ назвали Минобрнауки и Минпрос РФ самыми информационно закрытыми. См.: Открытость государства в России. URL: <http://audit.gov.ru/page/government-openness> (дата обращения: 10.08.2021).

Приведенные в законе (№ 273-ФЗ) принципы не ориентируют на глобальные тенденции, на самообразование как перспективную парадигму, на ведущую роль и социальную защищенность ученых и работников образования, призванных обеспечить его творческий характер, на обусловленность образования информационными ресурсами и технологиями⁸. Признаки неполноты принципов государственной образовательной политики не ограничиваются этими замечаниями.

Многие принципы декларативны. Признание приоритета образования (принцип 1) не равнозначно обеспечению такого приоритета. Уровни финансирования многих образовательных организаций оказываются минимальными и нестабильными, не обеспечивая потребностей в качественной деятельности и развития, а оплата труда в них не увязана с высокой квалификацией работников и налагаемой на них ответственностью. Права граждан на образование в течение всей жизни, свобода педагогических работников в выборе форм и методов обучения (принципы 7, 8) также не обеспечены государством.

Право выбора, конкурентный и договорной характер отношений (принципы 7, 11, 12) рожают маркетизацию и деление отрасли на массовые и элитарные сегменты с заведомо разным качеством подготовки, ведут к поддержке «лучших» в ущерб остальному большинству в системе, ущемляют право на доступ к качественному образованию.

Единство образовательного пространства (принцип 4) оказалось разрушенным⁹, что проявилось, помимо прочего, в делении вузов на разные категории с неодинаковыми полномочиями, во внедрении бюрократически установленной доли вариативных программ. В итоге нередко студенты одной и той же специальности не могут перевестись из одного вуза в другой в силу несовпадения их учебных планов.

Автономия образовательных организаций (принцип 9) нарушена концентрацией полномочий менеджмента [Смолин, 2015], приведшей к бумажному прессингу как сквозной управленческой технологии.

Недоказуемо и то, что интеграция во внешнее образовательное пространство (принцип 5), судя по двадцатилетнему опыту обязательного вхождения в «болонский процесс», была необходимой, равноправной и взаимовыгодной, равно как и политический выбор в пользу именно европейского пространства, а не, например, евразийского, в сторону которого заметно смещается в последнее время глобально-политическая и экономическая стратегия государства.

Перечень принципов умалчивает общественную миссию образования – поддержание целостности и воспроизводство общества благодаря реализации институциональных функций, удовлетворению общественных потребностей, не ориентирует на воспроизводство общественного интеллекта. Их формулировки заслуживают коррекций, приведения в соответствие с научным пониманием миссии и функций образования, интересов общества и социальных последствий образовательной политики.

Концептуальные поля образовательной политики. Отмеченная выше несостоятельность, противоречивость принципов образовательной политики государства, сформулированных в федеральном законе (№ 273-ФЗ), вовсе не означает, что эта политика осуществляется в концептуальном, социально-идейном вакууме. Такого вакуума не было в истории образовательной политики никогда, в том числе в СССР¹⁰.

В России в конце 1980-х гг. закладывалась социологическая традиция концептуализации образовательной политики [Руткевич, Рубина, 1988; Колесников и др., 1991], приближающаяся к методологии институционального анализа образования. При оценке последствий

⁸ Компьютерные классы часто простаивают, а миллионы семей не в состоянии купить детям современные компьютеры и сетевые сервисы.

⁹ Глава Минобрнауки утверждала: «Главное – это возвращение, собирание единого образовательного пространства» (цит. по: [Сульдина, 2017: 18]).

¹⁰ Историю образовательной политики советского периода с позиции социологии еще предстоит написать, но идеализировать ее не приходится, особенно ввиду имевших место структурных перекосов, политико-идеологического диктата [Социология..., 2019: 120–136].

радикально-либеральных трансформаций в постсоветское время с позиции гуманитарных и социальных наук высказывалась тревога по поводу превращения образования в услугу, а всей сферы образования – в «театр абсурда» [Ильинский, 2002].

Однако в государственном законодательстве об образовании и политике возобладала давно известная рыночная мифологема о том, что система образования якобы служит всему обществу, что «при относительном равенстве образовательных возможностей любое последующее неравенство в достижениях людей зависит уже от них самих – их таланта и старательности» [Социология..., 2019: 10]. Эта мифологема давно и основательно опровергнута в зарубежной и отечественной социологии [Ballantine et al., 2017; Константиновский, 2008; Глобальная..., 2012; Глобальная..., 2015], в том числе с позиции самого крупного и авторитетного исследования, связанного с именем Дж.С. Коулмана [Социология..., 2019: 159–192, 311–313].

Особым обстоятельством образовательной политики и попыток концептуально влиять на нее оказывается то, что сфера образования видится рыночным игрокам куском колоссального бюджетного пирога¹¹. Бюджетное финансирование этой сферы законодательно разделено на два потока: а) традиционное финансовое обеспечение деятельности организаций, учреждений, органов образования и сопутствующих мероприятий (в трехлетнем бюджете на 2020–2022 гг. ежегодно немногом менее 900 млрд руб.), б) приоритетный национальный проект «Образование» (действующая версия на 2019–2024 гг., бюджет 784,5 млрд руб.), призванный усилить общественную отдачу образования за счет целевых вливаний в решение неких узловых проблем образования.

Поскольку общественная отдача образования, в отличие от «реального сектора» экономики (производство товаров и услуг), отложена во времени и остается неясной, ее принципы (№ 73-ФЗ, ст. 3.1) противоречивы, ее критерии недостаточно определены законодательством, постольку сохраняется вероятность отношения к образованию как источнику наживы ввиду безответственности топ-менеджмента, а там... “либо эмир умрет, либо осел сдохнет” [Осипов, 2017: 138; Школа..., 2020: 52–54, 74–76].

Тем не менее в последние два десятилетия именно в рамках рыночной ориентации создавались конкретные проекты, воплощенные в образовательной политике российского государства. Это очевидно при сопоставлении содержания программного доклада «Двенадцать решений для нового образования» (2018)¹² и Паспорта национального проекта «Образование» (на 2019–2024 гг.).

Упомянутый доклад заслуживает особого критического внимания по ряду причин. Во-первых, его вряд ли можно с полным основанием отнести к научным документам, пригодным для выстраивания государственной образовательной политики. Он воплощает деперсонализацию принимаемых решений и программ – сущностное свойство бюрократологий [Осипов, 2020: 957]. При значительном объеме (106 стр.) доклад не сообщает имен авторов, списка источников и ссылок на конкретные российские исследования, не считая данные Росстата, но пестрит цифрами и детальными экономическими описаниями мнимых благ от реализации каждого из двенадцати предлагаемых проектов.

Более серьезные замечания должна вызвать у читателя методология доклада: он априорно исходит из сугубо экономического взгляда на российское образование и безальтернативности его рыночной организации в обозримом будущем, что не соответствует

¹¹ Российские исследователи экономики образования не достигли понимания и оценки этих колоссальных потоков, их общественной целесообразности и экономической отдачи, конкретных крупных бенефициариев, бюджетных инвестиций, относимых к сфере образования.

¹² 12 решений для нового образования. URL: <https://www.hse.ru/twelve/> (дата обращения: 10.12.2021). «В следующем поколении Россия даст целую плеяду высоко цитируемых ученых и в социологии, и в экономике, и в политической науке». URL: https://raex-a.ru/editions/kuzminov_vuz_2013 (дата обращения: 10.12.2021).

действительности¹³. Однако и в экономических сюжетах присутствует лукавство: базовыми категориями доклада оказываются «человеческий капитал» и «капитализация образования», но умалчиваются факты структурных кризисов образования, массовой утраты, старения, нерелевантности знаний, антиинтеллектуальных ориентаций, сопротивления «экзаменационному аду» даже в странах – лидерах глобальной конкуренции.

В докладе игнорируются позитивный мировой опыт, а также само понятие общественной эффективности образования для обеспечения социальной, культурной и политической интеграции общества. Вправе ли социологи забывать о том, какая роль отводится российской молодежи в попытках политической дестабилизации, разрушении национально-культурного кода, социальной преемственности поколений.

Весьма показателен *внеаналитический* жанр доклада «Двенадцать решений для нового образования». В обоснование каждого «решения» применяется информационный «вброс» – упоминание (со ссылкой на неназванные исследования) неких данных, призванных убедить читателя в остроте определенной проблемы, например недостаточной подготовленности части детей (особенно из малообеспеченных семей) к школе. Анализа динамики и социальных корней проблемы, в числе которых экономическое расслоение населения и институциональный кризис семьи, в докладе нет. Но вслед за «вбросом» предложено решение для образовательной политики: сформировать новую многотысячную армию психологов, призванных обеспечить семьи с детьми консультационными услугами. Решит ли эта «армия» проблему – неважно, но расчеты и задания по изменениям в высшем образовании уже готовы.

Ни одно из решений, предлагаемых в докладе, не касается назревшего предотвращения бюрократизации в российской образовательной политике, становления государственно-общественного и научного управления в образовании.

Научно обоснованная альтернатива экономократическим схемам образовательной политики вытекает из социологии образования, разрабатывающей концепцию институциональных функций в качестве стратегической информационной основы этой политики [Социология..., 2019: 115–148]. Однако для полноценного научного освещения феномена образовательной политики необходимо развивать ее социологическую теорию, помогающую координировать исследования, предотвращать тематическую дисперсию, накапливать и обобщать результаты исследований и доказательно формировать практические предложения в отношении образовательной политики.

Перспективы образовательной политики. При обсуждении перспектив образовательной политики государства (и иных субъектов) в социологии стоят три ключевых вопроса: о подходе к выработке наиболее адекватной научно-практической оценки общественной результативности такой политики, о возможностях устойчивого предотвращения бюрократизации, о государственной модели научного управления образованием как жизненно важной сферой воспроизводства и развития общества.

Другие вопросы, в том числе о принципах, приоритетах образовательной политики и этапах государственной стратегии, могут быть вторичными вслед за названными ключевыми вопросами.

Эта политика не может быть адекватной, если сводится к некоему набору бюрократически сформулированных проектов, не отвечающих корпусу институциональных функций образования и научно обоснованным критериям выполнения каждой из них. Социология образования служит научной технологией, обеспечивающей согласование политики с потребностями общества, выработку концепции управляемой системы и критериев ее функционирования, прогноз развития и социальную стратегию отрасли, апробацию системных решений и масштабный мониторинг общественной эффективности образования.

¹³ Президент России 27.09.2021 г. поручил Правительству «обеспечить (...) рассмотрение вопросов: об исключении из законодательства об образовании понятия “образовательная услуга”». См.: <https://www.gazeta.ru/social/2021/09/27/14027503.shtml> (дата обращения: 21.10.2021).

Перспектива предотвращения бюрократологий в образовании видится в становлении новой системы государственно-общественного управления образованием, обеспечивающей научное управление, заинтересованное участие партнеров, открытость информации, ответственность менеджмента, наличие стратегического планирования и обратной связи между всеми уровнями отрасли [Школа..., 2020: 282–301].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глобальная социология образования / Под ред. В.А. Ивановой, А.М. Осипова; Великий Новгород: НовГУ, 2012.
- Донских О.А. Дело о компетентностном подходе // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 35–46.
- Куцев Г.Ф. Социология современного образования: учебник. М.: Логос, 2016.
- Менеджмент в образовании: учебник и практикум / Под ред. С.Ю. Трапизына. М.: ЮРАЙТ, 2018.
- Осипов А.М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 137–148. DOI: 10.7868/S0132162517080153.
- Осипов А.М. Бюрократология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 4. С. 953–966.
- Осипов А.М. Рыночные механизмы – социальный тупик российского образования // Высшее образование в России. 2019. № 5. С. 62–73.
- Осипов А.М., Матвеев В.В., Матвеева Н.А., Воронцова Т.И. Школьные администраторы: агенты и жертвы бумажного прессинга // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 72–80.
- Полутин С.В., Мананникова Ю.В. Процессы бюрократизации и дебюрократизации учительского труда и их влияние на качество профессиональной деятельности педагогов // Интеграция образования. 2020. Т. 24. № 1. С. 75–97. DOI: 10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097.
- Смолин О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 91–101. № 7. С. 30–37.
- Социология образования: учебник и практикум для вузов / Под ред. А.М. Осипова. М.: ЮРАЙТ, 2019.
- Сульдина Л. Собрать воедино // Аккредитация в образовании. 2017. 25 сентября. № 5 (97). URL: https://akvobr.ru/v_gosdume_obsudili_edinoe_obrazovatelnoye_prostranstvo.html (дата обращения: 18.08.2021).
- Трубникова Е.И. «Красные ленты» в сфере науки и образования // Высшее образование в России. 2018. № 1. С. 108–121.
- Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6. С. 87–97.
- Школа в бумажной пучине: кризис информационных потоков в образовании / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород: Виконт, 2020.
- Яковлева Н.Г. Социальные последствия финансирования образования // Социологические исследования. 2019. Том 45. № 12. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.
- Ball S.J. (ed.) *Governing by Numbers: Education, governance, and the tyranny of numbers*. L.: Routledge, 2018.
- Ballantine J.H., F.M. Hammack, J. Stuber. *The Sociology of Education: A Systematic Analysis*. 8th edition. N.Y.: Routledge, 2017.
- Cox W.F. *Tyranny through Public Education*. Fairfax: Allegiance Press, 2004. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.
- Girox H. (ed.) *Rethinking Higher Education in a Time of Tyranny?* // Revista Científica RUNAE. 2017. № 02. P. 13–29.
- Fitzgerald T. The tyranny of bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2009. 37 (1). P. 51–65.
- Humes W. The “Iron Cage” of Educational Bureaucracy // *British Journal of Educational Studies*. 2021. 09 March. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
- Levinson D.L. et al. (eds) *Education and Sociology: An Encyclopedia*. N.Y.: Routledge Falmer, 2002.
- Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2017. 47 (1). P. 5–19.
- Saha J.L. *International Encyclopedia of the Sociology of Education*. Oxford: Pergamon, 1997.
- Wilson S., Adshhead G. The Tyranny of the Bureaucrats // *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*. 2008. 15 (1). P. 57–67.

Статья поступила: 11.08.21. Финальная версия: 18.11.21. Принята к публикации: 29.12.21.

TOWARDS A THEORY OF EDUCATIONAL POLICY

OSIPOV A.M.*

*A.I. Herten Russian State Pedagogical University (RSPU), Russia; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia

Alexander M. OSIPOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of Sociology, A.I. Herten Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia; Research Fellow, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia (osipov.al58@gmail.com).

Acknowledgements. The Russian Science Foundation (grant № 18-18-00047); professors Natalia Matveeva (Barnaul), Vera Gavriluk (Tyumen), Elena Shuklina (Ekaterinburg), for sharing their expertise on the manuscript.

Abstract. The article substantiates the problem of educational policy and the development of an appropriate theory in the subject field of sociology of education. It draws attention to the lag in the sociological understanding of educational policy worldly and in Russia, to the growing criticisms towards this policy from the standpoint of various scientific disciplines and the professional consciousness of educators. Such criticisms require generalization and solution of theoretical issues in the context of sociology. The author links the definition of the concept, structure, principles and the effectiveness' criteria of state educational policy with basic ideas of sociology of education, its ideas of institutional functions of education and its structure as a social system, which, in his opinion, will ensure the integration of sociological research, and also the prospect of leading the state educational policy out of the crisis, to sustainable prevention of bureaupathologies in Russian education.

Keywords: education, sociology of education, education policy, theory of educational policy.

REFERENCES

- Ball S.J. (ed.) (2018) *Governing by Numbers: Education, governance, and the tyranny of numbers*. London: Routledge.
- Ballantine J.H., F.M. Hammack, J. Stuber (2017) *The Sociology of Education: A Systematic Analysis*. 8th edition. New York: Routledge.
- Cox W.F. (2004) *Tyranny through Public Education*. Fairfax: Allegiance Press. DOI: 10.31857/S013216250007744-1.
- Donskikh O.A. (2013) Case on Competency-based Approach. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 5: 36–45. (In Russ.)
- Fitzgerald T. (2009) The tyranny of bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 37 (1): 51–65.
- Girox H. (ed.) (2017) Rethinking Higher Education in a Time of Tyranny? *Revista Cientifica RUNAE*. No. 02: 13–29.
- Global Sociology of Education* / Ed. by V.A. Ivanova, A.M. Osipov. Veliky Novgorod: NovSU, 2012. (In Russ.)
- Humes W. (2021) The "Iron Cage" of Educational Bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*. 09 March. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
- Kutsev G.F. (2016) *Sociology of Modern Education*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Levinson D.L. et al. (eds) (2002) *Education and Sociology: An Encyclopedia*. N.Y.: RoutledgeFalmer, 2002.
- Lumby J. (2017) Distributed leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 47 (1): 5–19.
- Management in Education: Textbook* / Ed. by S. Yu. Trapitsyn. Moscow: URAIT, 2018. (In Russ.)
- Osipov A.M. (2017) "Trojan Horses" of Neo-liberalism in Education. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological Studies]. No. 7: 137–148. (In Russ.)
- Osipov A.M. (2020) Bureaupathology and Paper Pressing in the Russian Education. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20. No. 4: 953–966. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966. (In Russ.)
- Osipov A.M., Matveev V.V., Matveeva N.A., Vorontsova T.I. (2021) School Administrators: Agents and Victims of Paper Pressing. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological Studies]. No. 9: 72–80. (In Russ.)
- Osipov A.M. (2019) *Sociology of education: textbook and workshop for universities*. Moscow: Yurayt. (In Russ.)

- Osipov A.M. (2019) Market Mechanisms as a Social Deadlock for Russian Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. Vol. 28. No. 5: 62–73. (In Russ.)
- Polutin S.V., Manannikova Yu.V. (2020) The Processes of Bureaucratization and Debureaucratization of Teachers' Work and Their Influence on the Quality of Teachers' Professional Activity: Sociological Project Results. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 24(1): 75–97. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.098.024.202001.075-097>. (In Russ.)
- Saha J.L. (1997) *International Encyclopedia of the Sociology of Education*. Oxford: Pergamon.
- School in Paper Abyss: *Crisis of Information Flows in Education* (2020) / Ed. by A.M. Osipov. Veliky Novgorod: Vikont. (In Russ.)
- Smolin O.N. (2015) Higher education: struggling for quality or encroaching on human potential? *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological Studies]. No. 6: 91–101, 7: 30–37. (In Russ.)
- Suldina L. (2017) To Collect Completely. *Accreditation in Education*. № 5 (97). (In Russ.) URL: https://akvobr.ru/v_gosdume_obsudili_edinoe_obrazovatelnoye_prostranstvo.html (дата обращения: 18.08.2021).
- Tkhagapsoev Kh.G., Sapunov M.B. (2016) Russian Educational Reality and Its Converted Forms. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6 (202): 87–97. (In Russ.)
- Trubnikova E.I. (2018) "Red Tapes" in the Sphere of Science and Education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 1 (219): 108–121. (In Russ.)
- Wilson S., Adshead G. (2008) The Tyranny of the Bureaucrats. *Philosophy, Psychiatry, & Psychology*. 15 (1). P. 57–67.
- Yakovleva N.G. (2019) Social Effect of Financialization of Education. *Sotsiologicheskie issledovania* [Sociological Studies]. No. 12: 104–114. DOI: 10.31857/S013216250007744-1. (In Russ.)

Received: 11.08.21. Final version: 18.11.2021. Accepted: 29.12.21.

Д.С. ПОПОВ, Д.А. ШЕСТАКОВА

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ В РОССИИ: БАРЬЕРЫ И МОДЕЛИ

ПОПОВ Дмитрий Сергеевич – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (dmtrppv@gmail.com); ШЕСТАКОВА Дарья Андреевна – аспирант (shestakova.darya@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Аннотация. На основе многолетних репрезентативных срезовых данных авторы проводят оценку вовлеченности российских специалистов (в возрасте 25–64 лет) в формальное образование. Более широкий сравнительный контекст дополнительного образования для взрослых в России и странах ОЭСР сформулирован на основе международных данных программы PIAAC. Показано, что высококвалифицированные специалисты в нашей стране участвуют в образовании гораздо реже, чем их коллеги в странах ОЭСР. Интерпретация полученных результатов реализуется с привлечением материалов собственного качественного исследования, направленного на изучение образовательных стратегий (моделей участия) российских специалистов, получающих формальное инженерное образование в зрелом возрасте. В фокусе исследования находятся барьеры и ограничения, с которыми они сталкиваются на этом пути. В обсуждении результатов рассмотрены меры государственной политики разных стран, связанные с системным развитием образования для взрослых и преодолением существующих барьеров.

Ключевые слова: образование для взрослых • непрерывное образование • PIAAC • человеческий капитал • человеческий потенциал • барьеры • возвращение к образованию

DOI: 10.31857/S013216250016092-4

Введение. Непрерывное образование позитивно влияет на здоровье, ощущение счастья и расширение периода трудоспособности человека через сохранение когнитивных способностей [Fredricks et al., 2004]. Существуют социальные и экономические предпосылки для обращения к образованию в зрелом возрасте [Schleicher, 2008], связанные с накоплением и трансляцией знаний, базовым социальным процессом, обеспечивающим функционирование всех общественных институтов. Это особенно важно в России, где за последние 30 лет произошла деиндустриализация, «схлопнулись» многие профессиональные сферы, результатом чего стала массовая депрофессионализация [Sabirianova, 2002; Kosyakova, Gerber, 2019].

В последние годы непрерывное образование в нашей стране динамично трансформируется. Это связано как с цифровыми, так и эпидемическими обстоятельствами. Новейшие технологии обладают большим обучающим потенциалом [Петрова, Бондарева, 2019], тем не менее некоторые исследователи считают, что их повсеместное распространение снижает интеллектуальный уровень общества, и не связывают их использование с развитием человеческого потенциала [Строков, 2020; Эфендиев и др., 2020]. Спровоцированный пандемией экстренный переход к массовому дистанционному обучению в рамках высшей школы актуализировал дискуссии о влиянии новой образовательной реальности на образовательное неравенство. Исследования показывают, что среди малообеспеченных студентов превалирует доля тех, кто испытывает проблемы с организацией онлайн-обучения и нехваткой навыков для данного формата [Бекова и др., 2021].

В социологической традиции существует несколько направлений (далее – *интуиций*), направленных на понимание образования как действия, реализуемого людьми на протяжении всей жизни. Первая *интуиция* носит инструментальный характер и связана

с традицией исследования человеческого капитала, которую заложили Дж. Минсер, Г. Беккер и Дж. Коулман [Mincer, 1958, 1970; Coleman, Hoffer, 1987; Becker, Murphy, 2003]. Разработчики и адепты этого подхода работают в логике развития и утверждают, что образование способствует совершенствованию социальных институтов и росту человеческого капитала.

На фоне упомянутых перемен в нашей стране наблюдается неуклонное снижение финансовой отдачи от высшего образования [Рощин, Травкин, 2015; Лукьянова, 2010]. Постепенно исчезает премия к доходам для вовлеченных в образовательный процесс, что по меньшей мере ставит под вопрос инструментально-экономическую интуицию. В свете таких тенденций исследователи используют более широкое понятие – человеческий потенциал, которое наряду со знаниями и навыками человека вбирает в себя здоровье, психологические установки индивида. Впрочем, в формуле человеческого потенциала не последнее место занимает образовательный компонент, способный при определенных условиях давать не только экономическую, но и широко понимаемую социальную отдачу [Тихонова, 2020].

Важная для нас социологическая интуиция описывается в работах немецкого теоретика Ю. Хабермаса [Habermas, 1971; 1984]. По мысли исследователя, результатом образования становится приобретение «критического самосознания» (critical self-awareness) и установление локальных норм (patterns of commonality), обеспечивающих рост индивидуальной свободы, эмансипацию от давящего институционального контекста. Такое самосознание и эмансипация особенно значимы и заметны не в период обучения в средней школе, а позже, в зрелом возрасте.

Дж. Мезиrow использует этот теоретический ракурс Хабермаса для эмпирического изучения образования [Mezirow, 1978; 1981]. Опираясь на результаты выполненного в качественной методологии построения обоснованной теории (grounded theory) исследования женщин – участниц университетских программ по возвращению к высшему образованию в зрелом возрасте, Дж. Мезиrow показал, что решающий аспект образования для взрослых содержит структурную реорганизацию взглядов человека на себя и отношение к окружающему социальному миру. Этот подход получил название трансформирующего (transformative learning).

Ю. Косякова и П. Гербер предлагают использовать для эмпирической работы две разные модели участия взрослых в образовании: «карьерную» (upgrading) и «модель перехода» (sidestepping) [Kosyakova, Gerber, 2019]. Первая – профессиональное развитие человека в области своей квалификации. Модель «перехода» предусматривает получение образования в сфере, отличающейся от первоначальной профессиональной области.

Наша гипотеза состоит в том, что модели участия взрослых в образовании формируются под воздействием комплекса условий и предпосылок, в том числе с учетом социальной среды, которая может благоприятствовать обучению (поощрять его) или нет. Мы предполагаем, что препятствия к получению образования взрослыми россиянами – не только экономические (отсутствие ресурсов и финансовой отдачи от образования), но и социальные. Меры государственной поддержки, которые в том или ином виде могут быть предложены сегменту непрерывного образования, напрямую зависят от наличия таких барьеров и особенностей моделей возвращения взрослых к образованию.

Данные и метод. В статье используются данные четырех срезовых исследований участия взрослых в формальном образовании, реализованных компанией «Левада-Центр» по заказу НИУ ВШЭ в период с 2012 по 2016 г. по репрезентативной общероссийской выборке [Бондаренко, 2017].

Еще один источник – данные Программы международной оценки компетентности взрослых (Programme for the International Assessment of Adult Competences, PIAAC) 2013 г., собранные одновременно в 24 странах, включая Россию [OECD, 2013]. Выборка в каждом государстве репрезентирует взрослое население в возрасте от 16 до 65 лет. Однако для решения задач данного исследования мы используем подвыборку, в которую вошли люди

от 25 до 65 лет (т.н. prime-age workers), т.е. находящиеся за пределами конвенционального трека школа-суз-вуз.

В основу анализа положено также собственное исследование, выполненное в качественной логике методом полуструктурированного фокусированного интервью. С февраля по май 2020 г. было проведено 16 фокусированных интервью с научными и техническими специалистами (science and engineering professionals – в соответствии с международной классификацией профессий ISCO-08 в возрасте от 30 до 50 лет, начавшими обучаться в высшей школе).

Охват формальным образованием взрослых и сравнение участия с показателями ОЭСР. И в общероссийских опросах «Левада-Центра», и в рамках PIAAC респондентам задавался вопрос о том, участвовали ли они в формальном образовании на протяжении последних 12 месяцев.

Таблица

Охват взрослого населения формальным образованием

Участие в формальном образовании за последние 12 месяцев	Данные «Левада-Центра»/ ВШЭ				Данные PIAAC		
	2012	2013	2015	2016	2013		
	опрошенные в возрасте от 25 до 64 лет включительно, %				25–64 лет, %	25–44 лет, %	45–64 лет, %
Участие в формальном образовании	2,6	1,9	7,8	7	7,8	13	2
<i>В том числе:</i>							
Высшее образование – программы ординатуры, ассистентуры-стажировки, аспирантуры (адъюнктуры)	0,3	0,2	0,5	0,4			
Высшее образование – бакалавриат, специалитет, магистратура	2	1,3	2	2			
Среднее профессиональное образование – подготовка специалистов среднего звена	0,1	0,3	3,3	2,6			
Среднее профессиональное образование – подготовка квалифицированных рабочих, служащих	0,2	0,1	2	2			

Источники: данные опроса «Левада-Центра» (по заказу НИУ ВШЭ) приводятся по [Бондаренко, 2017]; данные PIAAC – расчет авторов на основе российской базы данных исследования.

В целом в программах формального образования в России принимают участие не более 7,8% респондентов в возрастной группе 25–64 года. Основная часть – представители младших поколений – до 44 лет. После 45 лет принимают участие в формальном образовании 2% респондентов в России (табл.).

В программы высшего формального образования (совокупно от бакалавриата до аспирантуры) вовлечены 2,5% респондентов (пиковое значение 2015 г.) или меньше. Этот сегмент интересует нас больше всего, но поскольку количество участников таких программ крайне мало, далее мы рассматриваем более широкий контекст дополнительного образования.

Опираясь на результаты исследования PIAAC, можно дать сравнительную международную оценку уровня вовлеченности взрослых в образование. Респондент считается участвующим в образовании, если за предшествующие опросу 12 месяцев он проходил обучение в рамках программ открытого или дистанционного образования, программах

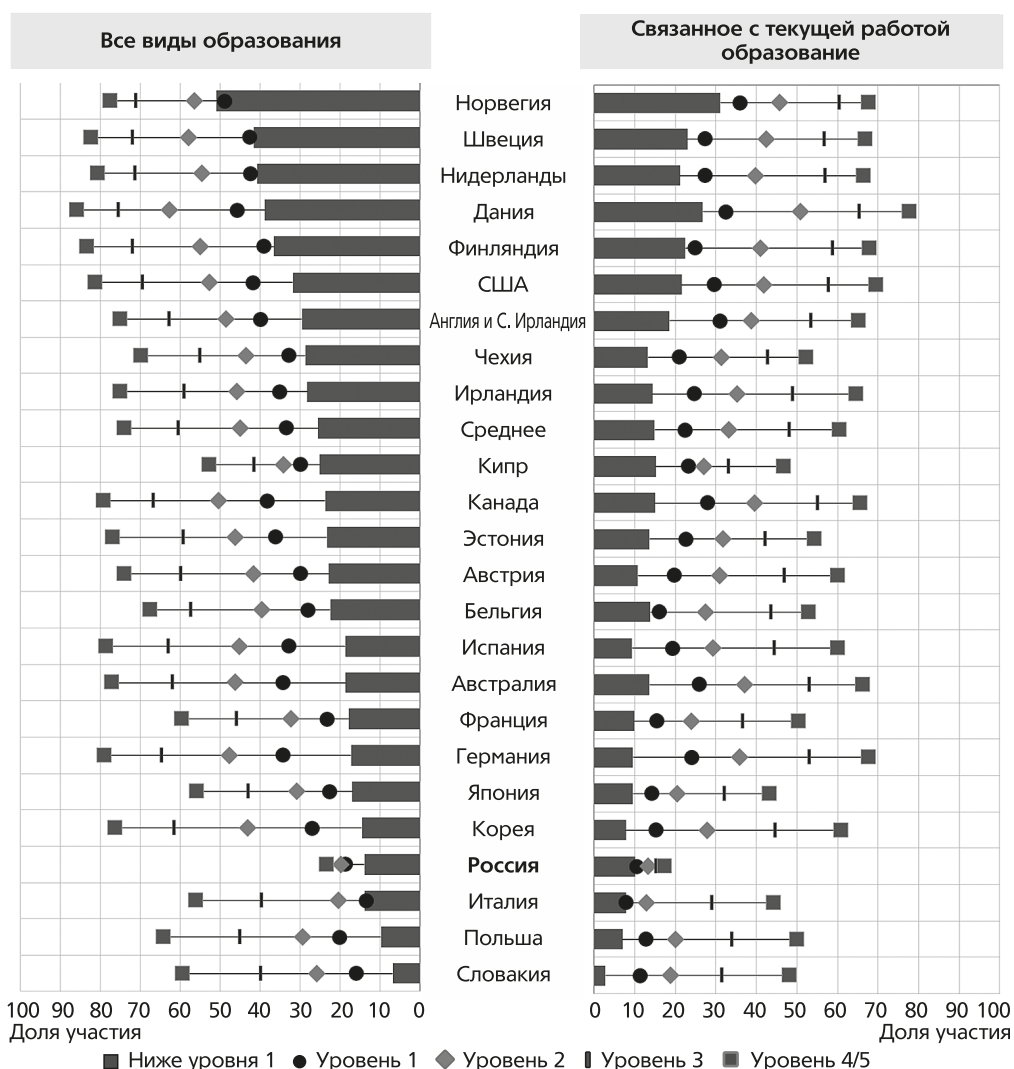

Рис. Уровень участия взрослых в образовании с учетом измеренной грамотности в области чтения (языковой компетентности)

Примечание. Рисунок [OECD, 2013] адаптирован и дополнен российскими данными.

подготовки на работе, частных уроках или семинарах. Перед оценкой отметим, что в PIAAC используется 500-балльная шкала измерения компетентности респондентов, но полученные результаты также могут быть представлены в виде 5-уровневой шкалы грамотности [OECD, 2013]. Для нас наибольший интерес представляют высококвалифицированные специалисты с уровнем измеренной грамотности 4 и 5. Мы сравнили доли принимающих участие в образовании опрошенных и выделили образовательный сегмент, связанный с профессиональной деятельностью респондентов (рис.).

Общая доля взрослых россиян в образовании гораздо меньше, чем в государствах ОЭСР. Если среди респондентов с невысокой измеренной грамотностью (уровни 1–3) она вполне сопоставима с аналогичной долей в других странах, то среди отечественных высококвалифицированных специалистов (уровни измеренной компетентности 4/5)

наблюдается заметный провал. Лишь 23,5% таких респондентов в России продолжают участвовать в образовании, тогда как средний показатель для этой группы по государствам ОЭСР составляет 74,2%. Ситуация в сегменте образования, связанного с текущей работой респондентов, в нашей стране еще хуже.

Отдельно отметим, что в государствах ОЭСР люди, которые участвуют в образовании в течение жизни, имеют более высокие средние показатели измеренной грамотности по сравнению с теми, кто не участвует в образовании. В России такой тенденции не наблюдается ни в области языковой, ни математической грамотности [Воронина, Попов, 2019].

Полученные результаты фокусируют наше внимание и качественное исследование на наиболее «проблемном» с точки зрения вовлеченности в образование сегменте высококвалифицированных специалистов и высшем образовании в частности. В статье было упомянуто продолжающееся с начала века снижение финансовой отдачи на высшее образование, которое, вероятно, частично определяет сложившуюся ситуацию. Можно предположить, что наблюдаемые различия связаны не только с экономической ситуацией, но также с латентными социальными ограничениями и барьерами, которые мы и попытались выявить с помощью качественного исследования, а также определить модели и механизмы вовлеченности российских квалифицированных инженеров в образование в течение жизни.

Образование для взрослых: модели участия и барьеры в России. Для качественного эксплораторного исследования препятствий при получении образования и моделей участия в нем был выбран сегмент инженерного высшего формального образования, которое входит в четверку ключевых академических дисциплин, традиционно обозначаемых в литературе аббревиатурой STEM (science, technology, engineering, and mathematics). Понимая, что инженерная сфера обладает комплексностью и сложностью в том, что касается содержания, мы изначально придерживались гипотезы, что выбор такого образования – серьезное осмысленное решение и значимый этап в биографии людей.

Модели участия в образовании. Материалы фокусированных интервью позволили выявить три модели («идеальных типа») участия в образовании. Типологизация была призвана прояснить разницу в логике получения образования и определить возможные пути совершенствования государственной политики в области образования взрослых.

Образование как спасение. Первую модель, названную кризисной, составили случаи, когда недовольные положением в обществе, на рынке труда, неуверенные в своем благополучии люди рассматривают образование как шанс кардинально поменять жизнь и часто сферу профессиональной деятельности. В большинстве случаев ранее они не работали по инженерной специальности и рассматривают ее как карьерный трамплин.

«Я просидел у отца на шее. Он устроил меня грузчиком. Это неграмотные, совершенно необразованные люди. И я понял, что это не мое место. Всю жизнь тратить вот на это я не хочу. Если сейчас не начать что-то делать, то до конца своих дней будешь прозябать на улице» (№ 12, муж., 34 года, получает первое очное высшее образование, Красноярский край).

Программы высшего инженерного образования имеют выраженную специфику. Как правило, человек видит перед собой конкретные перспективы, связанные с организацией, которая готова его принять с учетом вновь приобретенных навыков. В этом информанты видят перспективу обретения стабильного устойчивого положения на рынке труда и в жизни. Данная модель, при которой человек сам нацеливается на получение знаний и навыков, способствует лабильности и адаптивности на рынке труда, устойчивости развития индивидуальных жизненных стратегий и экономики. Однако именно эта стратегия является наиболее трудозатратной и тяжелой для информантов, у которых возникают трудности с ее практической реализацией.

Образование как средство. В рамках инструментальной модели информанты нацелены на профессиональное развитие и карьерный рост в своей основной профессиональной сфере. Можно говорить, что с помощью высшего образования они повышают квалификацию. Карьерное развитие происходит за счет перспектив, которые открываются после получения образования в рамках своей же профессиональной области. Модель

затрагивает людей, которые уже не первый год работают в инженерной сфере и имеют опыт различных образовательных практик по специальности.

«Я работаю на Ишимбайском машиностроительном заводе. И у нас всегда было так, что наиболее перспективные сотрудники отправлялись на обучение. Вообще часто мы участвуем в международных выставках. Я вот два раза ездил в Европу для обмена опытом» (№ 8, муж., 39 лет, получает второе очное высшее образование, Республика Башкортостан).

В контексте данной модели ожидания людей связаны с увеличением оплаты труда, расширением компетентности в своей отрасли и возможностями карьерного роста. Информанты отмечали также желание самоутвердиться в профессии, расширить представления о ней и получить навыки, которые пригодятся на работе.

Инструментальная модель включает в себя не только обучающегося человека как действующего субъекта, но и работодателя, выступающего мотивирующим звеном в данной цепочке, позволяющего наращивать человеческий потенциал работника. Поддержка компании в этом случае значительно облегчает и даже стимулирует образовательный процесс.

Образование как статус. Еще одна модель представлена теми, кто обучается исходя из представления о том, что процесс образования – это необходимость, а его результат (диплом) – обязательный статусный атрибут, незаменимый при восходящей мобильности, которая осмысливается скорее как общая абстрактная задача, нежели конкретный план.

В этой т.н. статусной модели не наблюдается объективных неотложных внешних причин, побуждающих человека получать образование, как нет и давления «сверху», также отмечается относительно низкая вовлеченность взрослых студентов в образовательный процесс. Это, впрочем, не мешает им нацеливаться на получение исключительно «красного» диплома, который подтвердит их компетентность и профессионализм.

«А вообще понятно, что у меня много проектов, и много внимания я, даже если захочу, уделять учебе не буду. Преподаватели это тоже понимают» (№ 7, муж., 32 года, получает второе заочное высшее образование, Республика Саха (Якутия)).

Отметим, что гипотеза о функциональности и осознанности образовательной стратегии при выборе формального высшего инженерного образования в этой траектории находит сопротивление. Выявленная группа выбирает инженерное образование не потому, что нуждается в нем инструментально и профессионально, но ради самого процесса обучения и результата, оцениваемого как «охотничий трофей».

«Я себе задавал вопрос: буду ли я сидеть и работать, как работают все инженеры увлеченные? И я для себя понимаю, что, наверное, не буду так делать. Я очень бы хотел в их ботинках походить и понимать, о чем они говорят. Но сидеть с ними за одну парту потом я не готов. Я, скорее, устраиваю платформу, чтобы быть хорошим медиатором. Мне кажется, что сейчас очень мало людей, которые бы связывали бизнес и технических специалистов» (№ 13, муж., 33 года, получает второе заочное высшее образование, г. Москва).

Получая инженерное образование, представители этой модели часто не настроены работать в рамках обретенной специальности. В ряду смыслов и ценностей, которые информанты закладывают в свое обучение: расширение социальных связей, стремление находиться в молодежной среде. Выбор инженерной специализации в их случае – скорее, стечение обстоятельств, чем обоснованное желание развиваться именно в этой сфере.

Социальные барьеры при получении высшего образования. По итогам исследования можно выделить три группы барьеров: связанные с содержанием учебных программ; трудности, связанные с организацией учебного процесса; проблемы финансирования, времени и баланса работа-учеба-отдых. Первые две группы относятся к разряду институциональных проблем (по классификации П. Кросс [Cross, 1981; Saar et al., 2014]), третья – одновременно к ситуационным (т.е. связанным с текущей жизненной ситуацией индивида) и институциональным.

Жизненный и профессиональный опыт, а также зачастую карьерная определенность формируют повышенную ответственность наших информантов в отношении

образовательного процесса, но одновременно – определенность, селективность, разборчивость, сопряженную с требованиями будущей профессиональной позиции. Именно здесь, в области содержания образовательного процесса, его насыщенности и информативности возникает один из главных барьеров. Общие и ригидные с точки зрения содержания учебные программы высшего образования (магистратура, бакалавриат) не приспособлены для индивидуальной подстройки и адаптации к нуждам студента.

«Если честно, то здесь примерно 10% всех занятий для меня оказались полезными, остальное все было известно» (№ 11, жен., 47 лет, получила второе очное высшее образование, Республика Башкортостан).

Ожидания и планы информантов, получающих образование в зрелом возрасте, отличаются от надежд студентов, следующих стандартному образовательному треку. Эта группа проблем в контексте инженерного образования получила осмысление в литературе, в связи с чем высказываются предложения по повышению гибкости и адаптивности образовательного процесса к нуждам обучающихся [Kin et al., 2012].

К разочарованию содержанием учебного процесса добавляются проблемы с его организацией, ведь обучение 20-, 30- и 40-летних людей не может не разниться. Это связано и со скоростью усвоения нового материала, и с упомянутыми требованиями к большей осмысленности образовательного процесса, его индивидуальности. Зрелые респонденты отмечают повышенную нагрузку, а порой констатируют собственную неспособность работать в ритме 20-летних.

«Я учусь очно. С 8 утра до двух я учусь. Порой тяжело. Не тот возраст, во-первых. И вот с молодежью сидеть на лекциях как-то неловко, не очень хорошо себя чувствуешь. Ну и времени не всегда много, пропускаю что-то. Но по мере своих возможностей стараюсь ответственно и качественно выполнять задания» (№ 2, муж., 36 лет, получает второе очное высшее образование, Брянская обл.).

В этом же контексте возможен ролевой конфликт, связанный с текущими достижениями респондента и его статусом, трудностями, вызовами работы в режиме поточного образования (не всегда логичного и достаточно полезного в глазах респондентов). Таким образом, ригидность и неадаптивность программ приобретают значимость сразу в двух аспектах: содержательном и организационном.

Наконец, последняя группа барьеров связана с *финансированием, временем и балансом работа-учеба-отдых*. Отметим особую остроту проблем такого рода для представителей «кризисной» модели образовательного участия. Без стабильной работы (или с неудовлетворительной по ряду параметров деятельностью) респонденты часто не готовы к длительному и затратному образовательному процессу с финансовой и социально-психологической точек зрения. Накапливание необходимых средств может отложить учебу на время, а порой навсегда. Зачастую выбор делается в пользу заочного образования, так как информанты имеют дополнительную нагрузку в виде работы и семейных обязательств.

Заключение. В статье на международных сравнительных данных показано, что уровень обращения взрослых к образованию в нашей стране значительно ниже, чем в развитых странах, входящих в ОЭСР. Наряду с этим определены модели участия взрослых в получении высшего инженерного образования: кризисная, инструментальная и статусная модели.

Следует оговориться, что вопрос о репрезентативности такой классификации, как и дискуссия о насыщении выборки в рамках эксплораторных качественных исследований, всегда находится в области относительного [Ritchie et al., 2003]. Это ограничение метода, которое мы считаем важным обозначить.

Как показано, социально наиболее уязвимы представители кризисной модели получения образования. Их текущее положение на рынке труда не позволяет им чувствовать себя психологически и финансово защищенными. А денежными ресурсами, необходимыми для получения образования, они зачастую не обладают. Более того, можно предположить, что длительное пребывание в кризисной ситуации будет способствовать полному

вытеснению такого человека с рынка труда. Тем не менее именно представители данной модели потенциально способны обеспечить высокую отдачу, что позволяет говорить о возвратном характере возможных мер государственной поддержки.

Финансовая «страховка», позволяющая взрослым проходить курсы высшего образования, структурно развита далеко не во всех европейских государствах. Она оказывается в Великобритании, Дании и Швеции. Так, в Соединенном Королевстве предоставляются расширенные возможности стипендий и ссуд на обучение: гранты на получение образования взрослыми, ссуды для профессионального развития, пособия по уходу за детьми во время обучения [Broek, Nake, 2012].

Представители статусной и инструментальной моделей уже обладают необходимыми ресурсами для получения образования. Как правило, они работают и имеют стабильный доход для обеспечения образовательного процесса. Поэтому здесь скорее существует потребность в институциональных изменениях образования, направленная на повышение качества и гибкости образовательных программ для взрослых.

Зарубежный опыт показывает, что возрастные студенты могут учиться по своему собственному образовательному плану, а не в условиях, навязанных вузом и стандартной программой. Примером успешной реализации этого подхода служит Швеция, где система модульного образования позволяет студентам составлять собственные учебные программы в течение многих лет, выбирая те курсы, которые им необходимы [Prokou, 2008].

Наряду с этим в ряде стран практикуется тесное сотрудничество вузов с предприятиями во время разработки образовательных программ. В Великобритании бизнес-сообществу настоятельно рекомендуется разрабатывать образовательные программы в тесной взаимосвязи с высшими учебными заведениями [EURYDICE, 2009].

В России существует специфическая проблема, связанная с подъемом порога пенсионного возраста, что в свою очередь способствует расширению временных рамок трудовой деятельности. При этом государством не было предусмотрено необходимых мер поддержки лиц предпенсионного и пенсионного возраста в области образования, в том числе высшего.

Сейчас понятие непрерывного образования интегрировано в общий Закон об образовании, а нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность учреждений постдипломного образования и участие работника в различных формах образовательной деятельности, рассредоточены в отдельных постановлениях и инструкциях. Хорошей демонстрацией намерения развивать непрерывное образование в России может стать принятие отдельного закона, регламентирующего образование взрослых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бекова С.К., Терентьев Е.А, Малошонок Н.Г. Образовательное неравенство в условиях пандемии COVID-19: связь социально-экономического положения семьи и опыта дистанционного обучения студентов // Вопросы образования. 2021. № 1. С. 74–92.
- Бондаренко Н.В. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень «Мониторинг экономики образования». 2017. № 5(104): 4–23.
- Воронина Н.Д., Попов Д.С. Востребованность образования взрослых и факторы, связанные с участием в нем: Россия на фоне стран ОЭСР // Экономическая социология. 2019. Т. 20. № 2. С. 122–153.
- Лукьянова А.Л. Отдача от образования: что показывает мета-анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2010. № 3. С. 326–348.
- Петрова Н.П., Бондарева Г.А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5(78). С. 353–355.
- Рошин С.Ю., Травкин П.В. Дополнительное профессиональное обучение на российских предприятиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 150–171.
- Тихонова Н.Е. Российские профессионалы: специфика рабочих мест и человеческого потенциала // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 71–83. DOI: 10.31857/S013216250010300-3.

- Эфендиев А.Г., Гоголева А.С., Балабанова Е.С. О влиянии компьютеризации на социальные аспекты трудовой деятельности специалистов // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 114–121. DOI: 10.31857/S013216250010027-2.
- Becker G., Murphy K. *Social Economics: Market Behavior in a Social Environment*. Cambridge: Harvard University Press, 2003.
- Broek S., Hake J.B. Increasing participation of adults in higher education: factors for successful policies // *International Journal of Lifelong Education*. 2012. Vol. 31. No. 4. P. 397–417. DOI: 10.1080/02601370.2012.663801.
- Coleman J.S., Hoffer T. *Public and Private High Schools: The Impact of Communities*. New York: Basic Books, 1987.
- Cross K.P. *Adults as learners: Increasing participation and facilitating learning*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1981.
- EURYDICE. *National Summary Sheets on Education System in Europe and Ongoing Reforms*. Belgium: EURYDICE, 2009.
- Fredricks J., Blumenfeld P., Paris A. School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence // *Review of Educational Research*. 2004. No. 1. P. 59–109. DOI: 10.3102/00346543074001059.
- Habermas J. *Knowledge and Human Interests*. Boston: Beacon Press, 1971.
- Habermas J. *The theory of communicative action, Volume 1: Reason and rationalization in society*. Boston: Beacon Press, 1984.
- Kin C.L., Low S., Samir A., Cheang P., LaBoone E. A model for teaching, assessment and learning in engineering education for working adults // *International Journal of Advanced Corporate Learning*. 2012. No. 4: 16–21. DOI: 10.3991/ijac.v5i4.2249.
- Kosyakova Y., Gerber Th.P. Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia // *Sociology of Education*. 2005. No. 20. P. 1–26. DOI: 10.1177/0038040718823192.
- Mezirow J. A critical theory of adult learning and education // *Adult education*. 1981. No. 32. P. 3–24.
- Mezirow J. *Perspective Transformation* // *Adult Education*. 1978. No. 28(2): 100–110.
- Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66. No. 4. P. 281–302. DOI: 10.1086/258055.
- OECD. *Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills*. Paris: OECD Publishing, 2013.
- Prokou E. A comparative approach to lifelong learning policies in Europe: the cases of the UK, Sweden and Greece // *European Journal of Education*. 2008. No. 43(1). P. 123–140. DOI: 10.1111/j.1465-3435.2007.00338.x.
- Ritchie J., Lewis J., Elam G. Qualitative research practice: designing and selecting samples // *A guide for social science students and researchers*. 2003. No. 1. P. 77–108.
- Saar E., Täht K., Roosalu T. Institutional barriers for adults' participation in higher education in thirteen European countries // *Higher Education*. 2014. No. 68. P. 691–710. DOI: 10.1007/s10734-014-9739-8.
- Sabirianova K. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia // *Journal of Comparative Economics*. 2002. No. 30. P. 191–217.
- Schleicher A. PIAAC: A New Strategy for Assessing Adult Competencies // *International Review of Education*. 2008. No. 54. P. 627–650. DOI: 10.1007/s11159-008-9105-0.

Статья поступила: 21.06.21. Принята к публикации: 28.09.21.

HIGHER EDUCATION FOR ADULTS IN RUSSIA: BARRIERS AND MODELS

POPOV D.S.^{*}, SHESTAKOVA D.A.^{*}

^{*}*Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia*

Dmitry S. POPOV, Cand. Sci. (Sociol.); Leading Researcher (dmtrppv@gmail.com); Daria A. SHESTAKOVA, Postgraduate Student (shestakova.darya@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Abstract. Lifelong learning is a common practice and strategy for highly skilled professionals in developed countries. It is an important attribute of contemporary social life, which allows a person to maintain necessary qualifications for professional achievements. But is it so in Russia? The first part of the paper offers an overview of sociological perceptions on adult education and of recent empirical results in the area. After that with the help of internationally representative PIAAC data we show the difference in participation in adult education between the people in Russia and the OECD countries. While education turns into a widespread usual lifelong process in the most OECD countries, in Russia people aged 25–65 (prime-age workers) are much less likely to learn. Further on we rely on the materials of our own exploratory qualitative study to investigate this difference. The qualitative analysis is aimed at studying various educational strategies of adults (aged 30 and over) who have entered engineering higher education programs in Russian universities. We also study the barriers and constraints that these professionals face in their educational efforts. The focus was done both on institutional and situational barriers. A number of issues were analyzed, among which are the problems related to the content of educational programs; problems associated with the organization of the educational process; problems of financing; the balance between work, study and private life. In the discussion we review public policy measures related to the systemic development of adult education in different countries. These policies make it possible to maintain economic competitiveness and to deal with challenges faced by ageing societies. Finally, based on the completed research, recommendations are proposed for implementing certain policy practices in the Russian Federation.

Keywords: adult education; lifelong education; PIAAC; human capital; human potential; barriers, returning to education.

REFERENCES

- Bekova S.K., Terentev E.A., Maloshonok N.G. (2021) Educational Inequality and COVID-19 Pandemic: Relationship between the Family Socio-Economic Status and Student Experience of Remote Learning. *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues]. No. 1: 74–92. (In Russ.)
- Bondarenko N.V. (2017) Formation of lifelong education in Russia: analysis based on the results of all-Russian surveys of the country's adult population. *Newsletter "Monitoring of education markets and organizations (MEMO)".* No. 5(104): 4–23. (In Russ.)
- Lukyanova A.L. (2010) Return on education: what the meta-analysis shows. *Ekonomicheskii zhurnal HSE* [HSE Economic Journal]. No. 3: 326–348. (In Russ.)
- Petrova N.P., Bondareva G.A. (2019) Digitalization and digital technologies in education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 5(78): 353–355. (In Russ.)
- Roshchin S.Yu., Travkin P.V. (2015) Job-Related Training on Russian Enterprises. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy associatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 2(26): 150–171. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2020) Russian Professionals: Specificity of Jobs and Human Potential. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 10: 71–83. (In Russ.)
- Efendiev A.G., Gogoleva A.S., Balabanova E.S. (2020) About the influence of computerization on the social aspects of the labor activity of specialists. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 9: 114–121. (In Russ.)
- Becker G., Murphy K. (2003) *Social Economics: Market Behavior in a Social Environment*. Cambridge: Harvard University Press.
- Broek S., Hake J.B. (2012) Increasing participation of adults in higher education: factors for successful policies. *International Journal of Lifelong Education*. Vol. 31. No. 4: 397–417. DOI: 10.1080/02601370.2012.663801.
- Coleman J.S., Hoffer T. (1987) *Public and Private High Schools: The Impact of Communities*. New York: Basic Books.

- Cross K.P. (1981) *Adults as learners: Increasing participation and facilitating learning*. San Francisco: Jossey-Bass Publishers.
- EURYDICE (2009) *National Summary Sheets on Education System in Europe and Ongoing Reforms*. Belgium: EURYDICE.
- Fredricks J., Blumenfeld P., Paris A. (2004) School Engagement: Potential of the Concept, State of the Evidence. *Review of Educational Research*. No. 1: 59–109. DOI: 10.3102/00346543074001059.
- Habermas J. (1971) *Knowledge and Human Interests*. Boston: Beacon Press.
- Habermas J. (1984) *The theory of communicative action, Volume 1: Reason and rationalization in society*. Boston: Beacon Press.
- Kin C.L., Low S., Samir A., Cheang P., LaBoone E. (2012) A model for teaching, assessment and learning in engineering education for working adults. *International Journal of Advanced Corporate Learning*. No. 4: 16–21. DOI: 10.3991/ijac.v5i4.2249.
- Kosyakova Y., Gerber Th.P. (2005) Adult Education, Stratification, and Regime Change: Upgrading and Sidestepping in Russia. *Sociology of Education*. No. 20: 1–26. DOI: 10.1177/0038040718823192.
- Mezirow J. (1981) A critical theory of adult learning and education. *Adult education*. No. 32: 3–24.
- Mezirow J. (1978) Perspective Transformation. *Adult Education*. No. 28(2): 100–110.
- Mincer J. (1958) Investment in Human Capital and Personal Income Distribution. *Journal of Political Economy*. Vol. 66. No. 4. P. 281–302. DOI: 10.1086/258055.
- OECD (2013) *Skills Outlook 2013: First Results from the Survey of Adult Skills*. Paris: OECD Publishing.
- Prokou E. (2008) A comparative approach to lifelong learning policies in Europe: the cases of the UK, Sweden and Greece. *European Journal of Education*. No. 43(1): 123–140. DOI: 10.1111/j.1465-3435.2007.00338.x.
- Ritchie J., Lewis J., Elam G. (2003) Qualitative research practice: designing and selecting samples. *A guide for social science students and researchers*. No. 1: 77–108.
- Saar E., Täht K., Roosalu T. (2014) Institutional barriers for adults' participation in higher education in thirteen European countries. *Higher Education*. No. 68: 691–710. DOI: 10.1007/s10734-014-9739-8.
- Sabirianova K. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. No. 30: 191–217.
- Schleicher A. (2008) PIAAC: A New Strategy for Assessing Adult Competencies. *International Review of Education*. No. 54: 627–650. DOI: 10.1007/s11159-008-9105-0.
- Voronina N., Popov D. (2019) Participation in Adult Education: Russia in Comparison with OECD Countries. *Ekonomicheskaya sociologiya [Economic Sociology]*. Vol. 20. No. 2: 122–153. (In Russ.)

Received: 21.06.21. Accepted: 28.09.21.

© 2022 г.

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ, И.А. ЛАВРОВ

МОЛОДЫЕ ПАРЛАМЕНТАРИИ В РОССИИ

КРЫШТАНОВСКАЯ Ольга Викторовна – доктор социологических наук, директор (olgakryshyt@yandex.ru); ЛАВРОВ Иван Андреевич – ведущий специалист (spu_lavrov@mail.ru). Оба – Центр изучения российской элиты, Государственный университет управления, Москва, Россия.

Аннотация. Для изучения участия молодого поколения в публичной политике проведен анализ состава законодательных органов власти федерального и регионального уровней с целью выявления численности молодых парламентариев, их партийности, статуса в иерархии и сфер деятельности. Изучены биографии 7691 депутата законодательных собраний 85-ти регионов РФ, депутатов Государственной думы всех восьми созывов с 1993 по 2021 г., а также действующих сенаторов. Выявлено, что представительство молодого поколения неуклонно снижалось и к началу 2020-х гг. достигло самого низкого значения (6,9%), при этом оппозиционные парламентские партии активнее работают с молодежью, чем партия власти. В то же время сегодня молодежь получила существенно более значимые позиции в федеральном парламенте, чем ранее, что говорит о подготовке смены поколений во власти. Об этом же свидетельствуют и данные о расширении сферы деятельности молодых парламентариев, которые работают почти во всех отраслевых комитетах. Анализ биографий депутатов в возрасте до 35 лет показал, что их карьера связана с деятельностью аппаратов партий, общественных палат, волонтерских организаций и молодежных парламентов.

Ключевые слова: парламент • молодежь • депутаты • молодежное представительство • политические партии • Государственная дума • Совет Федерации • региональные legislatures • инкорпорация

DOI: 10.31857/S013216250017626-1

Проблема молодежного представительства в политике. К. Мангейм установил связь между динамикой социальных изменений и ролью молодежи: общества, склонные поддерживать инициативы молодежи и страсть к переменам, развиваются, как правило, эволюционно, постоянно включая реформаторские механизмы в практики управления, а общества, сдерживающие активность молодых, приходят к революционной ломке окamenевших механизмов [Манхейм, 2010: 571]. Эта мысль чрезвычайно важна для анализа динамики российского социума, который в последние годы развивается в условиях доминирования консервативных подходов, все большего фокусирования на прошлых достижениях. Власть стареет физически и все более тяготеет к сохранению и консервированию, а не к развитию.

Молодые люди наполняли российские структуры власти только в периоды кризисов и революций [Крыштановская, Хуторянский, 2002]. Большую часть истории России правящая элита состояла из людей преклонного возраста. Так было и в период заката СССР,

когда средний возраст членов Политбюро достигал 72 года. Средняя продолжительность пребывания в советской элите к 1990 г. превышала 20 лет [Крыштановская, 2005: 100]. Революционные изменения 1980–1990-х гг. существенно омолодили элиту. «При Горбачеве средний возраст регионального руководителя (а это самая возрастная группа в политической элите) равнялась 52 годам, при Ельцине – 49 годам» [там же: 269]. Когда в 2000 г. к власти пришел Владимир Путин, средний возраст элиты равнялся 51,3 года. Но год за годом его команда взрослела, и спустя 20 лет ее средний возраст достиг 56 лет. Чем старше становится правящая группа, тем очевиднее проявляется конфликт поколений.

Вопросы молодежного представительства в парламентах детально разработаны в исследованиях зарубежных ученых. Большинство из них [Lisi, Freire, 2012; Joshi, 2015; Krook, Nugent, 2018; Stockemer, Sundström, 2018] отмечает, что изучение участия молодежи в политике разных стран становится глобальной задачей. Такие международные организации, как ООН и Межпарламентский союз, с 2016 г. поддерживают исследователей, которые анализируют представительство молодых поколений в парламентах по всему миру, предлагают стратегии по их продвижению в публичную власть [Krook, Nugent, 2018]. Этот интерес обусловлен результатами социологических опросов (например, в Бельгии, Франции и Португалии), которые показали, что возраст кандидата на выборах сегодня играет более важную роль, чем пол и этническая принадлежность [Lisi, Freire, 2012].

Представительство молодежи в парламентах остается мало изученным в отличие от представительства этнических и гендерных групп. Известно, что женщины-депутаты чаще поднимают вопросы, связанные с качеством жизни, озвучивают социальные проблемы, с которыми они сталкиваются. То же можно сказать и о представителях этнических меньшинств: они активно репрезентируют права этнических сообществ [Joshi, 2015].

В 2017 г. проведено масштабное исследование участия поколений в парламентах 107 стран, которое показало, что представительство молодежи в среднем в мире не превышает 10% [Stockemer, Sundström, 2018: 469]. Этот показатель деструктивно мал для цифровой эпохи. Исключение составляет Швеция, в парламенте которой представительство молодежи поднималось до 20% [Erikson, Josefsson, 2021]. Ведь группа от 18 до 35 лет во всех изученных странах в 3 раза больше, чем группа 60+, однако презентация пожилых в парламентах в 6 раз выше представительства молодежи. Стокемер и Сандстрём видят в этом несоответствии ключ к молодежной политической апатии, безучастности и незаинтересованности. Исследователи [Tremmel et al., 2015] приводят в пример Руанду и Уганду, где для увеличения представительства молодежи в парламенте были введены возрастные квоты, обеспечивающие определенную долю молодых людей в депутатском корпусе. Другая группа ученых [Hooghe et al., 2004] говорит об опыте Великобритании и Индии, где активно действуют молодежные политические партии, которые борются за право представлять мнение своего поколения.

Проблема молодежного представительства в парламентах остается на периферии внимания российских исследователей. Подчас оно ограничивается лишь изучением молодежных парламентов, которые были основаны в РФ в 2003 г.¹ и стали паллиативом реального вовлечения молодого поколения во власть. За последнее десятилетие о развитии этого института в России написано немало работ [Зеленин, 2012; Гукова, 2014; Самохвалов, 2016; Миралиён, 2016; Отроков, Пупыкин, 2017; Сергеев и др., 2018]. Подавляющая их часть описывает молодежные парламенты как эффективное средство по привлечению молодых людей к решению различных социальных проблем. Ряд авторов полагает, что эти институты при органах законодательной власти становятся реальным аккумулятором идей и содействуют реализации молодежной политики на региональном и муниципальном

¹ Министерство образования Российской Федерации. Инструктивное письмо от 24 апреля 2003 г. № 2 «О развитии молодежного парламентаризма в субъектах Российской Федерации» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: docs.cntd.ru/document/901867048 (дата обращения: 10.11.2021).

уровнях [Гукова, 2014]. Но есть и альтернативная точка зрения, что молодежный парламентаризм в России малоэффективен и не позволяет вовлекать молодых людей в реальные процессы, заменяя их номинальным участием [Трынов, Казанцев, 2021: 5]. Т.Б. Рябова считает, что российская общественность не испытывает доверия к юным политикам, хотя и соглашается с такими преимуществами молодых людей, как гибкость мышления, быстрота, смелость, компетентность в новых технологиях, желание принести пользу и коммуникабельность [Рябова, 2021: 63].

Авторами далее анализируется, как меняется роль молодежи в парламенте в последние годы в условиях старения российской элиты. Внимание при этом фокусируется только на самой подвижной части молодежи – *электократии* (избираемой части элиты).

Методика исследования. Комплексное социологическое исследование было проведено в августе–ноябре 2021 г. и состояло из двух частей:

1) анализ документов о составе органов представительной власти всех 85 субъектов федерации РФ (3924 человека), а также Совета Федерации (167 чел.), Государственной думы с I по VIII созыв, то есть в 1993–2021 гг. (3600 чел.); изучены биографии 7691 политика;

2) анализ мнений молодежи по поводу их политической самоидентификации, отношения к партиям, выборам, лидерам и т.д., для чего проведены 24 фокус-группы и 50 глубинных интервью в 13-ти городах в 8-ми федеральных округах (единицами наблюдения были люди в возрасте 18–35 лет, квотировались две группы – работающие молодые и студенты вузов).

Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ повысил верхнюю возрастную рамку молодежи – до 35 лет включительно. Поскольку, согласно российскому законодательству, граждане получают право голосовать и избираться депутатами с 18 лет, мы ограничим интересующую нас группу этим возрастом.

Представительство поколений в легислатурах. По данным наших исследований прошлых лет, периоды президентства М. Горбачева и Б. Ельцина привели к значительным изменениям представительства поколений в законодательных органах власти всех уровней [Крыштановская, Хуторянский, 2002: 54]. Молодежь до 30 лет имела тогда самую низкую вероятность выиграть выборы и пройти в депутаты – ее шанс не превышал 10%. Зато максимальные шансы имели люди в возрасте 50–59 лет – 25%². Федеральный уровень власти отличался большей динамикой: если депутатский корпус в центре существенно омолаживался, то в регионах застойные процессы продолжались еще долгое время. Особенно это касалось этнических республик, где представленность молодежи была на уровне 1–1,5% [Крыштановская, Хуторянский, 2002: 55].

Обратимся к динамике презентации молодежи до 35 лет в Государственной думе РФ с 1 по 8 созыв за 28 лет (рис. 1). График показывает, что в 1993 г. произошла беспрецедентная по масштабу инкорпорация молодежи в Госдуму. Это было вызвано процессами демократического обновления правящего класса, вызвавшего приход во власть людей без номенклатурного бэкграунда. Но в последующие годы происходило неуклонное снижение доли несистемных молодых политиков. Незначительный подъем их представительства замечен в 2007 г., что, вероятно, связано с подготовкой к приходу в Кремль Дмитрия Медведева и омоложением команды президента в целом. Составы парламента VI, VII и VIII созывов демонстрировали утрату интереса к молодежи в Думе и снижение ее доли до менее чем 7%.

На рис. 2 показано, какие возрастные группы являются доминирующими в парламентах федерального и регионального уровней. Старшие когорты – «поколение Путина» (рожденные в 1950-х гг. и ранее) и «поколение Медведева» (рожденные в 1960-х гг.) занимают сегодня ведущие позиции в Совете Федерации РФ, где молодежь почти не представлена. В Госдуме VII созыва поколения 1950-х и 1960-х гг. уже уравнили свои позиции.

² Шансы быть избранными считались как частное от деления количества кандидатов на выборах на количество ставших депутатами по каждой возрастной категории.

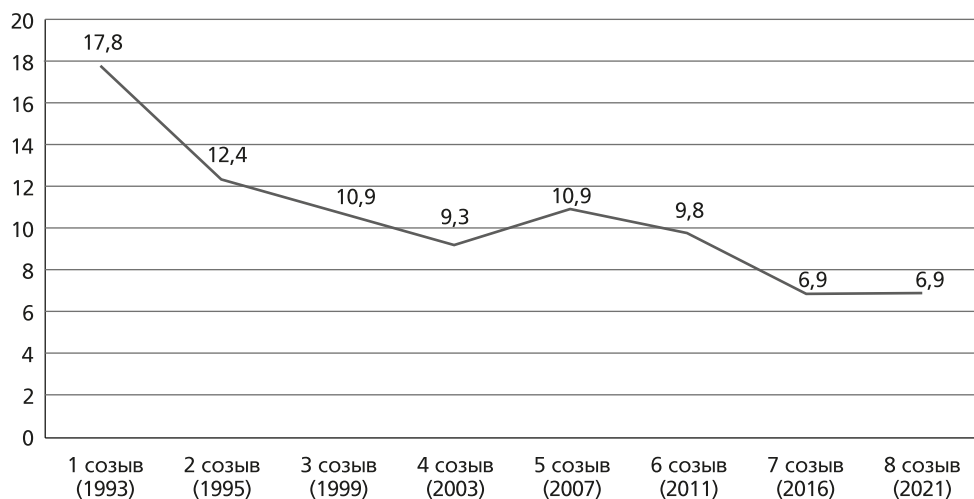

Рис. 1. Доля молодежи в составе депутатов Государственной думы ФС РФ с 1 по 8 созыв, в %

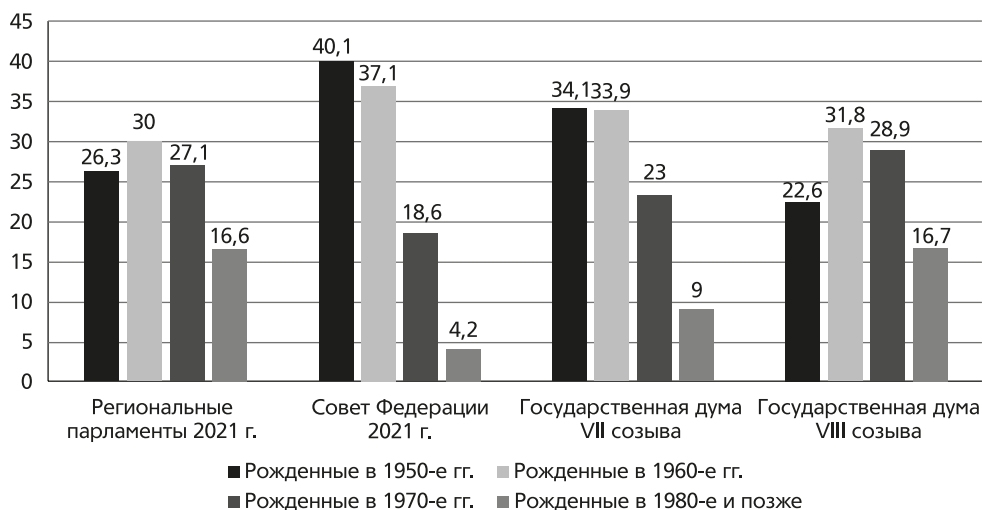

Рис. 2. Возрастные когорты в парламентах разного уровня, в %

В новом составе нижней палаты «поколение Путина» утратило доминирующее положение, пропустив вперед политиков 1960-х и 1970-х гг. Рожденные в 1980-е здесь представлены значительно лучше и находятся на том же уровне, что и в региональных legislatures (16,6–16,7%). Карьера в регионе объективно требует меньше времени, поэтому результаты омоложения Государственной думы можно интерпретировать как базовый тренд: средний возраст депутатов регионального уровня по всей России на 2021 г. составляет 53,5 года, в ГД VII созыва – 52,9, в ГД VIII созыва – 52,8 года.

Доля молодежи до 35 лет чрезвычайно неравномерна в разных legislatures. Так, в Совете Федерации РФ только один из 167 сенаторов моложе 35 лет (Александр Проношкин от ЛДПР – 1987 г.р.). Хотя при Совете Федерации продолжает работать палата молодых законодателей, созданная в 2012 г., которая включает 170 членов (по 2 от каждого

субъекта федерации, повторяя структуру самого СФ), можно говорить о почти полном уничтожении представительства молодежи в высшей палате Федерального собрания РФ.

В Государственной думе VIII созыва молодые депутаты составляют те же 6,9%, что и пять лет назад, а в региональных парламентах их 7,3%. Соотношение когорт, рожденных в 1980-е и в 1990-е гг., составляет 79,0 : 21,0 для региональных представительных органов и 64,5 : 35,5 для Госдумы VIII созыва. Заметим, что, по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., молодежь до 35 лет составляет 16,5% в населении РФ³. Перепись населения РФ 2010 г. фиксировала долю молодежи в 24%, а в 2002 г. этот показатель равнялся 23%. Если в советское время использовались квоты для представления в легислатурах «слабых групп» (женщины, молодежь, крестьяне и др.), то в период перестройки и с появлением альтернативных и конкурентных выборов процесс инкорпорации принципиально изменился. Все прежде котируемые группы постепенно исчезали из парламентов [Крыштановская, 2018], только в нулевые годы начался процесс частичного восстановления. По сути дела, концепция использования молодежи в политике не изменилась. Как правило, депутатами становились те молодые люди, которые хорошо проявили себя, работая в партийных структурах, в общественных палатах, в молодежных парламентах или помощниками политических лидеров (например, как самый молодой на сегодняшний день вице-спикер Госдумы Борис Чернышов (30 лет) или первый заместитель руководителя фракции ЛДПР Василий Власов (26 лет), начинавшие свою карьеру помощниками Владимира Жириновского).

Процесс редукции представительства молодежи наблюдается и в регионах. Мы уже писали, что региональная элита в целом обычно старше федеральной, потому что политические процессы обновления там запаздывают. Данные нашего исследования подтверждают это. В парламентах девяти субъектов федерации (Еврейской АО, Курганской, Мурманской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Тамбовской областях, ХМАО, Чукотском АО) депутатов моложе 35 лет нет вообще. В этих законодательных собраниях средний возраст депутатов равняется 58–59 годам. В среднем же по региональным легислатурам представительство молодежи находится на уровне 7%.

Итак, представительство молодежи в легислатурах меньше, чем в населении в целом, и она образует квоту, не соответствующую ее месту в социуме. Еще один вывод, который можно уверенно сделать по результатам исследования: две палаты Федерального собрания РФ исполняют разные функции в генезисе политической элиты. Нижняя палата утвердилась как площадка для входа, как институт селекции молодых политиков. Верхняя палата в современной политической системе России устойчиво заняла место экс-элитной зоны выхода, куда приходят политики, прошедшие пик своей карьеры, там молодежи практически не осталось.

Молодежь в парламентских партиях. Каждая политическая партия счастлива иметь своих сторонников среди молодого поколения, которые бы вступали в ее ряды и поддерживали на выборах. Но пока мы видим совсем иную картину: партии делают усилия, чтобы привлечь молодой электорат, организуют «молодежные крылья», ведут аккаунты в социальных сетях, для разнообразия проводят челенджи, распаковки подарков, привлекают рэперов и других кумиров молодежи. Эффективны ли эти попытки?

О результатах работы с молодежью говорят цифры поколенческой структуры парламентов. Авторы посчитали долю молодых депутатов, вошедших в партийные фракции, во всех 85 легислатурах России на сентябрь 2021 г. Всего в региональные парламенты вошло 3924 чел. Среди них «Единая Россия» представлена 2804 чел., среди которых 145 чел. моложе 35 лет. Совокупная численность депутатов от КПРФ составила 442 чел., от ЛДПР – 315 чел., Справедливой России – 214 чел., представители других партий и беспартийные – 149 чел. Как

³ В России подсчитали число юношей и девушек // Рамблер. 12 ноября 2019 г. URL: news.rambler.ru/community/43142790-v-rossii-podschitali-chislo-yunoshey-i-devushek/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 10.09.2021).

Рис. 3. Представительство молодежи в парламентах регионального и федерального уровней в 2021 г., в %

показано на рис. 3, лучше прочих работают с молодежью структуры ЛДПР на региональном уровне. ЛДПР долгое время была самой «молодежной» партией, именно к ней тянулись молодые люди, которые мечтали о политической карьере. Теперь пальму первенства перехватили «Новые люди»: удельный вес молодых депутатов в ее фракции ГД-8 – целых 33,3%.

Слабее всего молодежь представлена в правящей «Единой России» – лишь 5,2% в региональных легислатурах и 5,8% в Госдуме VIII созыва. Логика понятна: если у тебя есть большинство, то незачем предпринимать особые усилия для привлечения новых кадров. ЕР работает главным образом с лидерами общественного мнения, с известными людьми, которые присоединяют свой авторитет и социальный багаж к голосам за партию власти. По сути дела, у правящей партии для победы на выборах нет нужды работать специально с молодежью.

Наши данные демонстрируют обратную зависимость силы партии от присутствия в ней молодежи. Чем увереннее партия, тем меньший упор в своей избирательной кампании она делает на молодую аудиторию. У политических структур, дела которых не столь успешны, отношение к молодежи более заинтересованное. Таким партиям нужна энергия молодости, их амбициозность, неудержимое стремление наверх, без них партия-новичок не пробьет пятипроцентный барьер прохождения в Госдуму.

Для правящей партии молодежь – потенциал на будущее. Если не работать с молодежью, то процесс старения неизбежно затронет все структуры власти. Такая партия боится не столько проигрыша на выборах, сколько будущего, когда вся команда перешагнет пенсионный рубеж, и вот тогда угроза потери голосов может стать ощутимой.

Место молодых депутатов в иерархии. Теперь посмотрим, какую роль играют молодые депутаты в легислатурах федерального и регионального уровней, каково их место в парламентских иерархиях.

В регионах более 85% молодых политиков являются простыми депутатами. На федеральном уровне картина совсем иная. В Госдуме 2021 г. из 31 депутата моложе 35 лет только треть стали рядовыми депутатами, а более 61% сразу заняли статусные позиции (рис. 4).

Самой распространенной позицией в руководстве нижней палаты для молодых политиков является пост заместителя председателя комитета – таких в VIII созыве 15 человек. Большая их часть представлена правящей партией. Есть и два представителя молодежи, которые заняли высокие позиции председателей комитетов ГД. Это депутат от ЕР Артем

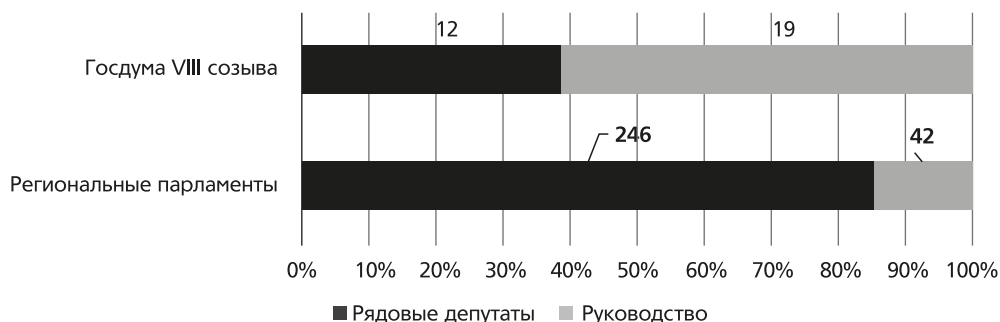

Рис. 4. Статус молодых депутатов в парламентах федерального и регионального уровней, чел.

Метелев (1993 г.р.), возглавивший комитет по молодежной политике. Александр Демин из «Новых людей» (1988 г.р.) встал во главе комитета по малому и среднему предпринимательству. Два молодых представителя ЛДПР – Б.А. Чернышов (1991 г.р.) и В.М. Власов (1995 г.р.) – заняли соответственно посты вице-спикера Госдумы и заместителя руководителя фракции.

Заметим, что в Госдуме VII созыва только 32,2% депутатов младше 35 лет входили в руководящий состав палаты. Это в 2 раза меньше, чем в 2021 году. Количественно представительство молодежи в Госдуме VII и VIII созывов находится на одном уровне – 6,9%, но вот качество молодых депутатов изменилось. Это, на наш взгляд, свидетельствует, что государственная система начала кадровую перестройку в преддверии «большого транзита» власти. Причем депутаты моложе 35 лет – не новички в политике.

Изучение карьерных треков молодых депутатов показывает, что основными лифтами в федеральный парламент для миллениалов были: муниципальное или региональное депутатство – для 32,2% депутатов моложе 35 лет, должности помощников депутатов и молодежные парламенты – по 22,6%, общественные палаты разных уровней – 19,4%, работа в структурах ОНФ – 12,9%. Особую роль в последние годы стала играть волонтерская деятельность, опыт которой имеют 41,9% молодых депутатов VIII созыва ГД. По-прежнему особую роль для политической карьеры имеет диплом РАНХиГС, который в качестве второго высшего образования получил каждый третий депутат (см. подробнее: [Юшкина, 2019]).

Есть и специфические партийные лифты, которые обеспечили быструю карьеру молодежи: это, прежде всего, «Молодая гвардия Единой России», комсомол при КПРФ и молодежное крыло ЛДПР (так, 26,3% молодых единороссов прошли школу МГЕР). Действенным средством построения карьеры публичного политика стали такие государственные конкурсы, как «Лидеры России» (9,7% депутатов были в свое время призерами этого конкурса, причем все из ЕР). Для молодых депутатов из «Новых людей» начало успешной политической карьеры было положено бизнес-школой «Капитаны» РЭУ им. Плеханова с последующей работой в благотворительном фонде «Капитаны», основанном руководителем фракции Алексеем Нечаевым (80% «новых людей» прошли этот путь). Таким образом, мы видим созданную в последние годы разветвленную систему подготовки кадров для политической деятельности.

Место молодежи в руководстве по фракциям и в новом составе Думы значительно варьируется: беспрецедентные 36,4% руководителей у «Новых людей» и всего 2,9% у коммунистов (табл. 1). Всего в руководстве Госдумы VIII созыва молодежь составляет 8%.

Нижняя палата VIII созыва хотя и не увеличила численное представительство молодых людей, но поручила им значительно более весомые позиции, что говорит о подготовке смены поколений по всему фронту власти. В то же время региональные парламенты отстают в этом вопросе, не показывая позитивной динамики.

Таблица 1

**Руководящие посты у молодежи в партийных фракциях
в Госдуме VIII созыва**

Показатели	Партии				
	ЕР	КПРФ	СР	ЛДПР	НЛ
Всего членов фракции (чел.)	324	57	26	23	15
Всего на руководящих постах во фракции (чел.)	136	34	21	21	11
Из них:					
Молодежь на руководящих постах во фракции (чел.)	10	1	2	2	4
Доля молодых депутатов среди руководящего состава фракций в ГД-8 (%)	7,35	2,94	9,52	9,52	36,36

Сферы деятельности парламентской молодежи. Попытаемся понять, на какие позиции молодежь приглашается в представительные органы власти. Для этого проанализируем сферы деятельности, которые поручаются молодым депутатам. Есть ли сферы, куда молодежь не допускается?

Ни в региональных законодательных собраниях, ни на федеральном уровне депутаты моложе 35 лет не входят в комитеты по международным делам⁴. «Взрослыми» сферами также являются комитеты по обороне, безопасности и правопорядку, где молодежи почти нет. Для молодых людей также закрыты комитеты по делам семьи и детей (всего 2 депутата в региональных легислатурах) (табл. 2).

Таблица 2

Парламентские комитеты с минимальным участием молодых депутатов (чел.)⁵

Комитеты	Региональные легислатуры (N = 3924)	Госдума VII созыва (N = 450)	Госдума VIII созыва (N = 450)
Комитеты по международным делам	0	0	1
Комитеты по делам семьи, женщин и детей	2	0	0
Комитеты по безопасности и обороне	14	0	0
По развитию гражданского общества	22	0	3
По охране здоровья	22	0	1
Комитеты по экономической политике	45	0	0

Самыми популярными для молодых политиков на федеральном уровне являются сферы молодежной и социальной политики. В регионах предпочтения иные: здесь лидируют отраслевые экономические комитеты (по строительству, транспорту, промышленности, аграрному сектору – 88 молодых депутатов), а также комитеты по спорту, туризму и образованию (72 чел.). Если сравнивать VII и VIII созывы Госдумы, можно увидеть, что отраслевые комитеты и комитеты по развитию гражданского общества стали в 2 раза менее привлекательными для молодых депутатов, а вот комитеты по социальной политике, науке и образованию, напротив, увеличили квоту молодых (табл. 3).

В Комитете по молодежной политике Госдумы VIII созыва сразу три молодых депутата занимают позиции зампредов: Михаил Киселев (1986 г.р.) и Юлия Саранова (1987 г.р.) из «Единой России», Владимир Исаков (1987 г.р.) из КПРФ. Еще в двух комитетах по два заместителя председателя – это депутаты моложе 35 лет: в Комитете по развитию

⁴ Исключение составила Мария Бутина, которая избрана в Госдуму VIII созыва от «Единой России» и вошла в комитет по международным делам.

⁵ Названия комитетов в регионах и в Государственной думе разнятся, мы здесь используем не точное обозначение комитета, а только сферу деятельности в обобщенном виде.

Таблица 3

Парламентские комитеты с максимальным участием молодых депутатов (чел.)

Комитеты	Региональные парламенты	Госдума VII созыва	Госдума VIII созыва
Комитеты по аграрной и промышленной политике, строительству, транспорту, энергетике	88	6	3
Комитеты по федерализму, государственному устройству, регионам, муниципалитетам и делам национальностей	75	3	1
Комитеты по науке, образованию, культуре, спорту и молодежной политике	72	2	5
Финансовые комитеты (по бюджетам и финансовым рынкам)	51	3	3
Комитеты по труду и социальной политике	47	2	5
Комитеты по экологии, природопользованию и природным ресурсам	42	3	3
Комитеты по развитию гражданского общества, общественных организаций и религии	22	6	3

гражданского общества – Ольга Амельченкова (1990 г.р.) и Артем Бичаев (1990 г.р.) из ЕР, в Комитете по просвещению – Яна Лантратова (1988 г.р.) из СР и Максим Гулин (1987 г.р.) из «Новых людей».

Краткий обзор распределения молодежи по комитетам парламентов регионального и федерального уровней позволяет утверждать, что молодые депутаты входят в политику широким фронтом, занимая позиции почти во всех сферах парламентской деятельности. Исключение составляют лишь комитеты по международным делам, обороне и безопасности, где молодых почти нет. Мы видим, что представителей поколения 1980–1990-х гг. не ограничивают узкими рамками молодежной политики. Они на равных занимаются серьезными вопросами экономической политики, промышленности, транспорта, энергетики, финансов и т.п. Причем на региональном уровне молодежь больше склонна заниматься экономикой, федерализмом и государственным управлением, а на федеральном уровне – социальной политикой, наукой и образованием. Это говорит о том, что партийный истеблишмент ведет планомерную работу по подготовке смены поколений.

Выводы. В эпоху экспансии новых технологий и формирования «умного государства» роль молодежи должна была бы принципиально измениться, так как она имеет ресурсы и навыки, способные совершить тектоническую трансформацию управления. Цифровизация невозможна без молодого поколения. На наш взгляд, никогда ранее политика не нуждалась в молодежи так, как она нуждается сегодня. Но соответствует ли приток молодых на государственную работу стоящим амбициозным задачам? Наш ответ – не вполне.

Численно представительство молодежи остается очень скромным, не меняясь последние 10 лет и отставая от показателей других европейских стран (в европейских странах в среднем – более 10%, у нас – менее 7%). Молодежь, которая мечтает о политической карьере, пытается подняться вверх на двух лифтах – партийном и общественном (волонтерство, молодежные парламенты, общественные палаты).

По данным нашего опроса молодых людей в 13-ти регионах России, подавляющее большинство уверено, что возможностей для политической карьеры у них нет; они не видят партии, которая выражала бы интересы их поколения. Именно это заставляет их выплескивать свое недовольство на уличных акциях, вызывает чувство отчуждения. Но объективная картина иная: молодежь вступает в партии, добивается успехов на общественном поприще, побеждает на выборах в законодательные собрания своих регионов, затем и в Государственную думу. То есть определенные возможности для миллениалов есть, но большая их часть не видит или не принимает их. Идеологические

предпочтения поколения миллениалов не удовлетворяются теми структурами, которые представлены на верхнем политическом этаже. Молодежь в итоге остро чувствует свою невостребованность.

Политика в цифровую эпоху стала частью жизни молодых, стала тем, что по-настоящему ее интересует. В социальных сетях она обрела новый язык, понятный молодым, раскрасилась юмором, мемами, челенджами и флэшмобами. Сложилось противоречие между устремлениями нового поколения и реальными возможностями, что привело к формированию поколенческого синдрома – конфликта между готовностью найти свою политическую «тусовку», стать ее частью, делать что-то полезное для социума и невозможностью этого. Лишь небольшая часть молодых нашла свою лестницу, поднимаясь по которой можно добиться успеха. Большинство же считает эту малочисленную группу сверстников карьеристами, не имеющими убеждений и цинично продающими свою энергию власти. Мизерная часть поколения, найдя эффективный путь наверх, уже работает в политической сфере, в то время как большинство находится в растерянности, чувствуя, что активная гражданская позиция не только не сулит удачной карьеры, но даже опасна. Преодоление этого синдрома невостребованности требует осознания проблемы самим государством и корректировки молодежной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гукова И.Н. Роль молодежного парламентаризма в развитии общественно-политической активности современной российской молодежи // *Via in tempore. История. Политология*. 2014. № 1 (172). С. 169–174.
- Зеленин А.А. Региональный молодежный парламент как механизм социального лифта в современной российской политике // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 2. С. 85–90.
- Крыштановская О.В. Женщины в российском парламенте // *Тетради по консерватизму*. № 4. 2018. С. 274–290.
- Крыштановская О.В., Хуторянский Ю.В. Элита и возраст: путь наверх // *Социологические исследования*. 2002. № 4. С. 49–59.
- Мангейм К. Избранное: диагноз нашего времени. М.: РАО Говорящая книга, 2010.
- Миралиён К.А. Формирование молодежного парламентаризма в странах СНГ и России: практика, проблемы и перспективы // *Вестник ТГУПБП*. 2016. № 3. С. 129–143.
- Отроков О.Ю., Пупыкин Р.А. Молодежное самоуправление в России на современном этапе: основные признаки, функции и уровни деятельности // *Научный журнал КубГАУ*. 2017. № 129. С. 443–457.
- Рябова Т.Б. Возраст власти? «Воображаемые поколения» и доверие к политикам в социальных представлениях современных россиян // *Комплексные исследования детства*. 2021. Т. 3. № 1. С. 59–68.
- Самохвалов Н.А. Модели молодежного представительства как форма повышения участия молодежи в общественно-политической жизни российского государства // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2016. № 2. С. 22–26.
- Сергеев А.К., Гнатюк М.А., Гнатюк К.Ю. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2018. № 2. С. 21–27. DOI: 10.22394/2079-1690-2018-1-2-199-204.
- Трынов Д.В., Казанцев Я.Ю. Представительство молодежи в органах власти: работают ли социальные лифты политического участия? // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. Т. 12. № 1. 2021. С. 1–7.
- Юшкина Н.А. Влияние образовательных траекторий на формирование управленческой элиты в российских федеральных органах власти // *Вестник Университета*. 2019. № 11. С. 176–183.
- Erikson J., Josefsson C. Equal playing field? On the intersection between gender and being young in the Swedish Parliament // *Politics, Groups, and Identities*. 2021. Vol. 9. Iss. 1. P. 81–100.
- Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. Head Start in Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties Belgium (Flanders) // *Party Politics*. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 193–212.
- Joshi D.K. The Inclusion of Excluded Majorities in South Asian Parliaments: Women, Youth, and the Working Class // *Journal of Asian and African Studies*. 2015. Vol. 50. No. 2. P. 223–238.
- Krook M.L., Nugent M.K. Not Too Young to Run? Age requirements and young people in elected office // *Intergenerational Justice Review*. 2018. No. 4. P. 60–67.

- Lisi M., Freire A. Political equality and the process of candidate selection: MPS' views in comparative perspective // *Journal of Representative Democracy*. 2012. Vol. 48. No. 4. P. 373–386.
- Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9 No. 5. P. 1–6.
- Stockemer D., Sundström A. Age representation in parliaments: Can institutions pave the way for the young? // *European Political Science Review*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 467–490.
- Tremmel J., Mason A., Godli P.H., Dimitrijoski I. Youth Quotas and other Efficient Forms of Youth Participation in Ageing Societies. Cham, Switzerland: Springer, 2015.

Статья поступила: 24.11.21. Финальная версия: 27.12.21. Принята к публикации: 28.12.21.

YOUNG PARLIAMENTARIANS IN RUSSIA

KRYSHTANOVSKAYA O.V., LAVROV I.A.

State University of Management, Moscow, Russia

Olga V. KRYSHTANOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Director (olgakryshat@yandex.ru); Ivan A. LAVROV, Senior specialist (spu_lavrov@mail.ru). Both – Research Center of the Russian Elite, State University of Management, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and EISR research project № 21-011-31795.

Abstract. This article explores the millennial generation participation in public politics. A large-scale study of federal and regional legislative bodies was conducted to identify the number of young parliamentarians, their party affiliation, their status in the hierarchy and their spheres of activity. The research examined the biographies of 7691 legislative assemblies' deputies in 85 regions of the Russian Federation, the State Duma deputies of all eight convocations from 1993 till 2021, and current senators. It was found that the representation of the young generation has been steadily decreasing from year to year, and has now reached its lowest value of 6.9%. Opposition parliamentary parties are much more actively working with young people than the ruling party. The success of the «New People» party is largely conditioned by its bet on millennials. At the same time, young people hold more significant positions in the federal parliament than ever before, which indicates that a generational shift is being prepared on the whole front of the government. This is also evidenced by the data on the young parliamentarians' expanded field of activity, who occupy positions on all sectorial committees with the exception of international affairs, defense, and security issues. An analysis of young parliamentarians' biographies shows that their careers are linked to the activities of party apparatuses, public chambers, volunteer organizations and youth parliaments. The main conclusion of the article is that there is a lot of work is going on in parties to prepare young personnel, but the representation of millennials currently does not correspond the challenges of building a digital state.

Keywords: parliament, youth, millennials, youth representation, political parties, State Duma, Federation Council, regional legislatures, incorporation.

REFERENCES

- Erikson J., Josefsson C. (2021) Equal playing field? On the intersection between gender and being young in the Swedish Parliament. *Politics, Groups, and Identities*. Vol. 9. Iss. 1: 81–100.
- Gukova I.N. (2014) The role of youth parliamentarism in the development of socio-political activity of modern Russian youth. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science]. Vol. 172. No. 1: 169–174. (In Russ.)
- Hooghe M., Stolle D., Stouthuysen P. (2004) Head Start in Politics: The Recruitment Function of Youth Organizations of Political Parties Belgium (Flanders). *Party Politics*. Vol. 10. No. 2: 193–212.
- Joshi D.K. (2015) The Inclusion of Excluded Majorities in South Asian Parliaments: Women, Youth, and the Working Class. *Journal of Asian and African Studies*. Vol. 50. No. 2: 223–238.
- Krook M.L., Nugent M.K. (2018) Not Too Young to Run? Age requirements and young people in elected office. *Intergenerational Justice Review*. Vol. 4. No. 2: 60–67.
- Kryshatanovskaya O.V. (2018). Women in the Russian Parliament. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism]. No. 4: 274–290. (In Russ.)

- Kryshatanovskaya O.V., Khutoryanskiy Y.V. (2002). Elite and age: the way up. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 49–59. (In Russ.)
- Lisi M., Freire A. (2012) Political equality and the process of candidate selection: MPS' views in comparative perspective. *Journal of Representative Democracy*. Vol. 48. No. 4: 373–386.
- Mannheim K. (2010) Selected: the diagnosis of our time. Moscow: RAO Talking Book. (In Russ.)
- Miralayon K.A. (2016) Formation of youth parliamentarism in the CIS countries and Russia: practice, problems and prospects. *Vestnik TGUPBP* [Bulletin of TSUPBP]. No. 3: 129–143. (In Russ.)
- Otrokov O.Y., Pupykin R.A. (2017). Youth self-government in Russia at the present stage: the main features, functions and levels of activity. *Nauchnyy zhurnal KubGAU* [Scientific Journal of KubGAU]. No. 129: 443–457. (In Russ.)
- Ryabova T.B. (2021) The age of power? "Imaginary generations" and trust in politicians in the social representations of modern Russians. *Kompleksnye issledovaniya detstva* [Complex studies of childhood]. Vol. 3. No. 1: 59–68. (In Russ.)
- Samokhvalov N.A. (2016) Models of youth representation as a form of increasing youth participation in the social and political life of the Russian state. *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* [Actual problems of our time: science and society]. No. 2: 22–26. (In Russ.)
- Sergeev A.K., Gnatyuk M.A., Gnatyuk K.Y. (2018) Youth Parliament as a Form of Regional Youth Policy Implementation: Samara Region Experience. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS* [State and Municipal Management. Academic notes of SKAGS]. No. 2: 21–27. (In Russ.)
- Stockemer D., Sundström A. (2018) Age representation in parliaments: Can institutions pave the way for the young? *European Political Science Review*. Vol. 10. No. 3: 467–490.
- Tremmel J., Mason A., Godli P.H., Dimitrijoski I. (2015) Youth Quotas and other Efficient Forms of Youth Participation in Ageing Societies. Cham, Switzerland: Springer.
- Trynov D.V., Kazantsev Y.Y. (2021) Youth representation in government: do social elevators of political participation work? *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya* [The World of Science. Sociology, philology, culturology]. Vol. 12. No. 1: 1–7. (In Russ.)
- Yushkina N.A. (2019) Influence of educational trajectories on the formation of managerial elite in the Russian federal authorities. *Vestnik Universiteta* [University Bulletin]. No. 11: 176–183. (In Russ.)
- Zelenin A.A. (2012) Regional youth parliament as a mechanism of social elevator in modern Russian politics. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 2: 85–90. (In Russ.)

Received: 24.11.21. Final version: 27.12.21. Accepted: 28.12.22.

Д.С. ПЕТРУНИНА

«ПЕРЕХОДНОЕ ПОКОЛЕНИЕ»: ПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МИЛЛЕНИАЛОВ

ПЕТРУНИНА Дарья Сергеевна – стажер-исследователь Центра молодежных исследований, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (dpetrunina@hse.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений российских миллениалов о своем поколении. В основе теоретических аспектов работы лежат как классические подходы к изучению поколений, так и современная дискуссия о проживании индивидами глобального и национального опыта в формативные годы. Опираясь на дискурсивный подход М. Корстена, в работе исследуются нарративы трех возрастных когорт жителей Санкт-Петербурга для описания поколенческой идентичности миллениалов. В результате анализа эмпирического материала выявлен дискурс о переходном характере поколения, осмысляемый информантами в рамках технологий, политического устройства, а также социального и экономического благополучия страны.

Ключевые слова: поколения • поколенческая идентичность • миллениалы • качественная методология • молодежь • Россия

DOI: 10.31857/S013216250018036-2

Постановка исследовательского вопроса. В последнее время особое внимание уделяется изучению поколения миллениалов – людям, рожденным в период 1980–2000-х, чье взросление пришлось на новое тысячелетие и развитие технологий [Howe, Strauss, 2000]. По мнению исследователей, данное поколение обладает другими поведенческими и ценностными характеристиками, чем предшествующие. В работе В.В. Радаева миллениалы характеризуются через отложенное взросление, «цифровую продвинутость», большую вовлеченность в досуг, меньшее потребление алкоголя, приверженность к здоровому образу жизни и меньшую религиозность [Радаев, 2019: 65–116]. Эти особенности отражают общие глобальные тренды, приписываемые поколению миллениум в зарубежных исследованиях [Berger, 2017; Dimock, 2019; Bialik, Fry, 2019]. Тем не менее невозможно отрицать некоторую уникальность исторических и культурных событий, происходивших в России в период формативных лет российских миллениалов, что приводит к необходимости учитывать национальный опыт при изучении поколений. В фокусе данной статьи – поколенческая идентичность миллениалов, а именно то, как сами молодые люди описывают свое поколение, какими характеристиками и ассоциациями наделяют его представителей, с какими элементами национального и глобального историко-культурного процесса связывают свое поколение.

Теоретическая рамка исследования. Поколение представляет собой массовую социальную общность – единство индивидов, включенных в общий, особенный только для них, историко-социальный контекст. Для таких массовых социальных групп, как поколения, характерно наличие связи между индивидами, не находящимися в близких отношениях, при этом их ценности и традиции создаются и развиваются участниками в более мелких социальных группах [Mannheim, 1970: 392, 400]. Единство индивидов внутри поколений

Статья подготовлена по проекту Центра молодежных исследований «Взросление российской молодежи в XXI веке: поколенческий анализ», реализуемому в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

обусловлено общим поколенческим сознанием, формируемым в годы взросления. Единый взгляд на мир, полученный через переживания в ранние годы, является основой для оценки всех последующих событий в жизни индивида. Именно поэтому разные возрастные группы, пережившие одни и те же события, не могут составлять одно поколение. Опыт, по мнению Мангейма, не накапливается и не суммируется в течение всей жизни, а диалектически артикулируется ранее пережитыми потрясениями [idib: 388–393, 401].

Глобализация, Интернет и высокая скорость социальных трансформаций создали новые условия для формирования поколений. Ученые выделяют два уровня событий («культурных травм», «ранних потрясений»), формирующих поколенческое сознание, – глобальный и национальный [Edmunds, Turner, 2005: 562] или реальный (местный) и воображаемый (глобальный) [Beck, Beck-Gernsheim, 2009: 28–31]. Более того, индивиды в разной степени и разными способами объединяют и используют глобальную культуру, которая одновременно становится более взаимосвязанной и менее гибкой к подавлению технологического и экономического неравенства. Глобально ориентированный подход должен принимать во внимание транснациональность опыта с учетом местной специфики ввиду разнообразия повседневных практик разных представителей поколений и их интерпретаций культурных ресурсов, в том числе из-за региональных и национальных особенностей [Philipps, 2018: 3–5]. Особое внимание уделяется влиянию технологий и Интернета.

Формирование поколенческой идентичности происходит не только посредством получения опыта в формативный период, но и в ходе воспроизводства воспоминаний об этом опыте. Исследователи отмечают, что наиболее часто воспроизводимыми являются воспоминания в период с 10 до 19 лет, а уже более поздние (с 20 до 29 лет) скорее трагивают личные истории информантов. Историко-культурные воспоминания ранних лет задают основу долговременной памяти и структуры знаний, которые станут позднее призмой для осмысления всех событий жизни индивидов [Holmes, Conway, 1999: 23, 28–30].

Для формирования поколения необходимо коллективное признание как самим поколением, так и другими, а также наличие структуры отношений между представителями поколения. Индивидуальное сознание участника поколения может рассматриваться через коллективную память о прошлом, однако даже наличие общих поколенческих переживаний может не являться значимым фактом для определения себя как части поколения [Thomson, 2016: 46].

В работе «Время поколений» М. Корстен раскрывает понятие поколения через дискурсивные практики, которые производят сами индивиды, исходя из пережитого опыта в юности [Corsten, 1999: 254]. Корстен сравнивает поколения с коллективами, которые сами идентифицируют себя путем «самотематизации», а именно выявления общих моделей интерпретаций коллективного опыта. Подобно единицам поколений Мангейма, автор выделяет «культурные круги» поколения, которые образуются в процессе создания общих интерпретаций и установления доминирующего семантического порядка в своих дискурсивных практиках [Corsten, 1999: 261–263]. Данный подход дает возможность понять связь внутри поколений, отношения между разными поколениями, а также выделить те аспекты, в том числе временные, которые становятся основой для формирования поколения.

Поколенческая идентичность формируется через повседневное взаимодействие между членами одного поколения, посредством воспроизводства доминирующего дискурса. Исследователи рассматривают поколенческую идентичность как социальный конструкт, формирующий так называемый «габитус» поколений и сочетающий в себе внешние факторы и внутренние дискурсивные практики. Дискурсы поколений также сосредоточены на воспроизводстве памяти, включая опыт, культурные значения и исторические факты [Aroldi et al., 2011: 4]. При этом важно учитывать особенность формирования памяти поколения в цифровую эпоху. В цифровом пространстве содержится не только актуальная повестка, но и опыт прошлого, который сливается с настоящим, при этом локация становится менее важна по сравнению с общим социальным пространством в условиях цифровизации.

Таким образом, поколенческая идентичность представляет собой сложный конструкт, состоящий из накопленного опыта, впечатлений и событий формативного периода, которые в результате рефлексии и дискурсивного воспроизводства формируют поколенческое самосознание. Последнее приобретает локально через повседневность и формируется относительно глобальной социальной реальности, позднее проявляясь в индивидуальных жизненных проектах. Для понимания поколенческой специфики необходимо опираться, с одной стороны, на классическую теорию поколений, с другой – учитывать наличие нескольких типов сознания – национального и глобального. Дискурсивный подход Корстена выступает центральным теоретико-методологическим подходом, который дает возможность проследить, как индивиды в своих дискурсах определяют свое поколение, его особенности и свою принадлежность к нему.

Методология и эмпирическая база исследования. Эмпирическая база статьи включает 30 глубинных полуструктурированных интервью, собранных в Санкт-Петербурге в октябре 2020 г. Выбраны три возрастные когорты – 18–23 года, 28–33 года и 38–43 года, на каждой из которых проведено по 10 интервью с учетом равного гендерного распределения. Выбор данных групп был обусловлен необходимостью зафиксировать возможные различия в поколенческом опыте и самоопределении внутри одного поколения – миллениалов, к которым согласно Радаеву относятся люди, рожденные с 1982 по 2000-е гг. [Радаев, 2019: 48]. Также несколько расширенный диапазон в 5 лет внутри когорты позволяет охватить разные этапы жизни, таким образом, в выборку попадают условно 20-летние, 30-летние и 40-летние. Помимо возрастных требований был важен опыт именно российского детства и школьных лет. В приоритете были коренные петербуржцы, однако с учетом миграционных особенностей региона в выборку попали информанты, приехавшие из других городов России. Образование и род деятельности не входили в ограничения по выборке, но тем не менее в процессе поиска информантов исследователи старались диверсифицировать занятость и образовательный бэкграунд.

Гайд интервью включает в себя 7 блоков – общий биографический, школьные годы, жизнь после школы (включая образование, работу, отношения, ключевые моменты и этапы жизни), представление о текущем жизненном этапе, представления о взрослости, поколенческий блок, а также заключительный (планы на жизнь). Интервью проводились в смешанном формате – офлайн (27 интервью) и онлайн (3 интервью). Длительность интервью варьируется от 50 минут до 3 часов.

Для анализа были использованы полные тексты нарративов с фокусом на блоке о поколениях. Основное внимание уделяется представлениям информантов о своем поколении, а именно характеристикам, ассоциациям, общим и отличным чертам как самого информанта от поколения, так и его поколения от других.

Методология анализа основывается на дискурсивном подходе Корстена [Corsten, 1999] и заключается в фиксации доминирующих дискурсов и семантики опыта информантов, проявляющихся в процессе описания своего поколения. Данный подход также использовался В.В. Семеновой, при котором выявлялись «единые модели самопрезентации» поколений [Семенова, 2009: 110]. В данной статье больше внимания уделяется направлениям доминирующего дискурса и его риторикам в нарративах информантов о своем поколении.

«Переходное поколение» – между меняющейся страной и развитием технологий. В качестве главной особенности в нарративах информантов всех исследуемых когорт воспроизводится дискурс о переходном характере поколения. Переход осмысляется в рамках технологий, политического устройства, а также социального и экономического благополучия. Переходность поколения рассматривается, с одной стороны, как ключевая характеристика поколения, с другой – как преимущество перед другими, проявляющееся не только в возможностях окружающего мира, но и в способности проявлять агентность и выстраивать индивидуальные жизненные траектории.

Поколение миллениалов представляется гетерогенной общностью, объединенной дискурсом перехода. Несмотря на разное осмысление и проживание этого «перехода»,

все исследуемые когорты определяют себя через одинаковые характеристики, которые в большей или меньшей степени проявляют себя у разных возрастных групп. Информанты сравнивают себя через слова «более» и «менее» как относительно предыдущих (советских) поколений, так и относительно более младших когорт. Доминирующими характеристиками выступают свобода, гибкость, индивидуализм.

Жизнь «в разных мирах» – 40-летние о своем поколении. Нарративы старшей когорты сосредоточены на опыте проживания в двух «мирах» – социализма, с отсылками к советскому детству, и капитализма, характеризующегося современной «бизнес-Россией»: *«Это просто факт, то, что мое поколение застало социализм, то есть мы живем... мы пробовали себя в разных мирах, то есть мы жили... я был октябренком, брат у меня был пионером, мы жили при социализме, мы живем при капитализме»* (А_м_37).

Данный опыт жизни рассматривается информантами как уникальный, позволивший представителям поколения обрести некоторую гибкость и возможность выстраивать свои жизненные траектории в разных направлениях: с одной стороны, с отсылкой к советским ценностям и идеалам, с другой – с пониманием возможности изменений окружающего их мира и страны: *«Мы в этом плане гораздо, ну, то самое переходное поколение, которые, когда эти все. Железный занавес давно правда упал, но вот когда Россия сформировалась <...> В 91-м, в 90, ну в начале 90-х, в 2000-х, вот и это отложило свой отпечаток на мышление, что можно так, а можно иначе, можно и вот эдак, а можно еще вот так»* (В_м_37).

Тем не менее в дискурсе перехода этой когорты прослеживается риторика травмы. Переход из одного времени в другое описывается через опыт проживания девяностых, которые характеризуются в категориях бедности, беспредела, «разрыва», «мясорубки» и связаны с такими социальными проблемами, как ВИЧ, наркомания, алкоголизм, бандитизм, Чеченская война.

Можно выделить два взгляда на этот период – часть информантов рассматривают девяностые как промежуточный этап, не фокусируясь в нарративах на его негативных аспектах, а обращаясь к музыкальной культуре, кинематографу и молодежным движениям того времени, являющихся объединяющими для этого поколения. Другая часть, наоборот, акцентируют внимание на травме, полученной в 90-е, как основе негативного опыта восприятия окружающего мира, который наложил отпечаток на жизни этого поколения, лишив их дальнейшего благополучия.

Опыт формативных лет в 90-е воспринимается как «социальный иммунитет», позволивший сформировать такие качества, как гибкость, открытость, «бесстрашие» и свобода. В нарративах информанты выделяют эти характеристики через сравнение себя со старшими и младшими когортами, используя слова «более» и «менее», по их мнению, они являются «проводниками» между ценностями и образом жизни советских поколений и современной «цифровой» молодежи, выступая принимающей стороной всех изменений, происходивших в России. Информанты называют себя «середнячки», «микс», «переходнички», «соединители». Необходимость перестроиться, по их мнению, затрагивала не только их поколение, но и более старшее, однако именно у них получилось совершить переход: *«То есть много всяких этапов прожили, вот это отложилось на наше поколение, что мы как-то более может быть спокойно к этому относимся, может быть так, к этим сменам, к вот этим пертурбациям»* (Е_ж_39).

Категория свободы в понимании данной когорты определяется, с одной стороны, через внешние возможности, с другой – через собственное мышление, а именно противостояние советскому дискурсу и его ориентирам. Тем не менее информанты воспринимают опыт советского детства позитивно, как нечто, что дало им идеалистичный взгляд на мир и оставило отпечаток такими качествами, как честность, взаимопомощь и доброта. Технологии рассматриваются данной когортой как что-то опциональное, чем они умеют владеть, но при этом не сильно погружены в цифровую среду и ценят офлайн взаимодействие с миром: *«Потому что до нас не было этих компьютерных технологий, а сейчас очень*

активно. На нашем этапе это произошло. Да, соединители. Те видели только то, эти видели только это. А мы видели и то, и это» (Г_ж_43).

Таким образом, переход в нарративах 40-летних наблюдается и как характеристика исторического периода формативных лет, и как поколенческая особенность принимать на себя изменения.

«Люди, которые выросли в быстро развивающихся цифровых технологиях» – представления о своем поколении 30-летних. Переходность поколения в когорте 28–33 года осмысливается в рамках «предцифровой эпохи». Формативные годы 30-летних пришлись на постепенное внедрение технологий в повседневность – от их полного отсутствия в раннем детстве до полного включения в цифровую среду в настоящий момент. При этом, как и старшая когорта, информанты отмечают свое преимущество как переходного поколения, которое выражается в возможности переключаться между онлайн и офлайн пространствами и выбирать, в какие технологические тренды включаться, а какие пропускать мимо, что, по их мнению, уже недоступно более младшим группам: «То есть люди имеющие, то есть, я жил до 3 курса без телефона вообще. То есть я знаю, как и до, как и жить без него, и с ним» (А_м_32).

Тем не менее переходный исторический этап России также находит свое отражение в нарративах 30-летних. В дискурсах о 1990-х гг. также присутствует риторика травматичного опыта, связанная с бедностью и финансовой нестабильностью семьи в детстве. Здесь информанты, как и в старшей когорте, говорят о «тяжелой школе жизни» и приобретенном «иммунитете» не только через личный опыт, но и посредством рассказов родителей об этом времени: «Потому что у нас иммунитет. У нас от родителей очень хороший иммунитет. Хорошая память про девятые годы, относительно хорошая, как бы даже я их немного помню. А те люди, которые чуть старше меня, их помнят очень хорошо. Тем вот, кто моложе... мне кажется, что им было бы... будет труднее, если у нас в стране что-то случится, потому что они не готовы к этому» (Я_ж_32).

Основными характеристиками своего «переходного» поколения 30-летние информанты называют гибкость, мобильность и умение быстро подстраиваться, однако данные характеристики, по их мнению, связаны не только с развитием технологий и изменениями в стране, но и с текущими условиями нестабильности и изменчивости мира. В нарративах отмечаются сложности, связанные с построением жизненных курсов, ввиду ограниченных возможностей внешнего мира, а также отсутствием четких ориентиров, как это было в советское время.

Отдельным ярко выраженным направлением дискурса перехода является свобода. Данная категория используется в рамках выражения своей сексуальной идентичности, своего мнения, вкусов и также в построении индивидуальных жизненных траекторий. Информанты осмысливают свое поколение как переходное к свободному – «первая волна свободных людей».

Еще одной особенностью перехода выступает изменение взглядов представителей этого поколения на воспитание детей и семью. Информанты отмечают, что будут или уже являются более «вовлеченными» родителями, которые осознанно занимаются воспитанием своих детей: «Скажем так, первое поколение, которое может вырастить своих детей... вырастить своих детей, понимая, как их правильно растить» (Я_ж_32).

По сравнению с 40-летними данная когорта в большей степени осмысливает переходность поколения через опыт непосредственного проживания развития технологий. «Переход» в отношении политического устройства страны является вторичным и выступает как отголосок пережитых другими поколениями событий, затронувших 30-летних лишь в детстве.

«Еще и не цифровые люди до конца, еще аналоговые какие-то...» – 20-летние о своем поколении. Осмысление перехода 20-летних сильно связано с развитием технологий. Информанты отмечают отсутствие технологий в раннем детстве, однако не связывают свое взросление с ними, как 30-летние. В памяти данной когорты не наблюдается

постепенное внедрение цифровой среды в повседневность, а наоборот, они воспринимают это как данность. 20-летние считают себя «технологически развитым» поколением, но отмечают, что более молодые когорты являются «сверхразвитыми», в связи с чем воспринимают себя как «переходный этап», «ни туда, ни сюда», «аналоговые»: *«И как раз-таки мое поколение – это переходный этап, именно вот поколение людей, которые были далеки от всего цифрового и людей, которые начали этим увлекаться и в этом тоже находятся. Это что-то между, граничащее наше поколение»* (А_м_19).

Формативные годы когорты 18–23 пришлись на стабильное время и в нарративах информантов отсутствуют риторики травмы, связанные с детством. Тем не менее данная когорта осмысляет переходность своего поколения через культурную связь с советским временем. Детство этих информантов ассоциируется с культурными практиками, в которых присутствовали игры во дворе, утренники и просмотр советских мультфильмов: *«То есть, в родителях оно ещё сильное, нормальное, а в нас оно уже слабое совсем. И оно – хорошее, оно... мы плохого от советского не успели взять, ну, то есть, успели, наверное, все – оно будет ещё много с нами идти, но это привычки, вообще, общественного строя, то есть... А вот такие вещи, культурные – мы только хорошее успели перенять. <...> Что мы последние, кто вот это вот помнит»* (Арс_м_22).

В нарративах также прослеживается дискурс нестабильности мира и быстрых изменений, однако 20-летние определяют нестабильность как возможность выбора, свободу, творчество и индивидуализм, приравненный к эгоизму. При этом информанты говорят о стабильности и отсутствии потрясений – «нет факторов, которые способствовали быстрому взрослению». Нарративы стабильности зачастую сопряжены и с текущим политическим режимом России, 20-летние называют себя «поколение Путина».

Категория свободы в нарративах данной когорты наполняется большим количеством смыслов, а именно под эту категорию попадает толерантность и отсутствие стереотипного мышления, независимость, самовыражение и готовность высказывать мнение. В отличие от более старших исследуемых когорт, информанты когорты 18–23 года выделили еще несколько четких характеристик помимо переходности и свободы.

Творчество является часто повторяющейся характеристикой в нарративах 20-летних и осмысливается как результат отсутствия потрясений – «новый взгляд на мир, не знающий войны». Творчество рассматривается через самореализацию в трудовой или культурной деятельности, а также собственную внешность и стиль.

Эгоизм также выступает ключевой характеристикой в представлениях 20-летних о своем поколении. Данная категория включает в себя «разгильдяйство», «аморальные» ценности, инфантилизм, лень и желание зарабатывать «легкие» деньги, а также ориентацию на собственное благополучие – «каждый сам за себя». Тем не менее категория эгоизма не рассматривается как явно негативная, а преподносится в качестве особенности существования в современном мире и даже некоторой чувствительности поколения – «неженки», «нужен комфорт». Одновременно с эгоизмом в нарративах проявляется дискурс осознанности и заботы об окружающем мире. Информанты выражают готовность проявлять собственную агентность в вопросах борьбы с дискриминацией и сохранения экологии.

Таким образом, 20-летние осмысляют переходность поколения как завершающий этап изменений, связанных с появлением технологий, с одной стороны, и уходом от Советского Союза – с другой. По словам информантов, все последующие поколения будут уже более свободные, эгоистичные, цифровые, а также «американизированные» с точки зрения погружения в глобальную культуру.

Выводы. Рассматривая переходность данного поколения, можно условно выделить начало и завершение данного перехода, характеризующегося одновременно политическими изменениями и цифровизацией. Так, ключевой чертой когорты 40-летних является переход от социализма к капитализму с одновременным принятием развития технологий в уже поздний период формативных лет. Когорта 30-летних представляется ядром поколения миллениалов, их идентичность строится как на памяти детства 90-х, так и на

технологическом развитии мира, что более явно выражается по сравнению с 40-летними. Завершающей когортой «переходного» поколения выступают 20-летние, имеющие косвенный советский опыт, связанный с культурными практиками детства, и прямой опыт цифровой повседневности.

Все исследуемые когорты при рассуждении о принадлежности к поколению отмечали, что объединяющим для их поколения является культурный опыт прошлого (формативных лет), но сейчас «все разные». Информантам сложно выделить текущие общие паттерны поколения в условиях быстрых социальных изменений и большой вариативности в построении жизненных курсов. Тем не менее, несмотря на различия в осмыслении перехода и разницу в проживании формативных лет, можно говорить об одновременном единстве и гетерогенности поколения миллениалов.

Самопрезентация российских поколений до этого рассматривалась в работе В.В. Семеновой, где также использовалось понятие перехода, однако не в отношении миллениалов, а для поколения, рожденного в период с 1960 по 1970 год. Переход для этого поколения был связан с перестройкой, то есть с историческими событиями [Семенова, 2009: 109]. Характер перехода миллениалов в данном случае связан не столько с историческим периодом, сколько с его последствиями. Данное поколение характеризуется как социальная общность, принимающая на себя последствия политических изменений в стране (некоторые из которых произошли еще до рождения представителей данного поколения), а также изменений повседневности, связанных с цифровизацией.

Стоит отметить, что в исследовании Сееновой также отражена верхняя граница миллениалов – рожденные после 1980 года и названные «постпереломное поколение» или также «постпереходное» поколение [там же: 109–110]. На момент ее исследования представителям этого поколения было около 20 лет, а на момент нашего – 40 лет. Характеристики и дискурсы, выделенные Сееновой, в целом перекликаются с результатами данной статьи. Тогда выделялись такие смыслы, приписываемые этому поколению, как «синдром гедонизма», «трудовая мораль рыночного типа», «поколение массовой компьютерной грамотности», «свободные», «сами по себе» [там же: 116–131].

Тем не менее дискурс перехода действительно присутствует и у поколения, рожденного в 1960–1970-е гг., однако характеристики и смыслы отличаются от миллениалов. Возможно, данный факт можно рассматривать в рамках понятия «буферного» поколения, предложенного Мангеймом. Таким поколенческим общностям свойственно частично перенимать характеристики граничащих с ними групп, в данном случае это советское поколение («доперестроечное») и миллениалы.

Из приведенного в данной статье анализа становится ясно, что опыт российского поколения миллениума отличается от глобального, так как по большей части включает в себя проживание национального историко-культурного опыта. Вопрос включенности в глобальный контекст российских поколений остается открытым, так как эмпирические данные по Санкт-Петербургу имеют свою специфику жизни в мегаполисе, и для более полного понимания особенностей российских миллениалов необходимо изучить их представителей в регионах России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019. [Radayev V.V. (2019) *Millennials: How Russian Society is Changing*. Moscow: VSHE. (In Russ.)] DOI: 10.17323/978-5-7598-1985-1.
- Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. [Semenova V.V. (2009) *Social dynamics of generations: problem and reality*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)]
- Berger A.A. (2017) *Cultural perspectives on millennials*. London: Springer.
- Howe N., Strauss W. (2000) *Millennials rising: The next great generation*. New York: Vintage Books.
- Aroldi P., Fortunati L., Gebhardt J., Vincent J. (2011) Generational belonging between media audiences and ICT users. In: *Broadband society and generational changes*. Vol. 5.

- Beck U., Beck-Gernsheim E. (2009) Global generations and the trap of methodological nationalism for a cosmopolitan turn in the sociology of youth and generation. *European sociological review*. Vol. 25. No. 1: 25–36.
- Bialik K., Fry R. (2019). Millennial life: How young adulthood today compares with prior generations. *Pew Research Center*. No. 14: 1–11.
- Corsten M. (1999). The time of generations. *Time & Society*. Vol. 8. No. 2–3: 249–272.
- Edmunds J., Turner B.S. (2005) Global generations: social change in the twentieth century. *The British journal of sociology*. Vol. 56. No. 4: 559–577.
- Holmes A., Conway M.A. (1999) Generation identity and the reminiscence bump: Memory for public and private events. *Journal of adult development*. Vol. 6. No. 1: 21–34.
- Mannheim K. (1970). The problem of generations. *Psychoanalytic review*. Vol. 57. No. 3: 378–404.
- Philipp J. (2018) A global generation? Youth studies in a postcolonial world. *Societies*. Vol. 8. No. 1: 14. DOI: 10.3390/soc8010014.
- Thomson A. (2016) Australian generations? Memory, oral history and generational identity in postwar Australia. *Australian Historical Studies*. Vol. 47. No. 1: 41–57.

Статья поступила: 14.12.21. Принята к публикации: 25.12.21.

"TRANSITIONAL GENERATION": GENERATIONAL IDENTITY OF RUSSIAN MILLENNIALS

PETRUNINA D.S.

National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg, Russia

Daria S. PETRUNINA, Research Assistant at the Center for Youth Studies, St. Petersburg School of Social Sciences and Oriental Studies, National Research University "Higher School of Economics" in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (dpetrnina@hse.ru).

Abstract. The article analyzes Russian millennials' perceptions of their generation. Despite the correspondence of Russian millennials to the general characteristics described in the foreign academic discussion, the article notes that the experience of the Russian millennial generation differs from the global one, as for the most part it includes the national historical and cultural context. The theoretical aspects of the article are based both on classical approaches to generational studies and on contemporary debates about how individuals habituate global and national experiences during their formative years. Based on Korsten's discursive approach, the paper examines the narratives of three age cohorts of St. Petersburg residents. The analysis of the empirical material revealed a discourse on the transitional nature of the generation, conceptualized by informants within the technology, political structure, and socio-economic well-being of Russia during their formative years.

Keywords: generations, generational identity, millennials, qualitative methodology, youth, Russia.

Received: 14.12.21. Accepted: 25.12.21.

Ю.В. БЕРЕЗУТСКИЙ

МОЛОДЕЖЬ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ: «ТОЧКА РОСТА» ИЛИ «ТОЧКА НЕВОЗВРАТА»?

БЕРЕЗУТСКИЙ Юрий Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела организации научных исследований и аспирантуры, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Хабаровск, Россия (uriy-dvags@yandex.ru).

Аннотация. Данные официальной статистики и результаты социологических исследований фиксируют как высокий миграционный отток молодежи Хабаровского края, так и серьезные миграционные намерения на отъезд в связи с неудовлетворенностью различными аспектами жизнедеятельности, а также отсутствием уверенности в будущем. Проблема миграционного оттока, а следовательно, социально-экономического развития территории, усугубляется трансформацией социальной структуры общества (его старением), невысоким уровнем социальной активности молодежи, ее социальной разобщенностью, доминированием ценностей личной жизни.

Ключевые слова: молодежь • молодежная политика • социальное развитие • социальная активность • миграция • Хабаровский край

DOI: 10.31857/S013216250016668-7

Макротенденции социальной структуры регионального сообщества: молодежные трансформации. Молодежь Хабаровского края, как одного из ведущих субъектов РФ ДФО по численности проживающего населения, представляет основной человеческий потенциал его развития. При этом динамика численности молодежи свидетельствует о ее ежегодном снижении. Численность молодежи в крае в возрасте от 15 до 29 лет составляет 233,9 тыс. человек или 17,8% всего населения края. Численность городской молодежи составляет 80,8%, сельской – 19,2%.

За последние три десятилетия (с 1990 по 2020 г.) численность молодежи края сократилась на 42,1%, в то время как общая численность населения сократилась на 18,8%, что свидетельствует о более интенсивном сокращении численности молодежи (более чем в два раза). Население Хабаровского края за этот период существенно постарело: если в 1990 г. в структуре населения доля молодежи составляла практически 25% при 14% жителей предпенсионного и пенсионного возрастов (от 55 лет и старше), то в 2020 г. ситуация стала обратной (при 26,3% доли старшего поколения доля молодежи снизилась до 17,8%). Соотношение пенсионеров и молодежи существенно трансформировалось: если в 1990 г. на 1 молодого человека приходилось 0,6 пенсионера, то в 2020 г. – уже 1,5 пенсионера. Динамика численности населения края характеризуется отрицательным общим приростом населения как вследствие его естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока (табл. 1).

Данные статистики и результаты региональных социологических исследований [Березутский, 2019; Лада, 2018; Мотрич, 2019] свидетельствуют о серьезных проблемах социального и экономического развития молодежи. Существенный миграционный отток молодежи как важнейшего трудового, интеллектуального, творческого, креативного потенциала вызывает обоснованную тревогу за развитие Дальнего Востока России.

Является ли современная молодежь региона тем ресурсом развития, своеобразной «точкой роста» для экономики и социальной сферы нашего региона? Или же молодежь, стремящаяся покинуть территорию Дальнего Востока, является своеобразной

Таблица 1

**Динамика показателей структуры и движения населения Хабаровского края
(на начало года)**

Показатель	1990	2000	2010	2020
Население, тыс. чел.	1619,7	1473,9	1349,2	1315,6
Молодежь 15–29 лет, тыс. чел.	403,8	385,5	341,5	233,9
Доля молодежи 15–29 лет в общей численности жителей, %	24,9	26,2	25,3	17,8
Городская молодежь 15–29 лет, тыс. чел.	319,9	308,2	276,8	189,1
Сельская молодежь 15–29 лет, тыс. чел.	83,9	77,3	64,7	44,8
Население в возрасте 55+, тыс. чел.	226,8	263,0	315,4	345,3
Доля населения в возрасте 55+ в общей численности, %	14,0	17,8	23,4	26,3
Миграционный прирост, тыс. чел.	–4,5	–5,7	–4,1	–3,3
Естественный прирост, тыс. чел.	+9,5	–8,4	–2,2	–3,1
Общий прирост, тыс. чел.	+5,0	–14,1	–6,3	–6,4

Источник: Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, ЕАО и Чукотскому АО. URL: http://habstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/habstat/ru (дата обращения: 02.04.2021).

«точкой невозврата», формирующей дефицит количественных и качественных характеристик человеческого потенциала региона? Найти ответы на эти вопросы и понять то, что происходит сегодня с молодежью региона, попробуем на основе результатов нашего исследования.

Описание методики исследования. Материалы статьи опираются на результаты социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края: состояние и перспективы развития», проведенного в июле 2019 г. социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС по заказу Комитета по молодежной политике Правительства Хабаровского края. Проведено 45 фокус-групп с семью группами молодежи в возрасте от 14 до 30 лет: «школьники», «студенты», «творческая молодежь», «работающая молодежь», «семейная молодежь», «социально активная молодежь» и «молодые предприниматели») в пяти населенных пунктах Хабаровского края: г. Хабаровске, г. Комсомольске-на-Амуре, п. Ванино, п. Чегдомыне и с. Перяяславка. Наряду с этим проведен анкетный опрос участников фокус-групп ($N = 412$).

Ценности и ценностные ориентации молодежи как векторы ее жизненного пути. Ранжирование ценностей в рамках нашего исследования (согласно методике М. Рокича) показало, что молодежь ориентируется в основном на общечеловеческие ценности личного счастья. Самыми важными ценностями-целями для молодежи края (оцениваемых как значимые) являются: здоровье (76,7%), счастливая семейная жизнь (53,2%), материально обеспеченная жизнь (44,6%), любовь (42,5%), наличие хороших и верных друзей (39,8%), активная, деятельная жизнь (39%) (табл. 2).

Результаты показывают ориентацию молодежи в значительной степени на индивидуализм, нежели на социально ориентированные ценности, поскольку, например, «общая хорошая обстановка в стране и обществе», «равенство» как ценности, ориентированные на социум, занимают нижние строчки рейтинга. Ценности демократии («самостоятельность как независимость в суждениях и оценках», «свобода как независимость в поступках и действиях») не столь значимы в оценках молодежи.

Таким образом, в молодежной среде доминируют ценности личной жизни («здоровье», «семья», «друзья», «любовь»), нежели ценности профессиональной самореализации («интересная работа», «продуктивная жизнь», «активная деятельная жизнь»,

Таблица 2

**Ранжирование терминальных ценностей по степени значимости
молодежью Хабаровского края (в % от числа опрошенных)**

Терминальные ценности	%
Здоровье (физическое и психическое)	76,7
Счастливая семейная жизнь	53,2
Материально обеспеченная жизнь	44,6
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	42,5
Наличие хороших и верных друзей	39,8
Активная, деятельная жизнь	39,0
Интересная работа	37,4
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом)	33,0
Уверенность в себе (свобода от внутренних противоречий, сомнений)	29,9
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	21,4
Общая хорошая обстановка в стране, в обществе, сохранение мира между народами (как условие благополучия каждого)	17,7
Свобода как независимость в поступках и действиях	16,3
Удовольствия (жизнь, полная удовольствий, развлечений, приятного проведения времени)	15,0
Творчество (возможность творческой деятельности)	13,8
Равенство (равные возможности для всех)	13,4
Самостоятельность как независимость в суждениях и оценках	11,9
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	9,5
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве)	7,5

«общественное признание»). Можно сделать вывод о доминировании активных ценностей («интересная работа», «активная, деятельная жизнь», «свобода») над пассивными («красота природы и искусства», «уверенность в себе», «познание», «жизненная мудрость»).

При этом молодежь в своих ценностях-целях руководствуется в большей степени «воспитанностью» (56,8%), «образованностью» (44,7%), «честностью» (44,7%), «ответственностью» (43,0%), «жизнерадостностью» (39,1%) и «аккуратностью» (34,7%), которые в то же время являются ориентирами лишь для трети либо половины молодых людей. Для большей части молодежи эти жизненные ориентиры важными не являются. И вновь результаты опроса фиксируют незначимость для молодежи ценностей демократии – «умение настоять на своем», «независимость», «смелость в отстаивании своего мнения» (табл. 3).

Отсюда следует, что государством, в лице его социальных институтов, сформировано такое культурное пространство, в рамках которого в сознании социализирующейся молодежи оформились устойчивые ценностные ориентиры личного благосостояния при незначительности социально ориентированных. Потенциально это способно влиять на снижение социальной активности молодежи.

Таким образом, результаты исследования демонстрируют существенную абстрагированность молодежи от социальной жизни общества на уровне ценностного восприятия. Ценности индивидуального счастья и самореализации доминируют в общественном сознании молодежи региона, что коррелирует с результатами масштабного общероссийского исследования, проведенного «Сбербанком России»: «наслаждение жизнью, получение от нее удовольствия, ценность каждого мгновения и любовь к себе»¹. Удовлетворение

¹ Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. URL: https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/files/pdf/youth_presentation.pdf (дата обращения: 12.04.2021 г.).

Таблица 3

**Ранжирование инструментальных ценностей по степени значимости молодежью
Хабаровского края (в % от числа опрошенных)**

Инструментальные ценности	%
Воспитанность (хорошие манеры, вежливость)	56,8
Образованность (широта знаний, высокая общая культура)	44,7
Честность (правдивость, искренность)	44,7
Ответственность (чувство долга, умение держать слово)	43,0
Жизнерадостность (чувство юмора)	39,1
Аккуратность (чистоплотность, умение содержать в порядке свои вещи)	34,7
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	30,3
Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	29,5
Исполнительность (дисциплинированность)	27,9
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	24,8
Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	23,8
Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	23,5
Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	23,3
Смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов	23,3
Терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	19,9
Чуткость (заботливость)	18,4
Высокие запросы (высокие притязания)	6,1
Непримиримость к недостаткам в себе и в других	5,1

индивидуальных потребностей (как результат сформировавшегося вокруг молодежи культурного пространства) выступает в сознании молодежи определяющим фактором самореализации и главным критерием успешности, своеобразным молодежным идеалом. Общественные ценности не имеют особого приоритета в сознании молодежи, что неизбежно ведет к социальной разобщенности, автономности, миграционному оттоку в поисках удовлетворения индивидуальных потребностей.

Достижение личного благосостояния как основа самореализации молодежи.

Успешность как показатель собственной эффективности молодежь региона в большинстве своем видит в достижении личного благосостояния (материального благополучия) на основе самореализации, достижении поставленных собственных целей. Так, на фокус-группах в высказываниях молодежи в отношении того, что значит быть сегодня успешным, доминировали установки на материальное благополучие: «все упирается в деньги, успешный человек – тот, кто может обеспечить себя и свою семью», «сейчас успешным называют тех, кто добился материальных благ», «успешный человек – это тот, у которого есть своя квартира, машина и нет кредита», «материально себя обеспечивает, ни от кого не зависит». Материальное выражение критерия успешности в оценках молодых людей имеет большой разброс, в то же время большая часть оценок попадает в диапазон от 200 тыс. до 500 тыс. рублей в месяц. «Человек – сам себя сделавший», в оценках большинства молодых людей, – идеально успешный человек. При этом успешность в оценках определенной части молодежи можно определить, как достижение своих целей, не возирая иногда даже на нарушение норм, законов, моральных принципов (что выступает дополнительным аргументом высокой степени индивидуализации сознания молодежи): «лично для меня успех – достижение поставленных целей, невзирая, насколько это законно», «моя точка зрения заключается в том, что даже, если противозаконно, то человек всё равно будет успешен».

Тем не менее «быть образованным», «независимым», «заниматься интересным делом», «иметь счастливую семью» и «иметь определенное общественное признание» – вот значимые характеристики и критерии успешности в современном мире в оценках молодежи. Однако благосостояние – это то, без чего в оценках молодежи не может быть счастливой семьи, не может быть интересной работы. Невозможно быть независимым и свободным без должного материального обеспечения: *«важнее – семья, и, соответственно, чтоб был хороший доход», «работа и хороший заработок», «успешность – когда ты занимаешься действительно любимым делом, оно тебе приносит счастье, удовольствие, естественно, деньги».*

Обобщая мнения участников фокус-групп, можно сформулировать усредненный образ успешного человека в представлениях молодежи: *«это в определенной степени эгоист, движимый достижением цели (целей) и стремящийся прийти к балансу между работой и семьей при наличии высокого и стабильного дохода».*

Востребованные обществом качества личности как векторы социализации. Наиболее важные качества молодежи (которые в современных условиях востребованы обществом) в ее самооценках – это «инициативность» и «активность», «образованность» и «умение думать», «трудопособность», «ответственность» и «целеустремленность», «честность» и «воспитанность». Многие молодые люди подчеркивали значимость еще и «культуры» в поведении молодежи. Именно этих качеств зачастую не хватает современной молодежи, а в обществе на эти качества есть значительный запрос, по мнению респондентов.

В то же время качественный анализ ценностных установок молодых людей свидетельствует о некотором различии в зависимости от социального положения молодежи (учащиеся, молодые предприниматели, социально активная молодежь и др.). Типичной ценностью для значительной части молодежи выступает общее доминирующее желание в целях саморазвития и самореализации уехать с территории Хабаровского края, Дальнего Востока. Однако молодые предприниматели и семейная молодежь обладают меньшими миграционными намерениями. Молодые предприниматели видят возможности для своей самореализации и развития на территории проживания (в то время как обычная молодежь видит больше проблем и стремится от них избавиться, уехав с территории Дальнего Востока). А молодые семьи «укоренены» родственными, профессиональными, дружескими, социальными связями, разорвать которые значительно сложнее.

Активность и сплоченность молодежи как фактор зрелости гражданского общества и развития территории. Большинство молодежи региона оценивает сплоченность, активность, вовлеченность в социально полезную и социально значимую деятельность как достаточно низкую. Скорее, молодежь подчеркивает свою социальную разобщенность: *«в большей части все равно она равнодушна, ее еще надо будет заставить, сами не пойдут», «мне кажется, активны максимум 5%, основная масса пассивна», «я думаю очень малое количество вовлечено в социальную жизнь».*

Специфика социальной активности имеет свойство снижаться по мере окончания учебных заведений и трудоустройства, создания семьи. Пик социальной активности молодежи приходится на учебное время (школа, вуз): *«Если ты школьник или студент, ты участвуешь в волонтерстве, идешь на какие-то городские мероприятия, а в тридцать лет активность уже меняется», «люди, заканчивающие институты, это единицы, которые остаются в общественной деятельности», «пока учатся, да, активные, а чем люди становятся старше, тем менее они стараются что-то делать от себя».* Такие результаты в определенной степени свидетельствуют о том, что органы по делам молодежи выстраивают свое взаимодействие в основном с «организованной» учащейся молодежью. С такой молодежью легче организовать работу и взаимодействие. После окончания молодежью образовательных учреждений взаимодействие с нею органов по делам молодежи существенно ослабевает.

Тем не менее молодежь отмечает поступательный рост социальной активности молодежи Хабаровского края на протяжении последних лет, чему способствует, на ее взгляд, множество проводимых мероприятий, связанных с развитием и поддержкой добровольчества: *«молодежь стала более активной, ее можно привлечь куда-то», «сплоченность,*

скорее всего, низкая, а вот активность наоборот растет», «если сравнить с прошлыми годами, то сейчас количество волонтеров гораздо увеличилось».

Миграционная активность молодежи как индикатор ее удовлетворенности условиями жизнедеятельности. В рамках нашего исследования мы оценивали, как положительные аспекты проживания молодежи на территории региона (своего населенного пункта), так и выясняли спектр ключевых проблем.

В большей степени условия проживания нравятся молодежи столичного центра (г. Хабаровска), нежели молодым людям, проживающим в других населенных пунктах края. В то же время в других населенных пунктах много тех, кому импонирует тихая, спокойная и размеренная жизнь, красивая природа. Хабаровчанам в большей степени, чем жителям других населенных пунктов края, нравится развитая столичная инфраструктура.

Однако больше всего участники фокус-групп высказывались о проблемах. Особенно остро, по их мнению, стоят проблемы высокой стоимости жизни; наличия и доступности жилья для молодежи; трудоустройства с достойной оплатой труда; благоустройства и внешнего облика населенных пунктов; качества и доступности здравоохранения; экологии. Молодежи очень важны возможности для интересного, насыщенного и полезного досуга. Ее оценки свидетельствуют об ограниченности, но востребованности интересных и масштабных мероприятий. Не менее актуализированы молодежным общественным мнением и проблемы культуры и поведения молодежи (в оценках значительной части молодежи не теряет актуальности криминальная культура молодежи). Проблемы жизнедеятельности молодежи также связаны с неразвитостью системы молодежного досуга и отдыха в противовес активно разрастающимся алкомаркетам.

Большой спектр проблем (главным образом, материального плана) коррелирует с миграционными настроениями молодежи. Результаты исследования свидетельствуют о высоком миграционном потенциале молодежи. Большая часть участников фокус-групп высказывается о намерениях уехать за пределы Хабаровского края, Дальнего Востока, а часть – за границу: «хотелось бы уехать на Запад», «хотелось бы уехать вообще с Дальнего Востока, может, в Москву, Казань», «мы однозначно уедем, это даже не обговаривается», «уехать отсюда хочется, мне тут ничего не нравится», «мы все хотим уехать учиться в другой город, а жить в другую страну», «я хочу переехать либо в Питер, либо в Бразилию», «отсюда уезжают не из-за политики. Москва – развитый мегаполис, Питер – тоже. А здесь ничего такого нет».

Результаты исследований показали, что только 46,2% молодежи 17–29 лет собираются постоянно жить и работать в районах своего проживания на территории Хабаровского края [Березутский, 2019: 142]. Более половины молодежи настроены на выезд.

Человеческий потенциал в прогнозных оценках ведущего дальневосточного демографа имеет тенденцию к дальнейшему сокращению: «По прогнозу за период 2019–2035 гг. численные потери населения в Хабаровском крае, как и на Дальнем Востоке в целом, будут идти не только за счет естественной убыли, но и из-за миграционного оттока» [Мотрич, 2019: 35].

При этом меры компенсации оттока «местного» человеческого ресурса не способствуют экономическому развитию региона, а также вызывают определенную социальную напряженность и потенциальную конфликтность в обществе. «В связи с оттоком трудоспособного коренного населения Дальнего Востока доля привлекаемых низкоквалифицированных иностранных работников в численности занятых будет с каждым годом увеличиваться во всех регионах Дальнего Востока. Это будет являться тормозом экономического развития региона и увеличивать уровень социальной напряженности на рынке труда» [Лада, 2018: 27].

Направления отъезда молодежи в большей степени связаны с западными регионами страны, меньшая часть планирует перебраться в пределах Дальнего Востока, а часть планирует выехать вообще из страны. Некоторые рассматривают вариант уехать отсюда, даже еще не определившись куда («скорее всего, уехать куда-нибудь подальше», «хочет-ся уехать, но пока не решил куда», «да, у нас с мужем есть мысль переезжать, но куда, если

честно, ещё не определились»), что свидетельствует о высокой степени неудовлетворенности условиями жизни и слабым видением перспектив своего развития в регионе. Отсутствие ясного и понятного «образа будущего» или же наличие «образа будущего», не укладывающегося в представления и картину мира молодежи, обуславливает активность в поиске этого желаемого «образа будущего».

Значительную часть молодежи удерживает в местах ее проживания в большей степени собственная обустроенность (наличие работы, семья, друзья, социальные и профессиональные связи). Тем не менее мнение большинства молодежи идентично, они ждут решения трех наиболее важных проблем: уровень жизни (рост реальных доходов и достойной оплаты труда), рабочие места и возможности для интересного и насыщенного досуга и отдыха. Молодежь считает, что главный фактор снижения миграционного оттока – это улучшение уровня жизни, повышение заработной платы.

Заключение. Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о наличии серьезных противоречий состояния молодежи, влияющих как на потенциал развития самой молодежи, так и на потенциал развития региона. Это противоречия между:

- востребованностью молодежного потенциала (творческого, интеллектуального, креативного, трудоспособного и т.д.) и его поступательного и масштабного оттока из региона при практическом отсутствии полноценной ее компенсации трудовыми мигрантами;

- высоким уровнем материальных притязаний молодежи, установок на достижение материальной успешности и благополучия, улучшение уровня своей жизни и реальными возможностями экономики региона удовлетворить эти притязания;

- индивидуалистической ориентацией личности, доминированием ценностей личной жизни и востребованностью молодежным сознанием социально ориентированных ценностей, ценностей социальной активности;

- общественным молодежным запросом на образ молодежи с востребованными социальными качествами личности (активность, образованность, трудоспособность, ответственность, целеустремленность, честность, воспитанность) и слабостью реальных инструментов государственной молодежной политики по трансляции и привитию данных образов, общей деформацией культурного пространства молодежи;

- пониманием молодежью необходимости развития гражданского общества, его основных социальных институтов и низким уровнем социальной активности молодежи, ее вовлеченности в жизнь региона;

- декларированием на государственном уровне особого и приоритетного социально-экономического развития Дальнего Востока и отсутствием ясного и понятного образа будущего в оценках молодых людей, отсутствием у них уверенности в завтрашнем дне.

Обозначенные противоречия молодежного сознания, раскрывающие ее человеческий потенциал, свидетельствуют об определяющей роли государственной политики по созданию условий для развития и самореализации молодежи. Молодежь ожидает конкретных и понятных результатов этой политики. Бездействие со стороны власти усугубит негативное общественное мнение молодежи региона о роли государственной политики, снизит доверие к власти, увеличит и без того значительный миграционный отток молодежи с территории Дальнего Востока России, превращая молодежь региона из «точки роста» в «точку невозврата».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березутский Ю.В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019.
- Мотрич Е.Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46.
- Лада А.С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 21–31.

YOUTH OF THE Khabarovsk Territory: "POINT OF GROWTH" OR "POINT OF NO RETURN"?

BEREZUTSKIY Y.V.

The Far-Eastern institute of management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia

Yuriy V. BEREZUTSKIY, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Head of the department of organization of scientific research and postgraduate studies, the Far-Eastern Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Khabarovsk, Russia (uriy-dvags@yandex.ru).

Abstract. Official statistics and the results of sociological studies record both a high migration outflow of young people, and serious migration intentions to leave because of dissatisfaction with various aspects of life, as well as lack of confidence in the future. The problem of migration outflow, and, therefore, the socio-economic development of the territory, is aggravated by the transformation of the social structure of society (its aging), the low level of social activity of young people, their social disunity, dominance of personal life values.

Keywords: youth, youth policy, social development, social activity, migration, Khabarovsk Territory.

REFERENCES

- Berezutskiy Y.V. (2019) *Social activity of the youth of the region: a sociological analysis: monograph.* Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEP. (In Russ.)
- Lada A.S. (2018) Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 4 (85): 21–31. (In Russ.)
- Motrich E.L. (2019) Demographic development of Khabarovsk Krai: problems and prospects. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 22. No. 3: 30–46. (In Russ.)

Received: 31.08.21. Accepted: 28.12.21.

Г.Ф. ГАБДРАХМАНОВА

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН В ДОКТРИНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, доцент, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, зав. отделом этнологических исследований, Казань, Россия (medi54375@mail.ru).

Аннотация. В статье раскрываются содержание и принципы молодежной политики в постсоветском Татарстане, описывается влияние, которое они оказали на социальную интеграцию молодежи республики. Анализ официальных документов и интервью с экспертами позволили выявить основные лейтмотивы этой политики: идею о партнерском типе отношений государства и молодежи, ее восприятие как субъекта жизненного выбора и саморазвития, необходимость инфраструктурных условий для стимулирования молодежного интереса к различным видам досуга. Основные темы официального дискурса отражаются в социальном самоопределении молодежи. Но в отношении отдельных идентичностей транзит пока не заметен. Это связано с влиянием дискурсов, не обозначенных в доктринальных документах о молодежи. Развиваемая в Татарстане идея федерального центра о гражданской идентичности находит отклик в молодежной среде. Усиление ее милитаристских основ по мере взросления молодого поколения ставит задачу находить позитивные, гуманистические основы проекции представлений о стране, прежде всего, в плане возможностей для реальной самореализации, запрос на которую весьма высок у молодого поколения.

Ключевые слова: молодежная политика • Республика Татарстан • официальный дискурс • самоопределение молодежи

DOI: 10.31857/S013216250014947-4

Одной из особенностей постсоветской молодежной политики (МП) стало то, что, наряду с усилиями федерального центра, субъекты начали реализовывать собственные инициативы – в соответствии со ст. 73 Конституции РФ, позволяющей им самостоятельно принимать и превращать в жизнь законы и иные нормативные правовые акты в сфере молодежной политики [Конституционно-правовые..., 2019: 8]. В результате к 2012–2014 гг. почти каждый регион располагал нормативно-правовыми документами различного уровня, определяющими содержание работы с молодежью, систему мероприятий по реализации политики [Зубок и др., 2016: 56].

Анализ МП в субъектах РФ представлен во множестве научных публикаций. В одних анализируется нормативно-правовое творчество региональных элит [Кротов и др., 2019]. В других деятельность регионов рассматривается в свете исполнения «Основ государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.». Авторы критикуют документ за отсутствие политической концепции, комплекса эффективных мер управления [Подъячев, Халий, 2020: 269]. Сама МП не учитывает федеративное устройство страны [Нигматуллина, 2012: 107] и способствует конформизму и «стабильности» [Ясавеев, 2020]. Ряд исследователей использует системный подход к МП на федеральном уровне, основанный на анализе взаимодействия государства, общества и молодежи [Горшков, Шереги, 2010], который при этом не получил применения на уровне субъектов РФ.

Согласно рейтингу Федерального агентства по делам молодежи Республика Татарстан занимает лидирующие позиции в стране по эффективности МП¹. Это объясняется

¹ Подготовлен итоговый ежегодный рейтинг регионов в сфере эффективности реализации молодежной политики за 2018 год. URL: <https://fadm.gov.ru/news/46526> (дата обращения: 13.04.2021).

наличием у нее системно-комплексного подхода к стратегическому управлению МП [Конституционно-правовые..., 2019: 49] и институциональными решениями [Регионы России..., 2009]. Открытыми остаются вопросы о сути официальной риторики о МП в Татарстане, ее практическом воплощении и влиянии на социально-статусное самоопределение молодежи республики.

Методология и методика исследования. Включение молодого поколения в общественные отношения предполагает замещение прежнего общества новым и обеспечение воспроизводства социальной структуры. Транзит общественной жизни, по П. Бурдьё, кроется в конкуренции поколений за разнообразные виды капитала и завоевании молодыми престижных мест в физическом и социальном пространстве [Бурдьё, 2007]. Постепенное перераспределение диспозиций позволяет молодежи взрослеть, экспериментировать, пробовать себя в разнообразных сферах, приобретать социальный опыт и капитал, влияя на взаимную адаптацию представителей разных поколений.

Другой стороной дифференциации молодого поколения по ячейкам общества выступает интеграция путем принятия ею господствующих социальных норм в качестве основных ценностных ориентаций. Социализация вкупе с самореализацией молодежи результируется в ее социальной и гражданской идентичности, выступающей в качестве эволюционного или конфликтного вступления молодого человека во взрослую жизнь [Горшков, Шереги, 2010: 8]. Характер социальной интеграции определяется прирожденным индивидуальным статусом, социально-экономической ситуацией в стране и МП, ориентированной на определенную схему [Смирнов, 2010: 216] и обладающей социокультурными традициями. Наше исследование сосредоточено на изучении МП в аспекте создания ею условий для социальной интеграции молодежи и ее влияния на социализацию и самоопределение этой социальной группы в условиях отдельного региона.

Инструментальные возможности изучения МП с позиции теории транзита предоставляет многомерная дискурсивно-деятельностная модель В.А. Смирнова. Она предполагает выделение совокупности программ и проектов, деятельностей социальных и политических структур, конкретных социальных практик, ориентированных на управление транзитом молодежи и формирование у нее жизненных стратегий, ценностных ориентаций, повседневных практик [Смирнов, 2014: 76].

Для выявления таких технологических оснований МП в РТ проанализированы официальные документы, принятые в постсоветском Татарстане. Нормативные акты отбирались по названию (присутствие слов «молодежь», «молодое») или упоминанию в документе молодого поколения. На втором этапе тексты подверглись традиционному (содержательному) анализу, в том числе интерпретировалось их содержание. Это позволило выявить ключевые аспекты создаваемых властями смыслов транзита общественных отношений: закрепляемые принципы и приоритеты МП в регионе, внедряемые механизмы ее реализации, динамику основных тем и их направленности. Анализ дополнился материалами интервью с региональными экспертами ($N = 9$) – теми, кто создает, осуществляет и анализирует МП (сотрудники Министерства по делам молодежи РТ, отделов по работе с молодежью в муниципальных образованиях и на крупных предприятиях, ученые), и телефонного опроса татарстанской молодежи ($N = 1250$), проведенного автором в октябре – ноябре 2019 г. Тип выборки – квотная. Она репрезентировала исследуемую демографическую группу региона по национальности, месту проживания (город-село) и полу. Анкета содержала авторские и адаптированные к задачам исследования вопросы, разработанные ФНИСЦ РАН и ВЦИОМ. Интервью с экспертами строилось вокруг уточнения лейтмотивов МП в РТ и их претворения в жизнь. Анкетирование позволило выявить влияние татарстанской МП на самоопределение молодого поколения республики.

Динамика МП в постсоветском Татарстане. Ранний постсоветский период для Татарстана отмечен активным поиском новых форм работы с молодежью. У региона появилась возможность принять Закон «О молодежи» (от 19 октября 1993 г., № 1983-XII) и сформировать Государственный комитет РТ по делам детей и молодежи (от 22 августа

1994 г., № 405). Законодательно были закреплены критерии молодых граждан (дети, подростки, несовершеннолетние), гарантии защиты и права молодого поколения, а также понятие «государственная МП» (ст. 3 Закона «О молодежи»). Несмотря на отсутствие в Договоре РФ и РТ «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан» (от 15 февраля 1994 г.) вопросов разделения компетенций в области управления молодежной сферой, они получили глубокое толкование в ст. 4 Закона «О молодежи». Указывается, что к ведению Татарстана относится «разработка и осуществление государственной МП в республике». Это явилось принципиальным шагом к закреплению регионом собственного видения МП, подразумевающего обязательное участие государства в ее реализации, и подчеркивало стремление региона к самостоятельному решению проблем молодежи.

В 1990-х гг. было принято еще три документа. Закон «О государственной поддержке молодых семей в улучшении жилищных условий» (от 21 октября 1999 г., № 2443) предусматривал социально-экономические меры в отношении молодежи. Закон «Об образовании» (от 19 октября 1993 г., № 1982-XII) и Государственная программа по сохранению, изучению и развитию языков народов Республики Татарстан на 1994–2003 гг. (20 июля 1994 г.) закрепили связь обучения с национальными традициями и возможностью выбора языка обучения. Тем самым Татарстан заложил одну из главных тем МП – этнической социализации подрастающего поколения и благоприятного межэтнического взаимодействия.

В первое десятилетие 2000-х гг. республика ищет подходы к управлению молодежной сферой. В это время образуется Министерство по делам молодежи и спорту (2001 г.), в 2005 г. в ведение ведомства добавился туризм. Их появление демонстрировало новый лейтмотив татарстанской МП – неразрывную связь со спортом, здоровьем молодого поколения. Сохраняющаяся приверженность республики этнокультурным вопросам в молодежной среде отразилась в пролонгации государственной программы по сохранению, изучению и развитию государственных и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 гг. (11 октября 2004 г.) и принятия государственной программы «Русский язык в Татарстане» на 2001–2005 гг. (22 февраля 2001 г.). Первый документ подтвердил общий курс политики на продолжение обязательного изучения государственных языков, второй предусматривал расширение сети русских школ с углубленным изучением русского языка. Обозначенная в Концепции государственной национальной политики РТ (от 3 июля 2008 г., № УП-312) задача «воспитания молодого поколения в духе уважения к культуре, языку, традициям и обычаям проживающих в Татарстане и других народов» означала сохранение в регионе мультикультуралистических принципов национальной политики в отношении молодежи. Другим важным документом указанного периода стал Закон «О наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Республики Татарстан отдельными государственными полномочиями Республики Татарстан в области государственной молодежной политики» (от 7 апреля 2006 г., № 29-ЗРТ). Он предусматривал делегирование полномочий в ее реализации на муниципальный уровень и претворял новый подход к межведомственному взаимодействию.

Второе десятилетие 2000-х гг. характеризуется активизацией институционализации татарстанской МП: создается Министерство по делам молодежи (2018 г.) и Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ (2006 г.). Поставленная перед центром задача по аналитико-исследовательскому и учебно-методическому сопровождению политики закладывала возможности для ее научного обеспечения. В это время принимаются документы, фокусирующиеся на различных категориях молодежи – сельской (Целевая программа «Сельская молодежь Республики Татарстан на 2011–2015 гг.», от 22 апреля 2011 г., № 316), рабочей (Концепция реализации потенциала молодежи, занятой в организациях Республики Татарстан, на 2014–2018 гг., от 22 августа 2014 г., № 604), одаренной и творческой (Концепция развития и реализации интеллектуально-творческого потенциала детей и молодежи Республики Татарстан «Перспектива», от 9 октября 2012 г.,

№ УП-862; Государственная программа «Стратегическое управление талантами в Республике Татарстан на 2015–2020 годы», от 3 декабря 2014 г., № 943). В них описываются механизмы, создающие субъектность отдельных групп молодежи. Сохраняющийся ориентир на ценности здорового образа жизни у молодого поколения отразился в принятой государственной программе «Развитие молодежной политики, физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2014–2018 гг.» (от 7 февраля 2014 г., № 73), пролонгированной на 2019–2021 гг. (от 5 марта 2019 г., № 159). Новым приоритетом МП становится общественная активность молодежи. Принятие Концепции развития молодежного правоохранительного движения в Республике Татарстан до 2020 года (от 30 октября 2012 г., № 924), Концепции развития и поддержки молодежного добровольческого движения в Республике Татарстан на период до 2020 года (от 27 февраля 2014 г., № 124) и Концепции развития деятельности студенческих и молодежных трудовых отрядов в Республике Татарстан на 2018–2020 годы (от 17 февраля 2018 г., № 11) показало включение в официальный дискурс татарстанской МП общественных организаций как ее значимых акторов.

Отдельным вектором татарстанской МП последних лет становится гражданская идентичность молодого поколения. На нее направлены задачи Концепции патриотического воспитания детей и молодежи РТ (от 16 сентября 2014 г., № 666) и Концепции государственной национальной политики в РТ (от 26 июля 2013 г., № УП-695). Последний документ одновременно со специальной программой по его реализации на 2014–2023 гг. и Государственной программой «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2022 гг.» подчеркивают стремление региона прививать молодежи этническую идентичность и позитивные установки на межэтническую коммуникацию. В последние годы республика изыскивает новые возможности решения вопросов этнической социализации молодежи из-за изменения федеральных образовательных стандартов изучения национальных языков. Неоднократная пролонгация Закона «О государственной поддержке молодых семей в улучшении жилищных условий» означает соблюдение ранее заложенного приоритета социально-экономической поддержки независимой от родителей семейной молодежи.

Основным документом нынешней МП Татарстана является «Стратегия государственной молодежной политики Республики Татарстан до 2030 г.» (от 4 февраля 2016 г., № 63) и государственная программа «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019–2025 гг.» (от 5 марта 2019 г., № 158). В документах появляется новый лейтмотив – накопление человеческого капитала молодежи в аспекте конкурентоспособности региона через общественную активность. Последнее подчеркивает восприятие молодежи как ресурса развития территории и стремление республиканской элиты к капитализации реализуемой МП.

Усилился акцент на упорядочивании и регламентации деятельности органов муниципальной власти. Для этого в Татарстане ежегодно оценивается эффективность реализации МП в муниципальных образованиях. Такая практика направлена на обеспечение единства политики на республиканском и муниципальном уровнях. Новая тема – подготовка специалистов. Для этого в 2019 г. Министерство по делам молодежи запускает проект «Корпоративный университет», демонстрирующий стремление региона к формированию системы подготовки профессиональных кадров МП.

Татарстанская МП в оценках экспертов. В качестве главной причины законотворческой активности Татарстана в сфере МП эксперты назвали длительное отсутствие федерального закона о молодежи, оцениваемого как «одно из больших упущений» (респондент № 3). Оно привело к пониманию МП страны как стремление «посоздавать новых форумов» (респондент № 5), ее растеканию по ведомствам, отсутствию целевого подхода. Неприятие вызвала практика навязывания регионам общегосударственных молодежных общественных организаций. Поддерживая тему гражданской идентичности, эксперты подчеркнули, что в современной МП нет другого «глубокого направления, которое бы пропагандировалось и спускалось для реализации» (№ 5), но патриотизм «связан

с возможностью для самореализации» (№ 3). Тем самым они обозначили общественный запрос на приоритет МП. Наблюдаемая актуализация молодежной повестки получила такую характеристику: *«как из пушки по воробьям»* (№ 9).

В условиях разбалансированных действий федерального центра в области МП, а также из-за социально-экономических особенностей регионов субъекты страны вынуждены выстраивать собственные, адекватные местным условиям молодежные политики. В результате сегодня *«каждый регион отличается своим взглядом на молодежную политику»* (респондент № 6) и не наблюдается *«видимых пересечений»* (респондент № 5) даже между муниципалитетами региона. Реализуемый в Татарстане подход назвался *«по-хозяйски. Вертикаль власти четко соблюдается, есть контроль»* (респондент № 1), но *«Каждый муниципалитет формулировал МП по-своему»* (респондент № 5).

Эксперты высоко оценили включение темы спорта в татарстанскую МП. Это, по их мнению, привело к его популярности среди молодежи. Социальный отклик получила также поддержка волонтерского и поискового движения, подростковых клубов для ребят из группы риска и малообеспеченных семей. Работа с активной молодежью назвалась *«классической»*, как и вопросы национальных отношений в МП региона, являющиеся *«само собой разумеющимися»* (респондент № 5). Недостаточно проработанной темой назвалась работа с молодыми людьми, оказавшимися в местах лишения свободы, размер заработной платы работников молодежной сферы, механизмы трудоустройства молодежи и вовлечения предприятий в подготовку молодых кадров.

Интервью позволили выявить не обозначенные в доктринальных документах лейтмотивы МП в РТ. Это сохранение и развитие советской молодежной инфраструктуры (детские лагеря отдыха, подростковые клубы в микрорайонах, профсоюзы рабочей молодежи, молодежные общественные организации на крупных предприятиях, молодежные центры, которых, по мнению экспертов, в разы больше, чем в сопоставимых и даже более экономически успешных российских регионах). Эксперты отметили стремление региона к максимальному извлечению средств федерального бюджета путем *«участия муниципальных районов, администраций в стимулировании участия молодежи в конкурсах грантов физлиц, молодежных организаций»* (респондент № 3).

Характеризуя содержательную сторону нынешней татарстанской МП, эксперты нередко озвучивали пропагандируемый в республике лозунг – *«Ничего для молодежи без молодежи»*. Тем самым, по их мнению, определяется ее субъектность как полноправного актора МП. На практике это воплощается через молодежный парламент при Государственном совете РТ путем максимального присутствия Министерства по делам молодежи, муниципальных властей и общественных организаций в социальных сетях и мессенджерах. Эксперты видят в этом реальные возможности для коммуникации с молодежью.

Еще одной темой МП в РТ является *«принцип третьего места»* (респондент № 3). Он подразумевает создание государством общественных пространств для самовыражения и самоопределения молодежи. Эксперты назвали это *«подходом по интересам»* (респондент № 1). К наиболее успешной практике они отнесли пятилетнюю *«тему создания арт-резиденции, креативного кластера»* (респондент № 3). В числе ожидаемых направлений обозначилось фокусирование на социально неактивной молодежи, подростках из криминальных группировок, работающей молодежи, информационная поддержка сельской молодежи.

Экспертный дискурс подтвердил характерные темы татарстанской МП, присутствующие в доктринальных документах: спорт, сфера межнациональных отношений, целевой подход к разным группам молодежи. Одновременно он позволил выявить лейтмотивы политики, не обозначенные в законах. В организационном плане это стремление Татарстана к сохранению советской инфраструктуры МП и получению финансовой помощи от федерального бюджета для ее реализации. В содержательном – позиционирование органов государственной власти и управления к открытости и диалогу в формах, адекватных для молодых людей. Социализация молодежи в Татарстане рассматривается путем создания

инфраструктурных условий для «вызывания» у нее интереса в любой сфере и в конструктивном ключе.

Воплощение МП в самоопределениях молодежи. Наиболее сильная динамика идентификаций молодого поколения Татарстана наблюдается в ощущении себя частью молодежного и профессионального сообщества. По мере взросления люди все меньше ассоциируют себя с молодежью, а с 18 лет в большей степени ощущают себя обладателями профессии (табл. 1). Затем, с годами происходит укрепление идентификации с республикой, религиозным сообществом и людьми, имеющими одинаковый достаток. Все эти аспекты отсутствуют в татарстанской МП, поэтому актуализация таких идентичностей у молодежи по мере ее взросления связана с влиянием иных факторов.

Таблица 1

Близость с какой группой ощущает молодежь Татарстана в значительной степени, %

Ощущают близость с...	14–17	18–20	21–24	25–30
молодежью	67	57	52	47
представителями своей профессии, занятий	62	50	52	63
гражданами РФ	43	44	48	49
жителями РТ	49	51	55	59
жителями города/села	61	57	59	59
представителями той же веры	44	36	50	51
представителями той же национальности	56	55	59	58
людьми того же достатка	48	43	53	52

При сравнении с данными опроса российской молодежи [Мареева, 2014: 105–108] оказывается, что для молодого поколения Татарстана важнее этническая (ее в сильной степени ощущают 49% молодого поколения страны и 57% республики), профессиональная (36 и 52%) и особенно религиозная (6 и 46%) идентичности. Актуальность этнической и профессиональной идентичностей для татарстанской молодежи – это результат реализуемой в республике МП с ее акцентами на этничность и человеческий капитал и одновременно индикатор транзита национальных отношений и баланса социально-экономических процессов в республике, составляющих опору интегрированной в государство общности. Правда, этническая идентичность у молодежи Татарстана распространена значительно меньше, чем у населения республики. В том, что современному человеку нужно ощущать себя частью своей национальности, убеждены 39% молодых татарстанцев. Для всего населения республики этот показатель в 2019 г. составил 74% [Рыжова, 2019: 40]. Очевидно, национальная идентичность, как и религиозная, усиливается в течение жизни человека.

Ощущение себя жителем города или села у татарстанской молодежи такое же, как и у российской (57%) [Мареева, 2014: 105–108]. Делегирование полномочий в реализации МП в Татарстане на муниципальный уровень расширяет ее организационные возможности, но пока не становится эффективным инструментом укрепления идентификации молодежи с малой родиной. Не отличается и уровень ее региональной идентичности. В 2019 г. 56% татарстанцев ощущали себя в равной степени татарстанцем и россиянином [Дробужева, Титова, 2019: 19]. Среди молодежи таких оказалось 51%. И это вновь подтверждает отсутствие влияния МП на ощущение себя жителем республики.

Проводимая федеральным центром политика по укреплению общероссийской гражданской идентичности находит отклик у молодого поколения Татарстана: она по своей массовости важна для значительной части молодежи и растет по мере ее взросления. Правда, молодые люди несколько чаще идентифицируют себя по национальности, чем по гражданской солидарности. Сама же общероссийская идентичность среди всего населения Татарстана значительно выше (85%) [Дробужева, Титова, 2019: 10]. Очевидно, это связано с незавершенностью ее транзита, недостаточными возможностями для

самореализации молодежи в стране в целом (на это указали эксперты – участники исследования), тормозящими укрепление российской идентичности, а также с отсутствием единства в ее смысловом наполнении у россиян [Дробижева, 2020а: 48].

У молодых татарстанцев наблюдается высокий уровень гражданских оснований российской идентичности. Распространенность ее регулятивного компонента достаточно высока: каждый пятый участник опроса считает себя патриотом, каждый второй скорее чувствует себя им. Гражданский тип патриотизма (объединение представлений: «патриоты» в России – это люди, которые «интересуются культурой страны», «трудятся на благо страны», «знают ее историю», «поддерживают дружеские отношения с представителями разных национальностей», «борются с недостатками в стране») преобладает над охранительным (рассуждения о патриотах как о людях, которые «борются с засильем мигрантов», «стремятся к тому, чтобы другие государства боялись Россию», «борются с иностранным влиянием», «хвалят все отечественное, ругают все зарубежное», «любят страну такой, какая она есть», «считают, что Россия лучше, чем другие страны») (табл. 2). Массовость гражданско-патриотизма у молодежи Татарстана заметно выше, чем среди россиян (не более трети чувствуют ответственность за судьбу страны [Дробижева, 2020б: 485]). По мере взросления у молодого поколения растет число сторонников охранительного патриотизма и снижается число тех, кто придерживается его гражданского понимания. В этом видится одно из проявлений транзита милитаристских представлений, отмеченных экспертами.

Таблица 2

Распространенность абсолютной поддержки представлений о патриотизме среди возрастных групп (в % к числу ответивших)

Представления	14–17	18–20	21–24	25–30
Интересуются культурой страны	44	41	32	36
Трудятся на благо страны	64	59	53	51
Борются с засильем мигрантов	14	15	14	14
Стремятся к тому, чтобы другие государства боялись Россию	10	12	15	13
Борются с иностранным влиянием	16	17	18	28
Знают историю страны	64	65	65	61
Поддерживают дружеские отношения с представителями разных национальностей	63	64	63	62
Хвалят все отечественное, ругают все зарубежное	12	13	20	15
Любят страну такой, какая она есть	74	61	56	54
Считают, что Россия лучше, чем другие страны	27	28	37	30
Борются с недостатками в стране	60	61	61	56

Эффективность МП зависит не только от официального государственного обеспечения перехода молодежи во взрослую жизнь, но и от того, как быстро внедряются в практику продвигаемые ею темы транзита. Несмотря на фиксируемое влияние МП на идентичность татарстанской молодежи, такая политика не получила высокую оценку с ее стороны, положительно о ней высказался каждый четвертый респондент: «что-то делается, но это мало заметно» – 61%, отрицательно – 11%. Низкой оказалась и социальная активность молодежи: 60% ее представителей заявили, что не участвуют в общественных организациях. Усилия государства становятся видимыми лишь в перспективе. Задача татарстанской МП заключается в ускорении воплощения новой идеи об «интересе», которая является реальным ресурсом выстраивания коммуникации между государством и молодежью, осуществления транзита общественных отношений.

Выводы. МП в постсоветском Татарстане декларируется как государственная. Однако содержание доктринальных документов позволяет говорить о партнерском характере такой политики. Официальный дискурс содержит восприятие молодежи не как объекта

государственных стратегий, а как субъекта жизненного выбора и саморазвития. Органы государственной власти и управления в республике нацелены на работу по созданию благоприятных инфраструктурных условий (прежде всего в сфере досуга), способствующих переходу молодежи во взрослость.

Прослеживаемые в документах изменения в динамике основных тем татарстанской МП (спорт, здоровый образ жизни, этническая и гражданская идентичность, межэтническое взаимодействие, человеческий капитал) частично отражаются в ее социальном самоопределении. Транзит проявляется в идентификации молодежи республики с этническими и профессиональными сообществами. В отношении иных идентичностей он пока не заметен. Так, лейтмотив татарстанской МП в ее реализации на муниципальном уровне позволяет выстроить систему непосредственной работы с представителями молодого поколения, но никак не влияет на его самоопределение с местом проживания. На идентичность молодежи влияют не только продвигаемые представления о ней в специальных документах, но и дискурсы о региональной, религиозной, материально-статусной и других идентификациях населения отдельного региона и страны.

Транслируемая в последние годы федеральным центром и развиваемая в Татарстане идея гражданской идентичности находит отклик в молодежной среде, и у большинства она ассоциируется со стремлением быть полезным России. Усиление милитаристских основ такой идентичности по мере взросления молодежи ставит задачу нахождения позитивных, гуманистических основ транзита представлений о стране, прежде всего в плане обеспечения возможностей для самореализации, запрос на которые весьма высок в молодежной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. Н.А. Шматко. М., СПб.: Ин-т экспериментальной социологии, Алтай, 2007. С. 14–48.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. DOI: 10.31857/S013216250009460-9.
- Дробижева Л.М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 480–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.1261.
- Дробижева Л.М., Титова Т.А. Социально-культурный контекст межнациональных (межэтнических) отношений в Республике Татарстан // Информационно-аналитический бюллетень. 2019. № 1. С. 7–24.
- Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе. М., 2016.
- Конституционно-правовые основы государственной молодежной политики в Российской Федерации и Республике Беларусь // Аналитический вестник Федерального собрания Российской Федерации. 2019. № 19(733).
- Кротов Д.В., Латышева А.Т., Самыгин С.И. Региональная молодежная политика в современном российском социуме: особенности институционализации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 6. С. 27–30.
- Мареева С.В. Особенности идентичностей и ценностных ориентаций российской молодежи // Россия и Китай: молодежь XXI века / отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 105–125.
- Нигматуллина Т.А. Государственная молодежная политика в федеративной России: инновационные парадигмы. Уфа, 2012.
- Подъячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 263–276. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276>.
- Регионы России: государственное управление, безопасность и национальные приоритеты в условиях вызовов XXI века. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009.
- Рыжова С.В. Этническая солидарность и доверие в Республике Татарстан // Информационно-аналитический бюллетень. 2019. № 1. С. 38–49.

- Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного анализа // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.
- Смирнов В.А. Основные концепции молодости в западной социологии // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 205–219.
- Ясавеев И.Г. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 162–176.
- Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. N.Y.: The Free Press; London: Collier – Macmillan Ltd, 1966.

Статья поступила: 28.04.21. Принята к публикации: 28.12.21.

YOUTH POLICY IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN DOCTRINAL DOCUMENTS AND PUBLIC OPINION

GABDRAKHMANOVA G.F.

Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Gulnara F. GABDRAKHMANOVA, Doctor Sc. (Sociology), Head of Ethnological Research, Marjani Institute of History Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia (medi54375@mail.ru)

Abstract. Relevance of studying the issues of implementing youth policy (YP) in the constituent entities of the Russian Federation is dictated by the need for a systematic analysis of the practices of interaction between the state, society and the young generation in individual territories of the country in terms of ensuring its unity. The article reveals the content, basic principles of YP in post-Soviet Tatarstan, and impact they had on the social integration of the republic's youth. An analysis of official documents and interviews with experts made it possible to identify the main leitmotifs of the Tatarstan YP: idea of a partnership type of relations between the state and youth, its perception as a subject of life choice and self-development, the need to create infrastructural conditions to arouse interest in various types of leisure among the younger generation. The main themes of the official discourse are reflected in the social self-determination of young people. But with regard to individual identities, the transition has not yet been noticeable. This is due to the influence of discourses not indicated in the doctrinal documents about youth. The idea of the federal center about civic identity, which is being developed in Tatarstan, finds a response among the youth. Strengthening its militaristic foundations as young people grow up sets the task of finding positive, humanistic foundations for the transit of ideas about the country, primarily in terms of providing opportunities for real individual self-realization, the demand for which is very high among the younger generation.

Keywords: youth policy, the Republic of Tatarstan, official discourse, self-determination of youth.

REFERENCES

- Bourdieu P. (2007) Social space and the genesis of “classes”. In: Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow, Saint-Petersburg. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: TSSPiM. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020a) Russian identity: search for definition and dynamics of distribution. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 37–50. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2020b) The meanings of the all-Russian civil identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]. No. 4: 480–498. (In Russ.)
- Drobizheva L.M., Titova T.A. (2019) Socio-cultural context of interethnic (interethnic) relations in the Republic of Tatarstan. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten'* [Information and analytical bulletin]. No. 1: 7–24 (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Rostovskaya T.K., Smakotina N.L. (2016) *Youth and youth policy in modern Russian society*. Moscow. (In Russ.)
- Constitutional and legal foundations of state youth policy in the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Analiticheskiy vestnik Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii* [Analytical Bulletin of the Federal Assembly of the Russian Federation]. 2019. No. 19 (733). (In Russ.)

- Krotov D.V., Latysheva A.T., Samygin S.I. (2019) Regional youth policy in modern Russian society: features of institutionalization. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Socio-economic and Social sciences]. No. 6: C. 27–30. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2014) Features of identities and value orientations of Russian youth. In: Gorshkov M.K., Chonglin Li, Golenkova Z.T., Kozyrev P.M. (eds) *Russia and China: youth of the XXI century*. Moscow: New Chronograph: 105–125. (In Russ.)
- Nigmatullina T.A. (2012) *State youth policy in federal Russia: innovative paradigms*. Ufa. (In Russ.)
- Podyachev K.V., Khaliy I.A. (2020) The state youth policy in contemporary Russia: concept and realities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya* [RUDN Journal of Sociology]. Vol. 20. No. 2: 263–276. (In Russ.)
- Sociologist's workbook* (2nd edition, revised and enlarged) (1983). Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Regions of Russia: public administration, security and national priorities in the face of challenges of the XXI century* (2009). Kazan': Izd-vo Kazan. gos. tekhnol. un-ta. (In Russ.)
- Ryzhova S.V. (2019) Ethnic solidarity and trust in the Republic of Tatarstan. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten'* [Information and analytical bulletin]. No. 1: 38–49. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2010) Basic concepts of youth in Western sociology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya* [Sociology and Political Science]. No. 3: 72–80. (In Russ.)
- Smirnov V.A. (2014) Youth Policy: Experience of Systems Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2014; 3: 205–219. (In Russ.)
- Yasaveev I.G. (2020) Leitmotifs of Powerful Rhetoric in Relation to Russian Youth. In: Omelchenko EL. (eds) *Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics: 162–176. (In Russ.)
- Eisenstadt S.N. (1966) *From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure*. N.Y.: The Free Press; London: Collier – Macmillan Ltd.

Received: 28.04.21. Accepted: 28.12.21.

М.А. ЯДОВА

ЖИЗНЕННЫЕ ТРАЕКТОРИИ МОЛОДЕЖИ В XXI ВЕКЕ: РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ

ЯДОВА Майя Андреевна – кандидат социологических наук, заведующая отделом социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия (m.yadova@mail.ru).

Аннотация. На основе анализа результатов исследований отечественных и зарубежных авторов рассматриваются социальные процессы, которые определяют выбор молодежью вариантов жизненного пути. Сложная стремительно меняющаяся реальность дает повод говорить об особых тенденциях взросления. Как правило, в числе основных факторов, сопровождающих процесс взросления, выделяют: удлинение периода юности; нелинейность и разнообразие жизненных траекторий; цикличность событий, происходящих в жизни человека. Показано, что жизнь в условиях социальной нестабильности значительным образом влияет на взгляды и поведение молодых людей и требует от них умения приспосабливаться к изменяющейся реальности, выбирать наиболее эффективные стратегии адаптации. Оценивается разнообразие вариаций жизненных, профессиональных и иных траекторий. Анализируются складывающиеся в России и зарубежных странах новые модели успешности или, наоборот, риски, препятствующие удачной социальной адаптации.

Ключевые слова: жизненные траектории • молодежь • новые модели успешности • адаптация • социальные трансформации • риски • адаптация

DOI: 10.31857/S013216250011067-6

Современные тенденции взросления: к постановке проблемы. На основе анализа результатов отечественных и зарубежных исследований рассмотрим социальные процессы, определяющие выбор представителями новых поколений той или иной вариации жизненного пути. Тема траекторий жизненного пути междисциплинарна. В современной социологии не существует единого определения понятия «жизненные траектории» («траектории жизненного пути»). Одним из первых о траекториях в социологическом смысле писал П. Бурдьё, увидевший в них серию хронологически расположенных позиций, которые занимает индивид или социальная группа, перемещаясь в социальном пространстве [Bourdieu, 1979: 122–126]. Если под жизненными траекториями понимать последовательное прохождение социально заданных событий и ролей в различных сферах жизни человека, то жизненный путь можно рассматривать как многоуровневый феномен, основу которого составляют пересекающиеся между собой и «привязанные» к возрасту значимые жизненные периоды и транзиты, подчиненные происходящим в обществе изменениям и индивидуальному ритму жизни [Elder, 1985: 23–49]. В настоящей работе будем придерживаться данного определения.

Учитывая многомерность явления жизненного пути, обычно выделяют образовательную, трудовую, семейную и другие траектории жизни отдельного человека. По мнению немецких социологов Х.-П. Блоссфельда и И. Хьюинка, на жизненный путь каждого из нас влияют: жизненные траектории других людей; социальные институты и организации; региональный («местный») контекст условий жизни; сложившиеся и изменяющиеся общественные структуры и исторические события, представляющие собой те или иные

аспекты организации социальной жизни (социоструктурные, политические, экономические, правовые, культурные и пр.) [Блоссфельд, Хьюинк, 2006: 18].

В XXI в. выбор современным человеком жизненного пути и образа жизни становится максимально открытым и уникальным. Общество, не предлагая людям готовых – «единственно правильных» – жизненных сценариев, подталкивает их к созданию собственных биографий и идентичностей [Кузьминых, 2008: 37].

Современная молодежь – это прежде всего поколение миллениалов¹, которое отличается от предшественников глубокой вовлеченностью в цифровые технологии: они намного активнее предыдущих поколений пользуются Интернетом, компьютером, гаджетами, проводят время в социальных сетях [Радаев, 2018]. Другая особенность этой генерации – неспешное взросление и откладывание до более позднего возраста поступков, которые ассоциируются со взрослым статусом (трудоустройство, вступление в брак, рождение детей). Все это формирует у миллениалов немного игровое отношение к жизни (как к компьютерной игре, в которой всегда есть возможность начать заново), они обладают большим адаптивным потенциалом, а их биографические маршруты сильно дестандартизированы.

Сложная стремительно меняющаяся реальность способствует формированию особых тенденций взросления. В числе глобальных факторов, сопровождающих процесс взросления современной молодежи, как правило, выделяют: длительный процесс обучения, обретение финансовой самостоятельности и в связи с этим удлинение периода юности; нелинейность транзита от юности к зрелости и разнообразие жизненных «сценариев»; чередование и цикличность событий жизни индивида (неоднократные «возвращения» в прежние статусы: в студенческий, в статус «ребенка» – при переезде в отчий дом, например, после развода, потери работы и пр.) [Bauman, 1992; Castells, 2012; Serracant, 2015; Радаев, 2018].

По мнению некоторых исследователей, на современные модели взросления влияют не только социокультурные особенности и традиции определенной страны, но и разные режимы социальной поддержки [Esping-Andersen, 2015; Serracant, 2015; Walther, 2006; Globalization, uncertainty..., 2005]. Так, в англосаксонских странах повзрослевшие дети стремятся быстрее отделиться от родителей и начать самостоятельно зарабатывать. Государства Северной Европы, известные сильной системой социальной защиты населения, дают возможность юным жителям взрослеть не спеша, в то время как юношам и девушкам Южной Европы (здесь традиционно слаба система социального обеспечения) при вступлении во взрослую жизнь важно чувствовать поддержку близких [Serracant, 2015: 41–42]. На взросление в странах Латинской Америки влияют прежде всего политизированность местной молодежи и нестабильная социально-политическая обстановка региона в целом. Среди латиноамериканского студенчества до сих пор сильны демократические традиции, заложенные знаменитой аргентинской университетской реформой (1918) [Oliart, Feixa, 2012]. В жизненных траекториях отечественной молодежи совмещаются общеевропейские и локальные тренды взросления, что связано с сильными региональными различиями в нашей стране: в жизненном пути сильноресурсных страт столичной молодежи иногда больше сходства с траекториями взросления их сверстников из Берлина или Парижа, чем ровесников из российской глубинки. То же самое можно сказать о молодежи развитых стран Азии: там причудливо проявляются глокальные тренды взросления. Режим взросления молодежи наименее благополучной части афро-азиатского мира протекает в экстремальных условиях выживания и под воздействием т.н. феномена ожидания [Honwana, 2012; Peatrik, 2020]. Например, американская исследовательница А. Хонвана [Honwana, 2012] называет сегодняшних молодых африканцев поколением

¹ Напомним, что миллениалами (от лат. millennium – тысячелетие) обычно называют поколение, период взросления которого пришелся на рубеж XX–XXI вв. Скоро их сменяют центениалы (или зумеры), которые пока демонстрируют не столько собственные специфические особенности, сколько усиленные черты первых.

ожидания, имея в виду массу ограничений (экономических, социостатусных, правовых и т.п.) в период транзита от юности к зрелости.

Образовательные и профессиональные траектории молодежи. Новые модели успешности. По мнению социологов [Portes, 1998; Ядов, 2001], успешность² жизненного пути каждого зависит от «личностного» капитала – комплекса индивидуально-личностных и социальных ресурсов. Молодой возраст представляет собой естественный ресурс, существенно повышающий шансы на жизненный успех: молодежь, как правило, открыта новому опыту и обладает хорошими адаптивными способностями. Кроме того, сильными социальными и личностными ресурсами личности обычно считаются: стартовый капитал социального происхождения (т.е. воспитание в благополучной родительской семье), высокий уровень образования и профессиональной подготовки, относительное материальное благополучие, наличие обширной сети межличностных связей и знакомств, проживание в крупном городе, собственно сами способности к адаптации и отсутствие страха перемен, адекватная, достаточно высокая самооценка, интернальность (см.: [Ядов, 2001: 314–317]).

Для исследователей, изучающих жизненные пути молодежи, немалый интерес представляет тема образовательных и трудовых траекторий. Это связано с тем, что занятость, наряду со стадиями профессиональной подготовки и выхода на пенсию, как правило, остается неизменной фазой³ в жизни современного человека, «в то время как последовательность, временная привязка и темп дифференцированности внутрибиографических переходов изменились» [Кузьминых, 2008: 41].

По мнению специалистов, образовательные траектории молодежи могут быть прерывистыми, непрерывными (сочетание учебы с работой), рекурсивными (подразумевающими возвращение на студенческую скамью) [Чердниченко, 2013: 69]. Важно отметить, что для современного человека «повышающим» ресурсом становится стратегия непрерывного образования, включая ориентацию на самообразование [Горшков, Ключарев, 2011].

Социологи отмечают, что на выбор молодыми людьми качественного образования, особенно первого, обычно влияют родители. Молодежь с высоким уровнем культурного капитала на «старте» закономерно получает преимущества в дальнейшем построении карьеры и социальном позиционировании [Константиновский и др., 2011]. Понимает это и сама молодежь, связывающая получение достойной работы прежде всего с наличием хорошего образования и высокой квалификации [Шереги, Горшков, 2019: 198]. Причем в обществах, в которых распространена практика работы в одной организации в течение всей жизни (пример – Япония), получение хорошего образования становится судьбоносным вопросом: выпускники, которым изначально не повезло с трудоустройством, обречены на карьерные трудности [Oshima, 2012].

Близко данной теме понятие аспирационного капитала (aspirational capital), под которым британская исследовательница Т. Басит [Basit, 2012] предлагает понимать высокие карьерные устремления юношей и девушек, а также позитивные ожидания и поддержку в этом со стороны их родных. По ее мнению, аспирационный капитал во многом заменяет недостающие ресурсы социального капитала в небогатых и не относящихся к высоко-статусным семьях.

² Осознавая субъективность трактовки понятия «жизненный успех», вслед за некоторыми исследователями в данной работе будем считать успехом достижение значимых для индивида целей или общественное признание, а в качестве критерия успешности того или иного человека рассматривать оценки (со стороны других) и самооценки эффективности его жизни и деятельности [Конюхова, Конюхова, 2009: 113]. Успех, думается, невозможен без активной позиции самого индивида и его определенной достижительной мотивации, стремления добиться высоких результатов. Поэтому жизненный успех любого человека, в том числе молодого, определяется как социальной средой, так и индивидуальными особенностями его личности.

³ Впрочем, это не отменяет исключений: существуют группы молодежи, для которых незанятость является постоянной и ключевой идентификационной характеристикой (NEET, хикикомори и т.п.). О них пойдет речь ниже.

Также вызывает интерес идея так называемого мобильного капитала. Так, А. Ху (Гонконг) и Д. Кернс (Португалия) [Hu, Cairns, 2017], изучавшие преимущества и недостатки академической миграции китайских студентов в Европу, обнаружили, что в одних случаях образование, полученное за рубежом, становится реальным «мобильным капиталом» молодого человека, в других не приводит его обладателя к ожидаемому карьерному успеху на родине. Видимо, это связано с социокультурными особенностями и социально-политической ситуацией страны проживания. Например, в исследовании, выполненном под руководством французского африканиста А. Мари [L'Afrique des individus, 1997] и посвященном молодежи крупных городов Западной Африки, показано, что университетское образование зачастую не дает молодым африканцам возможности найти работу, соответствующую их высокому уровню квалификации, и не окупает инвестиций в образование, сделанных их родителями. Впоследствии этот факт существенно повлиял на взаимоотношения «отцов» и «детей», спровоцировав ослабление патерналистских традиций в странах Африки.

Французские исследователи Ж. Рю и О. Жозеф выделяют следующие типы профессиональных траекторий современных выпускников средних и высших учебных заведений [Quand l'école est finie, 2014]: быстрое и благополучное трудоустройство; получение работы после небольшого периода незанятости; временная безработица; «законсервированный», долго продолжающийся период безработицы; получение дополнительного образования и/или совмещение учебы и работы. Данные траектории, кроме, может быть, той, что связана с длительной безработицей, как правило, обычны (нормальны) для многих стран мира и не говорят о неуспешности тех, кто не смог сразу же по окончании учебного заведения найти себе работу. Обычны они и для нашей страны. Результаты глубинных интервью, проведенных автором настоящей статьи с российской молодежью, показали, что часто делается выбор в пользу форм нестандартной занятости, позволяющей совмещать работу и учебу [Ядова, 2017]. Кстати, многие социологические исследования говорят о том, что современная молодежь, в том числе российская, все чаще выбирает «калейдоскопный» тип карьеры – «трудовую стратегию, учитывающую индивидуальные особенности личности и позволяющую адаптировать профессиональный маршрут человека к происходящим в его жизни изменениям» [там же: 103; Mainiero, Sullivan, 2006]. В то же время такая гибкость в формировании собственного жизненного и трудового пути не отменяет необходимости приспосабливаться к динамике т.н. внешних факторов (происходящим на рынке труда изменениям, тенденции массовизации профессионального образования и пр.). Умение учитывать и сочетать «индивидуальное» и «социальное» в развитии карьеры, вероятно, одна из наиболее сложных задач, поставленных перед современной молодежью.

Кроме того, специалисты фиксируют появление новых профессий, связанных с перемещениями и мобильностью. Например, интересна книга французских исследователей А. Таррюуса, Л. Мисауи и Ф. Каша [Tarrius et al., 2013], посвященная новой социальной группе, – трансмигрантам. Трансмигранты – мигранты разных национальностей, находящиеся в постоянных передвижениях через границы множества государств и занимающиеся в основном торговлей контрабандной продукцией. Ключевые понятия, характеризующие образ жизни трансмигрантов, – мобильность и независимость. Этот феномен носит глобальный характер, а трансмигранты, несмотря на свою маргинальность, являются успешно встроившимися в глобализационные процессы агентами. На постсоветском пространстве в чем-то похожей (хотя и более благополучной) социальной группой стали т.н. отходники – жители сел и небольших городов, отправляющиеся на сезонные заработки в мегаполисы и крупные города и занятые преимущественно в неформальном секторе [Глюснин и др., 2015]. В России насчитывается не менее 15–20 млн отходников, примерно каждая третья семья в провинции живет за счет отхожих промыслов [там же]. Несмотря на то что трансмигранты и отходники представляют собой молодые и продуктивные возрастные когорты, они, находясь часто «в тени», формально исключены из социальной, экономической, правовой сфер жизни.

Вместе с тем связанные с пандемией COVID-19 ограничения на перемещения, вероятно, достаточно сильно изменят миграционную политику большинства стран мира, в том числе повлияв на жизнь тех, чья работа требует интенсивной мобильности. Однако мы согласны с рядом экспертов, полагающих, что подобная политика не приведет к уничтожению некоторых видов занятости и полной остановке миграции – внутренней или международной; по-видимому, изменится сам характер миграции – с официальной и временной на нелегальную и долгосрочную (подробнее, напр., см.: [O'Brien, Eger, 2020]). Что касается отходников и трансмигрантов, то, скорее всего, их деятельность окончательно уйдет «в тень» и станет еще менее формальной.

К сожалению, на современном рынке труда усиливаются процессы прекаризации, а работники, согласившиеся на теневые, нестабильные и несправедливые трудовые отношения, становятся по сути пролетариатом современности и «опасным классом» [Тощенко, 2018; Standing, 2011]. Часто нестабильная трудовая занятость совмещается с противозаконной деятельностью.

Впрочем, даже в обществах, где имеется огромная часть незанятой и социально уязвимой молодежи, можно видеть примеры относительно благополучных моделей профессионального развития. Так, датский политолог и социолог Х. Муниве в качестве успешной неформальной трудовой траектории молодежи Либерии называет нелегальное предпринимательство (официальное число безработных в этой стране превышает 80%) [Munive, 2010].

Рассуждая об успешных и неуспешных трудовых траекториях, отметим и такое явление, как дауншифтинг – образ жизни, подразумевающий добровольный отказ от карьерной гонки и стандартов общества потребления, иногда трактуется как жизненный проигрыш. Вместе с тем результаты многих актуальных отечественных и зарубежных исследований на эту тему дают возможность рассматривать его как специфический жизненный стиль, альтернативную модель успешности и творческую практику [Торотоева, 2020]. Закономерно наибольшее распространение дауншифтинг получил в странах с высоким уровнем потребления (США, Великобритания, Австралия и др.), американские исследователи еще в 1990-е гг. фиксировали интерес к данной социальной практике со стороны новых поколений [Schor, 1998]. В России и других постсоветских государствах по причине не очень высокого уровня жизни населения идеи дауншифтинга не столь популярны, однако в среде молодежи крупных городов эта поведенческая модель находит поддержку [Торотоева, 2020].

Современные семейные траектории. Новые паттерны внутрисемейных отношений. Характерной чертой индустриального общества был распад родственных связей и нуклеаризация семьи. В эпоху постмодерна наблюдаются дальнейшие трансформации института семьи: растет число незарегистрированных браков, увеличился средний возраст вступления в брак и рождения первого ребенка; видоизменились формы семьи, паттерны брачно-партнерских, детско-родительских и иных внутрисемейных взаимоотношений; сильнее всего трансформируется процесс нуклеаризации семьи, набирает силу прогнозируемый на рубеже веков «второй демографический переход» с характерным для него снижением уровня рождаемости [Гурко, 2016; Lesthaeghe, 1991; Sahlin, 2013; Carsten, 2004].

Несмотря на общемировой характер тенденций, стоит учитывать социокультурный контекст, сопровождающий перемены. Например, итальянские исследователи П. Вьяццо и Х. Гонсалес Диес на примере анализа трансформации института семьи в Италии пришли к выводу, что не существует единой общеевропейской модели семьи и в рамках второго демографического перехода стоит выделять средиземноморскую, западно-европейскую и пр. модели семьи, которые объединены сходными поведенческими чертами населения и культурными особенностями того или иного региона [Viazzo et al., 2016]. Если говорить о России, она с небольшим опозданием и некоторыми вариациями проходит те же стадии, что и другие развитые страны [Гурко, 2016].

«Переформатирование» традиционной модели семьи дает исследователям возможность говорить об отказе молодежи от нуклеарной семьи в пользу неопределенной

(unclear family) [Simpson, 1994] или дезорганизованной семьи [Smith, 2016]. В качестве актуальных «семейных» тенденций новейшего времени выделяются явления, связанные с преобразованием привычных и возникновением новых родственных связей. Большой интерес представляет феномен расширения родственных связей, фиктивного (fictive kinship) и «утраченного» (kin loss) родства [Carsten, 2004; Sahlin, 2013]. Все более распространенными становятся ситуации, когда фактические взаимоотношения между домочадцами не совпадают с их реальными родственными статусами: например, бабушка с дедушкой заменяют ребенку родителей; находящаяся в разводе невестка продолжает помогать родителям бывшего мужа, а тот отдаляется от родителей; няня ребенка становится полноправным членом семьи и пр. Это говорит о нестандартных стратегиях замещения, обретения или утери родственных связей [Allen et al., 2011]. Для современных семей характерны стирание границ гендерных ролей между супругами/партнерами, демократизация детско-родительских взаимоотношений, а также трансформация паттернов материнского и отцовского поведения [Chambers, 2012].

Примечательно, что стремление девушек к отложенному браку, популярное в западных странах, не всегда встречает понимание на Востоке, даже если речь идет о представительницах высокоресурсных страт. Например, карьерно ориентированные японские девушки с высоким уровнем образования не склонны откладывать замужество на более поздний срок: они, как правило, выходят замуж раньше своих сверстниц, которым не удалось найти хорошую работу [Yoshida, 2012]. Вместе с тем, согласно результатам социологических опросов, большинство молодых жительниц Японии не планируют быть домохозяйками, стремясь продолжать работать и после замужества [Suzuki, 2012]. Надо отметить и существенность перемены, произошедших в XXI в. в социальных представлениях об отцовстве и значимой роли отца в воспитании ребенка. Даже, казалось бы, традиционно ориентированные общества признают острую необходимость участия отца в воспитательном процессе.

В настоящей работе мы сфокусировались прежде всего на наиболее распространенных формах траекторий жизненного пути современного молодого человека, однако иногда ученые размышляют и о других вариантах жизненных траекторий. Например, итальянский исследователь Н. Робетт [Robette, 2010] выделяет жилищные (residential trajectories), брачно-партнерские, родительские и профессиональные траектории. Под жилищной траекторией, например, понимается переезд взрослых детей в отдельное жилье или выбор в пользу практики проживания в одном доме с родителями; некоторые исследователи употребляют выражение «домашне-бытовые траектории» (household trajectories) [Baizan et al., 2002].

Молодежь перед глобальными вызовами XXI века. Сложно оспорить утверждение о том, что нынешним поколениям молодежи, независимо от страны проживания, предстоит жить в обществе риска [Beck, 1992; Зубок, 2007]. Проанализируем глобальные вызовы, которые негативно влияют на жизненные траектории российской и зарубежной молодежи и могут помешать ее успешной адаптации к быстро меняющимся социальным реалиям.

Сегодня, когда в мире усиливаются тенденции архаизации, нетерпимости и ксенофобии, особую актуальность приобретает проблема вовлечения представителей новых поколений в экстремистскую деятельность. В «хрупких» государствах Африки, где имеется колоссальное количество незанятой молодежи, становятся обыденным явлением дети и подростки, участвующие в военных действиях⁴. Тенденция вовлечения молодежи в бандформирования распространена и в латиноамериканских странах. Так, мексиканская исследовательница Р. Регильо, изучающая одну из самых опасных организованных преступных группировок – *mara*, считает, что к участию в этой банде местную молодежь толкает системный кризис латиноамериканского общества [Reguillo, 2012].

⁴ The Use of Children as Soldiers in Africa Report. 2018. Feb. 20. URL: <https://web.archive.org/web/20180220092236/https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/The%20Use%20of%20Children%20as%20Soldiers%20in%20Africa%20report.pdf> (accessed 15.03.2020).

Другой ключевой угрозой для современного человека стал терроризм. Например, в работе исследователей из Канады, Австралии и Великобритании, посвященной влиянию террористических актов 11 сентября 2001 г. на психоэмоциональное состояние детей, подростков и молодежи, выделяются две группы эффектов: негативные (посттравматические расстройства, психосоматические заболевания, стигматизация определенных этнических и религиозных групп) и позитивные (улучшение адаптивных навыков в экстремальной ситуации) [Consequences..., 2015]. Такой подход «нормализует» экстремальные условия жизни в эпоху постсовременности.

Усложнение требований современного общества к новым поколениям – еще один фактор риска. В качестве необычной ответной реакции молодежи на это становится феномен социальной самоизоляции. В восточноазиатских странах данное явление получило название «хикикомори» (в переводе с яп. – пребывающий в уединении): по оценкам экспертов, таких в молодежной среде разных стран не более 3% [Li, Wong, 2015]. Европейские, в том числе российские, исследователи социально и экономически неактивную молодежь обычно обозначают аббревиатурой NEET (сокращ. от англ. *Not in Employment, Education or Training*). Согласно статистическим данным, доля NEET в общей численности юношей и девушек в возрасте от 15 до 24 лет в Европе и России варьирует около 12% [Зудина, 2019]. В США молодых людей, находящихся на иждивении родителей и не стремящихся к самостоятельности (что уже нетипично для американской молодежи), именуют твикстерами (от англ. *betwixt* – между, т.е. находящиеся между детством и взрослостью)⁵. Некоторые политологи называют незанятую молодежь «горючим материалом» [Иванов, Исаев, 2019: 62], трудно не согласиться с этой метафорой.

Кроме того, современная молодежь находится под прессингом не всегда адекватных, но широко популярных нормативных представлений об успехе, феминности и маскулинности. В сегодняшнем мире требования, предъявляемые современной женщине, – от поддержания внешней привлекательности и карьерных успехов до необходимости быть «фантастической» женой и матерью – кажутся невыполнимыми и становятся источником стресса [Orgad, 2017]. Схожие ощущения характерны и для юношей. Например, некоторые исследования обнаружили признаки фрустрации у молодых рабочих (в данном случае речь идет о России и Франции), переживающих из-за своей недостаточно престижной профессии [Ваньке, Тартаковская, 2016; Bonnet et al., 2018].

Охватившая мир пандемия COVID-19, очевидно, внесет дополнительные коррективы в специфику жизненных траекторий молодежи XXI века. Принято считать, что перед коронавирусными рисками особенно уязвимы люди пожилого возраста, тогда как шансы на адаптацию к вызванным пандемией изменениям миллениалов достаточно высоки. Действительно, можно предположить, что адаптивная гибкость и цифровая компетентность миллениалов и следующего за ними поколения Z будут способствовать преодолению негативных последствий коронавирусного кризиса. В то же время существуют социально уязвимые группы молодежи, для которых возрастные преимущества не столь очевидны. Это касается прежде всего находящихся в неблагоприятных условиях. Многим молодым жителям бедных стран и регионов недоступны в полной мере цифровые технологии, качественное образование и медицина; существенная часть молодежи страдает от спровоцированных пандемией безработицы, насилия, ментальных проблем [COVID-19..., 2020]. Думается, такое неравномерное влияние на молодые поколения пандемии COVID-19, подобно «эффекту Матфея», будет иметь место и в дальнейшем: сильноресурсные группы молодежи научатся «управлять» коронавирусной реальностью (например, реализовывать в условиях карантинных ограничений новые формы социальных практик и т.п.), в то время как слаборесурсная часть молодежи окажется обделенной еще сильнее.

⁵ Cohen P. Long Road to Adulthood Is Growing Even Longer // New York Times. 2010. Jun. 12. URL: <https://www.nytimes.com/2010/06/13/us/13generations.html> (accessed 15.03.2020).

В целом, жизненные траектории в современную эпоху характеризуются вариативностью, динамичностью и парадоксальностью. При описании мира постмодерна нередко используют «текущие» метафоры (текущее общество, текучая современность и пр.), уподобляя новую реальность жидкости, легко принимающей нужную форму. На наш взгляд, по аналогии можно говорить об изменчивых, «текущих» траекториях молодежи XXI века. Изменяющаяся реальность научила нашего молодого современника не быть привязанным «раз и навсегда» к определенным вариантам образа жизни, системам норм и правил, месту жительства, работы и даже к людям; вспомним особенности конфлюэнтных отношений (от англ. *confluent* – сливающийся), по Э. Гидденсу, или взаимодействия новых «кочевников» в терминологии З. Баумана. В сознании молодежи произошли изменения в оценке ранее считавшихся обязательными атрибутов взрослости (обретение профессии «на всю жизнь», достижение финансовой самостоятельности, брак), что, в свою очередь, сформировало у новых поколений своеобразно ориентированное на игру отношение к себе и миру. Сегодня, вероятно, можно говорить о появлении особого типа личности – некоего *homo ludens 2.0*, строящего жизнь по принципу компьютерной игры, в которой есть возможность переиграть неудачный сценарий или легко сменить маршрут на более верный.

Полагаем, что при изучении жизненных траекторий современной молодежи важно учитывать изменчивость социального контекста: исследователям удастся запечатлеть ускользающую реальность наподобие фотоснимка, но в скором времени «картинка» вновь придет в движение, став мозаичной. Наверное, этим можно объяснить ряд фиксируемых учеными тенденций в молодежной среде, зачастую кажущихся противоречивыми. Так, с одной стороны, молодые люди стремятся выстроить жизненный маршрут в соответствии с личными обстоятельствами («под себя»), с другой – вынуждены ориентироваться на социальную конъюнктуру; они периодически «возвращают» себе статус ребенка (в случае материальной зависимости от родителей) или студента и одновременно нацелены на выстраивание единой образовательной и трудовой траектории для того, чтобы занять достойное место на рынке труда.

Выводы. Предлагаемый читателю обзор исследований, посвященных жизненным траекториям современной молодежи, показал разнообразие маршрутов образовательных, профессиональных, семейных траекторий личности эпохи «позднего модерна». В условиях перманентных социальных трансформаций траектории жизненного пути миллионов индивидуализируются и дестандартизируются, прежние, казавшиеся эффективными модели успешности и адаптивные стратегии сменяются новыми. Нередко внешне схожие биографические маршруты можно трактовать как успешные и неуспешные одновременно, в зависимости от социального контекста, в котором они представлены. Несмотря на то что процессы глобализации и социальной конвергенции делают мир более прозрачным, а молодежь разных стран похожей друг на друга, в индивидуальных судьбах представителей новых поколений причудливо совмещаются глобальные и локальные вариации моделей взросления. Поиск и анализ общих и специфических черт в жизненных траекториях молодежи XXI века – актуальная перспектива дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Блоссфельд Х.-П., Хьюиник И. Исследование жизненных путей в социальных науках: темы, концепции, методы и проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1. С. 15–44. [Blossfeld H.-P., Huinink J. (2006) Life Course Research in Social Sciences: Topics, Conceptions, Methods and Problems. *Zhurnal of Sotsiologii and Social'noy Antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 9. No. 1: 15–44. (In Russ.)]
- Ваньке А.В., Тартаковская И.Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. Т. 25. № 4. С. 136–153. [Van'ke A.V., Tartakovskaya I.N. (2016) The Transformation of Russian Working Class Masculinities in the Context of Social Mobility. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 25. No. 4. P. 136–153. (In Russ.)]

- Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М.: ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. [Gorshkov M.K., Klyucharev G.A. (2011) Lifelong Learning within the Modernization Context. Moscow: IS RAN, FGNU CSI. (In Russ.)]
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. [Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2019) *Russian Youth within the Context of Sociological Analysis*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)]
- Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИС РАН, 2016. [Gurko T.A. (2016) *Theoretical Approaches to Family Studies* (second edition, rev. and added). Moscow: IS RAN, 2016. (In Russ.)]
- Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи. М.: Мысль, 2007. [Zubok Yu.A. (2007) *The Phenomenon of Risk in Sociology: The Youth Research Experience*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)]
- Зудина А.А. «Не работают и не учатся»: молодежь NEET на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140–160. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160. [Zudina A.A. (2019) The NEET Youth in the Russian Labor Market. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 1. No. 28. P. 140–160. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-140-160.]
- Иванов Е.А., Исаев Л.М. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 59–78. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.05>. [Ivanov E.A., Isaev L.M. (2019) On Methods of Estimating Current Condition and of Forecasting Social Instability in Central Asia. *Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 59–78. (In Russ.)]
- Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А., Хохлушкина Ф.А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: ИС РАН, 2011. [Konstantinovskiy D.L., Voznesenskaya E.D., Cherednichenko G.A., Khokhlushkina F.A. (2011) *Education and Life Trajectories of Youth: 1998–2008*. Moscow: IS RAN. (In Russ.)]
- Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Изучение проблемы успеха и успешности личности в контексте междисциплинарного подхода // Известия Томского политехнического университета. 2009. № 6. С. 112–116. [Konyukhova T.V. (2009) The Study of Success and Personal Success in the Context of Multidisciplinary Approach. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. No. 6. P. 112–116. (In Russ.)]
- Кузьминых В.Н. Жизненный путь в контексте эволюции социальной теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия «Социальные науки». 2008. Т. 4. № 12. С. 37–42. [Kuzminykh V.N. (2008) Life Course in Social Theory Evolution Context. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki* [Bulletin of the National Research Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod: Series "Social Sciences"]. Vol. 4. No. 12: 37–42. (In Russ.)]
- Плюснин Ю.М., Позаненко А.А., Жидкевич Н.Н. Отходничество как новый фактор общественной жизни // Мир России. 2015. № 1. С. 35–71. [Plusnin Yu., Pozanenko A., Zhidkevich N. (2015) Seasonal Work (Otkhodnichestvo) as a New Social Phenomenon in Modern Russia. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 1. No. 24. P. 35–71. (In Russ.)]
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. [Radaev V.V. (2018) Millenials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 15–33. (In Russ.)]
- Торотоева А.М. Дауншифтинг как альтернативная модель успешности. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2020. № 2. С. 18–26. DOI: 10.31249/rsoc/2020.02.03. [Torotoeva A.M. (2020) Downshifting as an Alternative Model of Success. (Review). *Social'nye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. No. 2: 18–26. (In Russ.)]
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: монография. М.: Наука, 2018. [Toschenko Zh.T. (2018) *Precariat: From Protoclass to New Class*. Moscow: Nauka. (In Russ.)]
- Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи: исследовательские концепты // Социологический журнал. 2013. № 3. С. 53–74. [Cherednichenko G.A. (2013) The Education and Professional Trajectories of Young People: Research Concepts. *Sotsiologicheskij Zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 53–74. (In Russ.)]
- Ядов В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе // Кто и куда стремится вести Россию? / Под ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2001. С. 310–319. [Yadov V.A. (2001) Social Resource of Individuals and Groups as Their Capital: An Applicability of the Universal

- Methodology of the Study of Real Stratification in Russian Society. *Where Is Russia Going?* Ed. by T.I. Zaslavskaya. Moscow: MVSHSEN: 310–319. (In Russ.)]
- Ядова М.А. Образовательные и профессиональные стратегии постсоветской молодежи // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 91–104. DOI: 10.31249/rsm/2017.02.06. [Yadova M.A. (2017) The Educational and Professional Strategies of the Post-Soviet Youth. *Rossiya i Sovremennyy Mir* [Russia and the Contemporary World]. No. 2. P. 91–104. (In Russ.)]
- Allen K.R., Blieszner R., Roberto K.A. Perspectives on Extended Family and Fictive Kin in the Later Years: Strategies and Meanings of Kin Reinterpretation // *Journal of Family Issues*. 2011. Vol. 9. No. 32. P. 1156–1177. DOI: 10.1177/0192513X11404335.
- Baizan P., Michielin F., Billari F.C. Political Economy and Life Course Patterns: The Heterogeneity of Occupational, Family and Household Trajectories of Young Spaniards // *Demographic Research*. 2002. Vol. 6. No. 8. P. 190–240. DOI: 10.4054/DemRes.2002.6.8.
- Basit T.N. "My Parents Have Stressed That Since I Was a Kid": Young Minority Ethnic British Citizens and the Phenomenon of Aspirational Capital // *Education Citizenship and Social Justice*. 2012. Vol. 7. No. 2. P. 129–143. DOI: 10.1177/1746197912440857.
- Bauman Z. *Intimations of Postmodernity*. London: Routledge, 1992.
- Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*. London: Sage, 1992.
- Bonnet E., Pietropaoli K., Verley E. S'insérer dans l'emploi et s'engager dans le travail: Parcours types de réussite des sortants de l'enseignement professionnel // *Formation emploi*. 2018. No. 2. P. 143–166.
- Bourdieu P. *Le Sens pratique*. Paris: Minuit, 1979.
- Carsten J. *After Kinship*. Cambridge: Cambridge University press, 2004. DOI: 10.1017/CBO9780511800382.
- Castells M. *The Rise of the Network Society*. Malden, Mass.: Wiley-Blackwell, 2012. DOI: 10.1002/9781444319514.
- Chambers D. A Sociology of Family Life: Change and Diversity in Intimate Relations. Cambridge: Polity, 2012.
- Consequences of 9/11 and the War on Terror on Children's and Young Adult's Mental Health: A Systematic Review of the Past 10 Years / Rousseau C., Jamil U., Bhui K., Boudjarane M. // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. 2015. Vol. 20. No. 2. P. 173–193. DOI: 10.1177/1359104513503354.
- COVID-19: Working with and for Young People: Compact for Young People in Humanitarian Action / ActionAid, WHO, UNICEF, et al. 2020. N.-Y., Geneva: INFPA, IFRC. URL: <https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/COMPACTCOVID19-05.pdf> (accessed 15.12.2020).
- Elder G.H. Jr. Perspectives on the Life Course. *Life Course Dynamics* / Ed. by G.H. Elder Jr. Ithaca: Cornell University Press, 1985.
- Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2015.
- Globalization, Uncertainty and Youth in Society / Blossfeld H.P., Klijzing E., Mills M., Kurz K. London, New York: Routledge, 2005.
- Honwana A. *The Time of Youth: Work, Social Change, and Politics in Africa* Sterling. VA: Kumarian Press, 2012.
- L'Afrique des individus itinéraires citadins dans l'Afrique contemporaine (Abidjan, Bamako, Dakar, Niamey). Ed. by A. Marie. Paris: Kathala, 1997.
- Lesthaeghe R. *The Second Demographic Transition in Europe: An Interpretation*. Bruxelles: Vrije Universiteit, 1991.
- Li T., Wong P. Youth Social Withdrawal Behavior (Hikikomori): A Systematic Review of Qualitative and Quantitative Studies // *Australian and New Zealand journal of psychiatry*. 2015. Vol. 49. No. 7. P. 595–609. DOI: 10.1177/0004867415581179.
- Mainiero L.A., Sullivan S.E. The Opt-Out Revolt: Why People Are Leaving Companies to Create Kaleidoscope Careers. Mountain View (CA): Davies-Black, 2006.
- Munive J. The Army of «Unemployed» Young People // *Young*. 2010. Vol. 18. No. 3. P. 321–338. DOI: 10.1177/110330881001800305.
- O'Brien M.L., Eger M.A. Suppression, Spikes, and Stigma: How COVID-19 Will Shape International Migration and Hostilities toward It // *International Migration Review*. 2020. Nov 26. P. 1–20. DOI: 10.1177/0197918320968754.
- Oliart P., Feixa C. Introduction: Youth Studies in Latin America: On Social Actors, Public Policies and New Citizenships // *Young*. 2012. Vol. 20. No. 4. P. 329–344. DOI: 10.1177/110330881202000402.
- Orgad Sh. The Cruel Optimism of "The Good Wife": The Fantastic Working Mother on the Fantastical Treadmill // *Television and New Media*. 2017. Vol. 18. No. 2. P. 165–183. DOI: 10.1177/1527476416652483.
- Oshima M. The Transition from School to Work: The Role of Job Placement Assistance Provided by Schools // *Social Science Japan Newsletter*. 2012. No. 47. P. 22–25.
- Peatrik A.-M. Towards an Anthropology of Youth in Africa // *Ateliers d'anthropologie*. 2020. No. 47. URL: <https://journals.openedition.org/ateliers/12620> (accessed 15.03.2020). DOI: 10.4000/ateliers.12620.
- Portes A. *Social Capital: Its Origins and Applications in Modern Sociology* // *Annual review of sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24.

- Quand l'École est finie: Premiers pas dans la vie active / coord. par P. Rouaud, O. Joseph. P.: Céreq, 2014.
- Reguillo R. Memories of the Future: The Mara: Contingency and Affiliation with Excess. 2012 // Young. Vol. 20. No. 4. P. 345–355. DOI: 10.1177/110330881202000403.
- Robette N. The Diversity of Pathways to Adulthood in France: Evidence from a Holistic Approach // Advances in Life Course Research. 2010. Vol. 15. No. 2–3. P. 89–96. DOI: 10.1016/j.alcr.2010.04.002.
- Sahlins M. What Kinship Is – and Is Not. Chicago: University of Chicago press, 2013.
- Schor J.B. The Overspent American: Upscaling, Downshifting and the New Consumer. New York: Basic Books, 1998.
- Serracant P. The Impact of the Economic Crisis on Youth Trajectories: A Case Study from Southern Europe // Young. 2015. Vol. 23. No. 1. P. 39–58. DOI: 10.1177/1103308814557398.
- Simpson B. Bringing the «Unclear» Family into Focus: Divorce and Re-Marriage in Contemporary Britain // Man. 1994. Vol. 4. No. 29. P. 831–851.
- Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. London: Bloomsbury, 2011.
- Suzuki F. Marrying Late or not at All: Changing Life Course Choices among Young Women in Japan // Social Science Japan Newsletter. 2012. No. 47. P. 17–21.
- Tarrius A., Missaoui L., Qacha F. Transmigrants et nouveaux étrangers. Toulouse: Presses univ. du Mirail, 2013.
- Viazzo P.P., González Díez J. Les “nouvelles formes de famille” en Italie: Entre convergences morphologiques et persistance culturelles // Ethnologie française. 2016. Vol. 2. No. 162. P. 219–228.
- Walther A. Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences across Different European Contexts // Young. 2006. Vol. 2. No. 14. P. 119–139. DOI: 10.1177/1103308806062737.
- Yoshida T. The Impact of a Woman's First Job and Non-Regular Employment on Marriage Timing // Social Science Japan Newsletter. 2012. No. 47. P. 9–12. DOI: 10.1111/jomf.12224.

Статья поступила: 24.08.20. Финальная версия: 01.06.21. Принята к публикации: 29.12.21.

LIFE TRAJECTORIES OF THE YOUTH IN THE 21-st CENTURY: RISKS AND OPPORTUNITIES

YADOVA M.A.

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia

Maiya A. YADOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (m.yadova@mail.ru).

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR project No. 19-111-50709.

Abstract. Based on the analysis of the sociological, political, psychological and other research by domestic and foreign authors this paper deals with social processes that determine the choice by the new generations of one or another life pathway version. Rapidly changing social fundamentals and greater “chaotization” processes in the post-modern era further specific coming-of-age tendencies. Academic literature deals mostly with following main factors accompanying coming-of-age process of millennials: prolonged youth period, non-linear and varying variants of life trajectories, cycling of events in a young person's life. It became clear that in terms of social instability, life increasingly affects attitudes and behaviors of young people and requires of them to be flexible in adapting to permanent social transformations, choosing most effective adaptation strategies. Different variants of life, professional and other trajectories of a person in “late modern” era are discussed. New models of success or, vice versa, risks, preventing successful social adaptation developing in Russia and foreign countries are analyzed. Geography of the study presented in this project is not limited to Russia, Europe and the USA, but also includes Latin American, Asian and African countries.

Keywords: life trajectories, youth, new models of success, adaptation, social transformations, risks.

Received: 24.08.20. Final version: 01.06.21. Accepted: 29.12.21.

© 2022 г.

О.Н. БЕЗРУКОВА, В.А. САМОЙЛОВА

ОТЦОВСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СМЫСЛЫ, ЦЕННОСТИ, ПРАКТИКИ И МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

БЕЗРУКОВА Ольга Николаевна – кандидат социологических наук, и.о. зав. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики (o.bezrukova@spbu.ru); САМОЙЛОВА Валентина Алексеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и практики социальной работы (v.samojlova@spbu.ru). Обе – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. В статье анализируются качество межпоколенческих отношений и родительские установки отцов и матерей, транслирующих семейный опыт и выбирающих собственный подход в воспитании детей. Показано, что для матерей характерно более зрелое понимание смыслов отцовства, для отцов – внимание на развитии собственной личности и переживание позитивных эмоций от общения с детьми. Установки матерей на организацию семейной жизни более консервативные, отцов – эгалитарные и прагматичные. По результатам факторного анализа выделены четыре типа родительских установок – «нельзя разводиться, если есть дети; воспитание детей – тяжелый труд; трудное родительство не для меня; равенство прав отцов и матерей». Разнообразие отцовских практик свидетельствует о происходящем сдвиге от традиционного к вовлеченному отцовству, но повседневная забота о детях лежит в основном на матерях. Транслирующие семейный опыт скорее повторяют родительский габитус и практики традиционного отцовства. Для имеющих собственный подход характерны противоречивые установки – на сильную эмоциональную вовлеченность в заботу, сочетающуюся с сомнениями в родительской компетентности, с неготовностью к «трудному» отцовству.

Ключевые слова: отцовство • дети • материнство • родительские установки • межпоколенческие отношения

DOI: 10.31857/S013216250016969-8

Отцовство складывается под влиянием многих факторов – институциональных, структурных, экономических, социокультурных, а также личного жизненного опыта, в т.ч. опыта преодоления трудностей, осознания жизненных смыслов, рефлексии семейной истории. Особая роль принадлежит характеру взаимодействий с родителями, психологическому благополучию родительской семьи. Как влияет качество межпоколенных отношений на формирование ценностей и смыслов отцовства у современных российских отцов? Какова роль родителей и собственного опыта, полученного в семье, в реализации модели вовлеченного отцовства? Влияет ли благополучие/неблагополучие родительской семьи на реализацию практик нового отцовства? Эти вопросы стали ключевыми для исследования.

Методология исследования. В качестве теоретической основы исследования мы рассматриваем отцовство (fatherhood) как социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю, и коренящихся в нормативной системе культуры, и как индивидуальную и рефлексивную социальную практику (fathering) [Кон, 2009 и др.]. Полагаем, что существуют противоречивые тенденции в динамике установок и практик отцовства: от кормильца, обеспечивающего семью и занятого в профессиональной сфере, до «нового» отца, стремящегося реализовать равную с матерью заботу о детях, от отсутствующего, избегающего обязательств до ответственного и вовлеченного отца [LaRossa, 1997; Andreasson, Johansson, 2019; Авдеева, 2012; Шевченко, 2019; Безрукова, Самойлова, 2019 и др.]. Опираемся на понимание габитуса как инкорпорированного способа практического познания, действия, структурирования поведения [Бурдьё, 1994], вместе с тем не исключающего способности к трансформации в результате осознания, рефлексии и практического опыта. Исходя из этого, становление *родительского габитуса активного вовлеченного отцовства* происходит через осознание и выбор, проявляющийся в переходе от традиционных и привычных моделей к новым, формируется через проблематизацию и рефлексии не во всем успешного опыта отношений со своим отцом, работу над собой, значительные личные усилия и самоопределение на основе потребности изменить качество собственного родительства.

Цель исследования состоит в сравнительном анализе установок и практик отцовства у родителей, *транслирующих семейный опыт* и выбирающих *собственный подход* в воспитании детей. Основные исследовательские задачи включали изучение различий в представлениях о мужественности и отцовстве, семейных ценностных ориентациях, специфике ресурсов их родительских семей. В качестве гипотезы выступало предположение о том, что ценности и практики отцовства в значительной степени взаимосвязаны с качеством межпоколенческих отношений в родительской семье.

Эмпирической основой статьи выступают данные опроса родителей в 2020 г. в Санкт-Петербурге. Выборка целевая – родители в возрасте до 50 лет, имеющие детей от 0 до 18 лет, котирировалась по полу и возрасту. Опрошено 1036 родителей из 18 районов Санкт-Петербурга, 58% матерей и 42% отцов, имеющих одного ребенка – 53,0%, двоих – 33,8%, трех и более детей – 13,02%¹.

Критерием для дифференциации различий между группами был выбор респондентами ответов на вопрос «*В отношениях со своим ребенком/детьми вы стремитесь повторить опыт отношений со своими родителями?*». Распределение ответов показало, что стремятся повторить отношения с матерью 45,3% мужчин и 44,8% женщин, реализуют свой подход в воспитании 46,1 и 46,3% соответственно, не было матери у 1,6% мужчин и 0,6% женщин, остальные затруднились ответить.

Несколько меньше доля тех, кто стремится повторить свои отношения с отцом: 40,2% мужчин и 41,1% женщин, собственный сценарий воспитания реализуют 41,8 и 38,5% соответственно, у 9,8% мужчин и 10,3% женщин отцов не было, остальные затруднились ответить.

Транслирующие семейный опыт и имеющие собственный подход в воспитании детей. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что родительские семьи мужчин, *транслирующих опыт* родителей и выбирающих *собственный сценарий* воспитания детей, имеют существенные различия в структурных, психологических и экономических ресурсах. Чаще воспитывались в полных семьях *транслирующие опыт* матерей (93,7 против 83,2%) и опыт отцов (88,5 против 71,0%); имеющие *собственный сценарий* отцовства чаще жили в семьях без отца (11,2 и 21,6% соответственно) и сводных семьях (6,5 и 5,0%).

Доля респондентов, отметивших благополучие родительской семьи в своем детстве, где все члены семьи любят, уважают друг друга, понимают и поддерживают в любых ситуациях, наиболее высока у мужчин, ориентированных на *повторение опыта* воспитания

¹ Опрос проведен на базе Ресурсного центра СПбГУ «Центр социологических и интернет-исследований».

родителей (матери – 99,3 и отца – 97,4% против 76,4 и 77,8% во второй группе). Среди выбирающих свой *подход* доля отрицательных ответов составляет пятую часть (20,5 и 19,9%).

Большинство *транслирующих* опыт воспитания характеризуют отношение отца и матери к себе в детстве как теплое и душевное (98,6 и 100%), родители в большинстве случаев оказывали помощь и поддержку: отец – в 71,3% случаях, мать – в 80,8%; оказывали помощь, только когда их просили об этом (17,9 и 14,1% соответственно); никогда (7,7 и 1,9%). Ориентированные на *собственный подход* отмечают такую помощь значительно реже: всегда получали ее от отца 24,2%, от матери – 35,8% респондентов, только когда их просили об этом – 37,9 и 37,5%, никогда – 33,5 и 20,5%. Значительно меньше и доля ответов о теплом отношении к ним матери и отца (78,4 и 67,1%). Напротив, они чаще отмечали, что родители относились к ним безразлично или как к обузе, – 21,7% со стороны отца, 15,9% – со стороны матери. В группе повторяющих родительский опыт таких нет.

В группе *транслирующих* сравнительно больше выходцев из семей с высоким (23,1 против 3,3%) и выше среднего достатком (12,5 против 6,0%). В обеих группах равная доля респондентов из семей со средним достатком (54,8 и 57,5%). Среди ориентированных на *собственный подход* четверть респондентов выросли в семьях с достатком ниже среднего (25,2 против 7,3%) и с низким достатком (8,0 против 3,3%).

Таким образом, в группе отцов, *транслирующих* опыт воспитания, чаще встречаются лица, выросшие в полных семьях, обеспеченных – с высоким достатком или выше среднего. Они чаще отмечают благополучие своей родительской семьи, теплое и душевное отношение родителей к ним в детстве, вспоминают заботу, поддержку и помощь в трудных ситуациях. Выбирающие *собственный подход* по сравнению с первыми чаще не имели отцов и жили в сводных семьях. Треть респондентов выросли в семьях с достатком ниже среднего или с низким достатком. Характеризуют отношение к ним как безразличное или негативное со стороны отцов каждый пятый и со стороны матери каждый шестой. В этих семьях родители значительно реже оказывали поддержку своим детям: только в трети случаев, когда дети сами просили об этом, а еще треть родителей помощь не оказывали совсем. Благополучие родительской семьи отмечает пятая часть респондентов в этой группе.

Реализация отцовской роли в существенной степени зависит от личностных характеристик мужчины, степени его зрелости, способности справиться с трудностями. Респондентам предложено оценить выраженность у себя ряда качеств от 1 – «совсем на меня не похоже» до 7 – «очень похоже». Межгрупповое сравнение показало, что отцы с установками на *собственный подход* по всем качествам оценивают себя выше, чем *транслирующие* опыт родителей. Различия значимы на уровне 1% (коэф. Крамера от 0,28 до 0,36). Наибольшие различия – выше 15% – проявились по таким качествам, как «проявляют заботу о близких, умеют это делать» (93,8% выборов от 5 до 7 баллов в группе отцов, имеющих *собственный* подход, против 74,2% *транслирующих*), «способны учиться на собственном опыте» (88,8 против 71,4%), «в трудных ситуациях не опускают руки» (85,1 против 69,3%), «ответственны и на них всегда можно положиться» (91,3 против 76,3%).

Атмосфера в семьях *транслирующих* отцов была более благоприятной, однако в целом уровень самооценок у ищущих *собственный путь* в воспитании детей, оказался выше: они предстают как более самостоятельные, ответственные, надежные, заботливые, энергичные, способные адаптироваться в трудных обстоятельствах и др. Можно предположить, что негативный детский опыт выступает значимым фактором стремления воспитывать детей иначе и не повторять ошибок своих родителей, повышает жизнестойкость человека. В то же время более высокий общий уровень оценок по всему представленному перечню характеристик весьма вероятно отражает наличие у них склонности к завышенной самооценке, имеющей компенсаторный характер. Напротив, отцы, *повторяющие семейный опыт*, видят не только свои достоинства, но и спокойнее относятся к недостаткам, уровень их самопринятия и психологического комфорта выше. Представляется, что это важный фактор построения теплых, принимающих отношений со своими детьми.

Смыслы отцовства и представления о настоящем мужчине в семье. Для 60,4% опрошенных быть настоящим мужчиной – это обеспечивать семью; чуть более половины видят мужчину как защитника семьи и пример для ребенка (по 51,2%); по мнению 39,2%, мужчина должен быть главой семьи, принимать решения; активность мужчины в роли воспитателя отметили 35,6%. Значительно менее важным атрибутом мужественности в семейной жизни, по данным опроса, выступает способность поддерживать дисциплину, контролировать жену и детей – 14,1% (табл. 1).

Таблица 1

Представления о настоящем мужчине в семье в зависимости от установок на трансляцию опыта воспитания или собственный подход
(в % от числа ответивших)

Суждения	В целом по выборке			Транслирующие опыт родителей				Собственный подход			
				М		Ж		М		Ж	
	В целом	м	ж	отноше- ния с: отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью
Обеспечивать семью	60,4	61,3	59,8	55,2	57,1	53,4	56,9	63,4	63,1	69,5	66,9
Защищать семью от угроз и рисков	51,2	51,6	50,9	48,3	47,4	52,4	56,0	54,7	53,4	50,8	46,8
Быть примером для ребенка	51,2	44,9	55,7	55,9	57,1	41,7	43,1	55,9	54,0	49,2	49,2
Быть главой семьи, принимать решения	39,2	40,2	38,5	39,9	34,0	37,9	34,5	37,9	43,2	40,7	46,8
Воспитывать ребенка, объяснять, учить	35,6	37,5	34,2	35,7	37,2	33,0	31,9	34,2	29,5	39,8	38,7
Поддерживать дисциплину, контролировать жену и детей	14,1	16,8	12,1	11,9	11,5	16,5	18,1	13,7	12,5	17,8	16,9

Видение отцами и матерями роли настоящего мужчины в семье в целом совпадает, различия показывают, что отцы чаще акцентируют внимание на контролирующих и дисциплинирующих функциях (16,8 против 12,1%), а женщины – на поведенческих характеристиках и проявлениях мужественности как нормативных образцах для ребенка (55,7 против 44,9%). Отцы, ориентированные на *собственный* сценарий отцовства по сравнению с *транслирующими* опыт отношений, чаще видят роль мужчины в выраженных традиционных значениях – обеспечении семьи (63,4 против 55,2%) и защите от внешних угроз (54,7 против 48,3%). Стремящиеся реализовать *собственный* подход по сравнению с тем, как их воспитывала мать, кроме обеспечения и защиты чаще отмечают способность мужчины быть руководителем семьи, принимать ответственные решения (43,2 против 34,0%).

Похожие тенденции более выраженного внимания к экономической, лидерской, дисциплинирующей и воспитательной функциям настоящего мужчины в семье характерны и для матерей, стремящихся к *собственному* подходу, по сравнению с теми, кто повторяет семейный опыт воспитания детей. Полученные результаты, по-видимому, объясняются дефицитом нормативного мужского начала в родительских семьях, что мотивирует к наделению образа «настоящего мужчины» характеристиками, которые ассоциируются у них с мужской ролью и которых не доставало в отношениях со своим отцом.

Жизненные смыслы раскрываются в ключевых целях, способствующих реализации планов, выборе стратегии жизни. Именно такие смыслы отцовства, воплощающие предназначение мужчины в роли отца, предлагались для анализа (табл. 2). Наиболее значимым смыслом большинство респондентов считает любовь к ребенку, стремление делать все для его развития и благополучия (59,8%) и только на втором месте – обеспечивать ребенка (53,1%). Эти утверждения не представляют собой дихотомию, материальное обеспечение является частью заботы отца о благополучии ребенка, в то же время высокий рейтинг первого утверждения отражает более широкое видение смысла отцовства с акцентом на любви к ребенку.

Быть наставником, проводником по жизни, передавать свой опыт, воспитывать считают значимым более половины опрошенных – 52,3%, близкий уровень оценки способности быть опорой своим детям – 46,0%. Видят смысл отцовства в том, чтобы получать удовольствие от общения и любви ребенка, 40,6%, приобретать жизненный опыт, взрослеть – 37,9%. Взросление, социализация в родительской роли, полноценное, счастливое проживание времени активного отцовства, удовольствие от процесса реализации отцовских функций – все это отражает личностные потребности современных мужчин. По уровню выраженности они сопоставимы с необходимостью быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми – 38,7%. Смысл отцовства в том, чтобы защищать детей от трудностей жизни, видят 25,5%. Сравнительно невысокое значение может отражать стремление воспитывать самостоятельную личность

Таблица 2

Смысл роли отца в семье в зависимости от установок на трансляцию опыта воспитания или собственный подход (в % от числа ответивших)

Суждения	В целом по выборке			Транслирующие опыт родителей				Собственный подход			
				м		ж		м		ж	
	В целом	м	ж	отношения с отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью
Любить своего ребенка, делать все для его развития и благополучия	59,8	53,5	64,4	53,1	57,1	43,7	50,9	76,4	71,6	60,2	60,5
Обеспечивать ребенка	53,1	52,7	53,4	44,1	48,1	39,8	45,7	60,9	59,1	61,9	62,9
Быть наставником, проводником по жизни, передавать свой опыт, воспитывать	52,3	48,0	54,0	53,1	51,3	41,7	43,1	52,2	55,7	55,1	56,5
Быть опорой своему ребенку	46,0	42,6	48,6	44,1	41,0	33,0	39,7	54,0	54,5	50,8	45,2
Получать удовольствие от общения и любви ребенка	40,6	43,0	38,8	31,5	30,8	37,9	41,4	42,9	45,5	48,3	47,6
Быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми	38,7	36,5	43,2	33,6	35,3	31,1	36,2	46,6	44,9	42,4	40,3
Приобретать жизненный опыт, взрослеть	37,9	40,6	35,9	27,3	31,4	34,0	37,1	45,3	40,3	48,3	47,6
Защищать от трудностей жизни	25,5	27,3	24,1	25,2	24,4	25,2	24,1	24,2	23,9	28,8	29,8

с хорошим адаптационным потенциалом, в то же время быть опорой ребенку – это, в определенном смысле, и быть его защитником.

Для матерей, по сравнению с отцами, смысловые оттенки отцовства чаще окрашены деятельной эмоциональной заботой – любить ребенка, делать все для его развития и благополучия (64 против 53%). Женщины также акцентируют внимание на нормативных значениях отцовства, отражающих *направленность на ребенка*, – быть наставником, проводником по жизни, передавать опыт, воспитывать (54,0 против 48,0%), быть ответственным, соответствовать долгу отца перед детьми (43,2 против 36,5%), быть опорой своим детям (48,6 против 42,6%). Отцы чаще отмечают смыслы отцовства, отражающие фокус *на развитии собственной личности и переживании позитивных эмоций*, – приобретать жизненный опыт (40,6 против 35,7%), получать удовольствие от общения и любви ребенка (43,0 против 38,8%).

Отцы с *собственным сценарием отцовства* по сравнению с теми, кто стремится воспроизвести отношения со своим отцом, отличаются значительно более интенсивными оценками таких смыслов отцовства, как любовь к детям (76,4 против 53,1%); материальный вклад в обеспечение ребенка (60,9 и 44,1%); поддержка и опора (54,0 и 44,1%); ответственность (46,6 и 33,6%); взросление (45,3 и 27,3%); радость от общения и любви ребенка (42,9 и 31,5%). Аналогичные тенденции характерны для восприятия отцовства у матерей, стремящихся к реализации собственного подхода, что, по-видимому, объясняется осознанием и женщинами, и мужчинами проблемных зон в отношениях со своими отцами, ревизией смыслов и пересмотром оценок и ценностей.

Семейные ориентации и родительские установки. Индивидуальные стратегии родительства формируются под влиянием как личного опыта воспитания в родительской семье, так и более широкого социокультурного контекста. В анкету включен перечень таких общих социокультурных установок (табл. 3).

Большинство считает, что хороший отец тот, кто заботится о ребенке наравне с матерью (66,4 согласны, еще 21,0% скорее согласны), а также поддерживает отцовский отпуск по уходу за ребенком как правильную меру (49,7 и 18,2% соответственно). Не сомневаются, что один отец (без матери) сможет вырастить ребенка, 52% и скорее согласны 19,4%. Хотя больше половины (51,2%) не считают нормальной практику рождения суррогатными матерями детей для одиноких мужчин, треть респондентов поддерживает их право стать отцами. Таким образом, признание значимости отцовства и вклада отцов в заботу и воспитание детей становится все более заметным.

В то же время критическое восприятие отцов выражено у половины опрошенных: согласны с утверждением, что многие современные отцы безответственные и инфантильные, 28,0% и скорее согласны 22% против трети (35,4%) скорее или в полной мере несогласных. Достаточно определенные требования к современному отцу связаны с его образом жизни – нетерпимость к выпивке у 65,1% (скорее согласны с этим – 14,1%), а считают, что нет ничего страшного в том, что отец выпивает, в сумме – 13,4%.

Типичным для современного общества является ценностное отношение к детям, «радостям родительства», не согласны, что воспитание детей – это тяжелый и неблагодарный труд, три четверти опрошенных (65,1% полностью не согласны, 14,1 – скорее согласны), а согласны в сумме 12,9%. Однако ценности «нетипичного» родительства далеко не так однозначны. Хотя считают, что смогли бы быть хорошими родителями для приемного ребенка, больше половины респондентов (44,5 определенно согласны с этим и 15,2% – скорее согласны), думают, что не справятся – 16,4% и еще четверть (23,8%) затруднились с ответом. Еще больше сомнений вызывает родительство, если ребенок инвалид: считают, что растить такого ребенка им не под силу, более трети (21,0 и 14,6%), четвертая часть опрошенных затруднились с ответом, а полагают, что справятся, также более трети (25,2 и 13,2%), но по сравнению с ситуацией приемных детей такое родительство воспринимается как гораздо более трудное.

Наиболее приемлемый вариант семейной жизни предполагает наличие детей, так думают больше половины респондентов – 52,2% (39,9 и 12,3%), в то же время немало и тех, кто считает, что семейная жизнь может быть счастливой без детей, – 40,9% (27,5 и 13,4%).

Несмотря на многофакторную обусловленность разводов, более «спокойное» их восприятие и отношение к ним как к обыденному явлению, проявлению естественной динамики семейной жизни вносит, по-видимому, свой вклад в высокий уровень расторжения браков. Большинство респондентов не считают препятствием для развода наличие в семье детей – 67,2% (полностью согласны 53,6, скорее – 13,6%). Тех, кто считают развод недопустимым, если в семье есть дети, только четверть опрошенных – 24,5% (16,7 и 7,8% соответственно). Развод обостряет проблему гендерного равенства при решении вопросов заботы о будущем ребенка. Разделяют положение о том, что оба родителя должны платить алименты ребенку на его счет, 44,9% (32,6 полностью, 12,6% – скорее) против 35,3% несогласных (24,2 и 11,1%).

Вопрос гендерных прав встает и в ситуации, когда женщина не хочет рожать ребенка. Чуть больше половины респондентов исходит из того, что это право самой женщины – решить прервать беременность (41,4 полностью уверены, 9,1% – скорее), но немало и тех, кто думает, что женщина может прерывать беременность только с согласия отца ребенка, – 30,2% (20,9 и 9,3%).

Мужчины чаще женщин оценивают современных отцов как инфантильных и безответственных (52,3 против 46,8%), согласны, что быть отцом ребенка-инвалида – непосильная нагрузка для них (40,8 и 28,5%), признаются в своем незнании, как правильно воспитывать детей (33,4 и 27,4%). Они более солидарны в том, что семейная жизнь может быть вполне счастливой и без детей (45,4 и 34,8%), а половина из них требуют соблюдения равенства прав родителей при назначении алиментов ребенку после развода (48,3 и 40,3%).

Женщины демонстрируют более противоречивые взгляды на роль отцов в воспитании детей по сравнению с мужчинами. С одной стороны, для них чаще характерны традиционные установки по отношению к отцовству и правам отцов. Так, почти половина матерей согласна с тем, что женщина может прервать беременность только с согласия отца ребенка (44,1 против 19,8% отцов), уверены в недопустимости развода в семьях, имеющих детей, 37,5% (14,9). С другой – значительная часть матерей не доверяют отцам воспитание детей: более четверти матерей не верят в возможность одинокого отца вырастить ребенка без матери (26,6 и 18,9%). В то же время каждая пятая женщина лояльно относится к мужскому пьянству в семье (19,5 и 8,9%).

В целом матери чаще демонстрируют более консервативные взгляды по отношению к разводу в семьях с детьми, наделяют отцов правом принимать решение о прерывании беременности, не доверяют воспитание детей одиноким отцам, терпимы к мужскому пьянству. Отцы отличаются эгалитарностью и прагматичностью установок, признают инфантильность современных мужчин, сомневаются в своей компетентности как родителей, «не видят» у себя ресурсов для воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья (табл. 3).

Сравнительный анализ установок по разным аспектам родительства показывает, что отцы, выбирающие свой подход по сравнению с *транслирующими*, чаще оценивают себя не только как менее компетентных в воспитании детей, но и как менее готовых быть родителем для ребенка с ограниченными возможностями здоровья или приемного ребенка. Так, среди них более 40% согласны с утверждением «часто я не знаю, как правильно воспитывать детей», среди *транслирующих* более 20%; что «растить ребенка инвалида – это непосильный труд для меня», согласны около половины из них, среди *транслирующих* более трети; считает, что «не смог бы быть хорошим отцом для приемного ребенка», каждый пятый из них, из числа *транслирующих* каждый десятый.

Те же тенденции характерны и для межгрупповых различий в женской подгруппе. Матери, ориентированные на *собственный подход* в воспитании детей, имеют более либеральные установки на организацию семейной жизни по сравнению с *транслирующими*

Таблица 3

**Родительские установки в зависимости от установок на трансляцию
опыта воспитания или собственный подход (ответы «согласны» + «скорее согласны»)
(в % от числа ответивших)**

Суждения	В целом по выборке			Транслирующие опыт родителей				Собственный подход			
				м		ж		м		ж	
				отношения с: отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью	отцом	матерью
	В целом	м	ж								
Хороший отец тот, кто заботится о ребенке наравне с матерью	87,4	87,6	87,1	91,7	91,7	91,2	90,7	86,9	84,7	84,8	86,3
Отцовский отпуск по уходу за ребенком – правильная мера для каждой семьи	67,9	66,9	69,2	72,0	69,8	62,1	64,6	63,4	66,5	71,2	74,2
Многие современные отцы безответственные и инфантильные	50,0	52,3	46,8	51,8	53,9	39,8	44,0	52,8	53,4	50,8	47,6
При разводе оба родителя должны платить алименты ребенку на его счет	44,9	48,3	40,3	53,9	52,6	36,9	37,1	42,3	43,8	44,1	43,0
Семья может быть вполне счастливой и без детей	40,9	45,4	34,8	44,8	44,9	25,3	23,2	45,9	47,1	44,1	45,9
Растить ребенка инвалида – это непосильный труд для меня	35,6	40,8	28,5	36,4	32,7	19,4	25,0	46,0	47,7	37,3	30,8
Часто я не знаю, как правильно воспитывать детей	30,8	33,4	27,4	23,8	21,8	18,4	23,3	40,4	44,4	37,3	32,5
Рождение ребенка суррогатной матерью для одинокого мужчины – это нормально	30,5	31,3	29,3	30,8	28,2	26,2	27,6	31,1	34,7	33,9	32,4
Женщина может прерывать беременность только с согласия отца ребенка	30,2	19,8	44,1	20,3	20,5	41,8	42,3	18,6	19,9	43,3	46,8
Нельзя допустить развод, если в семье есть дети	24,5	14,9	37,5	20,3	20,5	46,7	43,9	12,4	11,4	27,9	28,3
Не может один отец вырастить ребенка без матери	22,2	18,9	26,6	23,1	19,2	31,1	33,6	17,4	19,9	23,7	21,0
Я не смог(ла) бы быть хорошим/ей отцом/матерью для приемного ребенка	16,4	17,8	14,4	9,8	10,9	7,7	10,3	23,0	24,4	22,0	20,4
Ничего страшного, если отец выпивает	13,4	8,9	19,5	7,7	11,5	17,5	19,8	9,9	7,4	12,9	20,2
Воспитание детей – тяжелый и неблагодарный труд	12,9	13,0	12,9	11,2	11,6	9,7	12,1	14,9	15,4	12,7	12,3

опыт родителей. В первой группе чаще согласны, что «отцовский отпуск – правильная мера для каждой семьи», «при разводе оба родителя должны платить алименты ребенку на его счет». В этой группе также почти в два раза выше доля матерей, согласных с утверждением о том, что «семья может быть вполне счастливой и без детей», а треть считает нормальным рождение ребенка суррогатной матерью для одинокого мужчины.

Матери, транслирующие опыт отношений со своими родителями, отличаются более выраженным ценностным отношением к сохранению семьи и нетерпимостью к разводу, особенно если в семье есть дети. Для них характерны и более солидарные установки на равенство отцов с матерями в заботе о детях, а треть в этой группе не уверены в том, что один отец может вырастить ребенка без матери.

В результате факторного анализа (факторная матрица ротирована методом Varimax) выделены четыре фактора, представляющие родительские установки об организации семейной жизни и объединяющие несколько ключевых мнений с наибольшим факторным весом.

Первый фактор (нельзя разводиться, если есть дети) объединяет комплекс установок о значении семьи для благополучия детей (*нельзя допустить развод, если в семье есть дети, не может один отец вырастить ребенка без матери*); в большей степени проявляется у женщин по сравнению с мужчинами, у транслирующих по сравнению с имеющими собственный подход.

Второй фактор (воспитание детей – тяжелый труд) отражает фокус на восприятии себя как некомпетентного родителя, на трудностях родительства и объединяет следующие суждения респондентов (*часто я не знаю, как правильно воспитывать детей, воспитание детей – тяжелый и неблагодарный труд*); чаще проявляется у мужчин по сравнению с женщинами, у имеющих собственный подход по сравнению с транслирующими.

Третий фактор (трудное родительство не для меня) акцентирует внимание на символическом отказе от нетипичного родительства (*я не смог(ла) бы быть хорошим/ей отцом/матерью для приемного ребенка, растить ребенка инвалида – это непосильный труд для меня*); характерен для мужчин и имеющих собственный подход по сравнению с транслирующими опыт родителей.

Четвертый фактор (равенство прав отцов и матерей) отражает взгляды о необходимости отцам иметь равные права с матерями в заботе о детях (*рождение ребенка суррогатной матерью для одинокого мужчины – это нормально, хороший отец тот, кто заботится о ребенке наравне с матерью, при разводе оба родителя должны платить алименты ребенку на его счет, отцовский отпуск по уходу за ребенком – правильная мера для каждой семьи*). Такие представления чаще отличают мужчин по сравнению с женщинами, имеющих собственный подход по сравнению с транслирующими опыт родителей.

Таким образом, полученные различия фокусируют внимание на воспроизводстве семейных ценностей в группе транслирующих; выбирающим собственный подход в воспитании детей присущи более либеральные взгляды на организацию семейной жизни.

Родительские практики отцов и матерей. Родительские практики раскрывались при ответе на вопрос о том, какие обязанности по отношению к ребенку/детям в семье чаще выполняет мать, а какие отец (табл. 4). Некоторые из обязанностей, касающихся ухода за маленькими детьми, оказались для части респондентов уже не актуальны. По всем позициям сделаны выборы варианта «затрудняюсь ответить», что можно интерпретировать как отсутствие видимой разницы в том, кто чаще – мать или отец – выполняют эти обязанности в повседневной жизни, или, иными словами, что это делают оба родителя. Наиболее часто этот вариант выбирали в отношении таких родительских обязанностей, как поддержание дисциплины – 37,1%, развитие ребенка, занятия – 35,1%, игры – 34,9%, затруднилось с выбором по пункту «брать больничный, лечить больного ребенка» 13,9%.

Вместе с тем сравнение оценок вклада матерей и отцов показывает значительно более высокую активность матерей. Все обязанности, связанные с заботой о детях и их воспитанием, чаще выполняют матери. Наибольшие различия касаются функций ухода за

Таблица 4

**Родительские обязанности в зависимости от установок на трансляцию опыта воспитания или
собственный подход**
(в % от числа ответивших отцов)

Обязанности	В целом по выборке			Транслирующие опыт родителей				Собственный подход			
				отношения с матерью		с отцом		отношения с матерью		с отцом	
				чаще обязанность жены	мужа	жены	мужа	жены	мужа	жены	мужа
	чаще обязан- ность жены	мужа	затрудняюсь ответить								
Наказывать, поддерживать дисциплину	29,5	21,5	37,1	38,9	33,8	39,1	34,8	40,1	25,3	41,7	24,0
Отводить и приводить в д/с или школу	35,7	14,3	26,7	46,0	18,3	46,1	21,2	46,7	21,7	48,0	14,7
Купать	42,2	13,9	22,9	48,4	23,9	50,4	22,7	48,9	18,1	45,7	16,0
Отводить в кружки, бас-сейн и т.д.	39,0	13,3	27,3	56,3	9,9	60,9	12,1	52,6	18,1	49,6	14,7
Играть	36,9	13,3	34,9	46,0	16,9	47,0	18,2	44,5	26,5	43,3	25,3
Гулять	47,4	11,8	25,9	57,9	11,3	56,5	18,2	58,4	18,1	59,8	12,0
Ходить на родительские собрания в д/с или школу	57,6	11,4	18,9	69,0	16,9	68,7	15,2	73,0	6,0	70,9	9,3
Читать книжки	44,8	11,4	26,1	60,3	5,6	59,1	6,1	59,1	13,3	57,5	14,7
Помогать с учебой	40,2	11,0	27,1	47,6	11,3	53,0	10,6	56,2	14,5	50,4	10,7
Укладывать спать	46,4	9,8	25,1	53,2	16,9	54,8	19,7	57,7	10,8	52,0	9,3
Развивать, заниматься	48,8	9,6	35,1	65,9	7,0	64,3	12,1	62,8	12,0	61,4	8,0
Водить к врачу	63,3	7,6	22,3	77,0	5,6	76,5	7,6	79,6	4,8	79,5	2,7
Готовить ребенку	71,1	6,2	17,1	79,4	8,5	79,1	4,5	79,6	7,2	77,2	12,0
Кормить	53,2	4,2	23,5	65,9	–	69,8	–	56,9	7,2	51,2	6,7
Брать больничный, лечить больного ребенка	65,9	4,0	13,9	66,7	9,9	70,4	7,6	71,5	6,0	68,5	8,0
Одевать, пеленать, менять памперсы	44,6	2,8	19,3	51,6	2,8	54,8	3,0	49,6	2,4	42,5	2,7

детьми, которые традиционно считаются материнскими, – одевать, пеленать, менять памперсы; кормить; готовить; лечить, брать больничный; водить к врачу – по этим позициям матери отмечены в 9–15 раз чаще, чем отцы. Они это тоже делают, но гораздо реже. Так, 6,2% отметили, что в их семьях чаще для ребенка готовит отец, а 71,1% – что мать; одевают, пеленают, меняют памперсы – 2,8% – чаще отец и 44,6% – чаще мать и т.д.

По большинству (12 из 16) обязанностей из предъявленного для оценки перечня различия выражены сравнительно меньше, матери заняты разными делами, связанными с детьми, в 2,5–5 раз чаще. Так, гуляет с детьми чаще мать – 47,4, отец – 11,8%, отводят в школу, д/с – 35,7 и 14,3% соответственно, играют – 36,9 и 13,3%, ходят на родительские собрания в д/с или школу 57,6 и 11,4% и т.д. По сравнению с функциями ухода (особенно за маленьким ребенком), все, что связано с социализацией, обучением, развитием, досугом детей, активностью отцов, поддержано в большей мере. Эти функции отнюдь

не всегда сопровождаются весельем, удовольствием, часто они рутинны и требуют от отцов большого терпения. По данным опроса, отцы участвуют и в таких активностях, как купание ребенка (13,9% отцов, матерей 42,2%), укладывают детей спать (9,8% отцов, матерей 46,4%).

Сравнение мнений отцов, *транслирующих* опыт воспитания или ищущих *собственный подход*, показывает, что проявились межгрупповые различия: так, отцы первой группы сравнительно чаще дисциплинируют и наказывают детей (34,8 против 25,3%), посещают родительские собрания (16,9 и 9,3%), но чаще купают (23,9 и 18,1%) и укладывают детей спать (19,7 и 10,8%). Отцы с собственными взглядами на воспитание сравнительно больше времени посвящают развитию детей: играют (26,5 и 18,2%), читают книжки (14,7 и 6,1%), помогают с учебой (14,5 и 11,3%), отводят в кружки, бассейн и т.д. (18,1 и 12,1%), но могут и приготовить (12,0 и 8,5%) и накормить ребенка (7,2 и 0%). Гуляют с детьми, отводят в детский сад или школу отцы обеих групп примерно одинаково часто, при этом для *транслирующих* особенно значимым оказался пример собственного отца. Соотнося полученные данные с моделями отцовства, можно сделать вывод о том, что традиционное отцовство (в частности, функция контроля и поддержания дисциплины) проявляется в практиках мужчин, которые довольны тем, как их воспитывали, и готовы следовать этому опыту в своей семейной жизни. Вместе с тем их отцовство более гибкое, адаптивное, включающее отцовские обязанности, как правило, соотносящиеся с моделью нового, вовлеченного отцовства. Еще большей открытостью к новым практикам характеризуются отцы, которые критически оценивают опыт воспитания в родительской семье.

Ответы на вопрос, какое участие в воспитании ребенка принимает отец, полученные отдельно от мужчин и женщин, показывают, что, согласно мнению отцов, 63,3% из них заботятся о ребенке и регулярно занимаются с ним; 30,5% – время от времени; лишь 3,9% не уделяют или мало времени и внимания уделяют ребенку/детям, хотя живут вместе с ними; еще 1,2% мужчин не видят своих детей после развода. Матери оценивают участие отцов скромнее: их регулярное участие в воспитании отметили 55,2%, 31,2% – время от времени, 2,9% матерей считают, что отец не уделяет внимания ребенку, 7,8% – отцы не видят своих детей после развода, в том числе некоторые из них интересуются его развитием, передают игрушки, звонят (2,6%), а по мнению 4,9% матерей – отец о ребенке забыл.

Заключение. Подводя итог, отметим, что видение отцами и матерями роли настоящего мужчины в семье в целом совпадает, различия показывают, что те и другие обращают внимание на функции традиционного отцовства: отцы – контроля и поддержания дисциплины, матери – нормативного образца для ребенка. Для матерей характерно более зрелое понимание смыслов отцовства – любви, вовлеченности, наставничества, ответственности, долга по отношению к детям. Отцы же, чаще соглашаясь с мнением об инфантильности и безответственности современных отцов, больше сосредоточены на собственной личности и воспринимают отцовство как возможность своего взросления, личностного роста, получения радости и удовольствий, любви ребенка.

Анализ родительских обязанностей показывает, что, хотя повседневная забота о детях по-прежнему лежит на матерях, можно отметить разнообразие отцовских практик, что свидетельствует о происходящих сдвигах в сторону вовлеченного отцовства.

Подтвердилась гипотеза о том, что качество межпоколенных отношений, благополучие родительской семьи влияют на формирование ценностей и смыслов отцовства. Доли *транслирующих* отношения со своими отцами и выбирающих *собственный* подход в воспитании детей примерно равны и составляют 40%, у каждого десятого в выборке отца не было. При этом число респондентов, стремящихся повторить отношения со своими отцами, статистически меньше, чем с матерями, что фокусирует внимание на недостатке времени, проведенном вместе, или непростых взаимодействиях отцов со своими детьми, сохранившимися в воспоминаниях респондентов.

Транслирующие опыт родителей скорее повторяют родительский габитус своих отцов: представления о роли настоящего мужчины и смыслах отцовства в значительно

большей степени взаимосвязаны с проявлениями традиционного отцовства. В целом, эти отцы, по-видимому, более пассивные и нерефлексирующие (это касается и понимания собственной личности: почти каждый пятый затруднился с оценкой своих качеств), чем ищущие *собственный подход* в воспитании детей. Последние, испытав дефицит любви, заботы и поддержки в своих отношениях с отцами, более требовательны к ожиданиям воплощения в образе настоящего мужчины архетипических социокультурных характеристик мужественности. Кроме того, смысл отцовства для них значительно более интенсивно окрашен любовью и заботой о своих детях, проявляющихся в эмоциональной близости, радости повседневного общения. Они включены в новые актуальные практики заботы и воспитания, что характеризует их как вовлеченных и любящих отцов. При этом чаще сомневаются в своей родительской компетентности, не готовы быть отцами «трудных» детей – приемных или инвалидов, отмечают тяготы родительства, отстаивают равные права отцов и матерей. По-видимому, проблематизация отношений с родителями повлияла на их стремление пересмотреть сценарий отношений со своими детьми, отрефлексировать проблемные зоны, способствовала осознанию смыслов отцовства. Но означает ли это, что они более заботливые отцы?

Полученные результаты показывают наличие неоднозначных, подчас противоречивых, тенденций в социокультурных установках и практиках родителей, отражающих сложную динамику изменений в сфере семейных отношений. Данные выводы актуализируют разработку программ социальной поддержки отцов и собственно «отцовских» услуг, которые, прежде всего, должны быть сосредоточены на развитии идентичности вовлеченного отца, рефлексии родительских смыслов, обретении личной и социальной зрелости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
- Безрукова О.Н., Самойлова В.А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–100. DOI: 10.31857/S013216250005796-8.
- Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994.
- Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
- Шевченко И.О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. Научная монография. М.: Тровант, 2019.
- Andreasson J., Johansson T. Becoming a half-time parent: Fatherhood after divorce. *Journal of Family Studies*. 2019. Vol. 25:1. P. 2–17. DOI: 10.1080/13229400.2016.1195277.
- LaRossa R. *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Статья поступила: 20.09.21. Подписана к публикации: 10.12.21.

FATHERHOOD IN MODERN RUSSIA: MEANINGS, VALUES, PRACTICES AND INTERGENERATIONAL TRANSLATION

BEZRUKOVA O.N.*, SAMOYLOVA V.A.*

*St. Petersburg State University, Russia

Olga N. BEZRUKOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (o.bezrukova@spbu.ru); Valentina A. SAMOYLOVA, Cand. Sci. (Psychol.), Assoc. Prof. (v.samojlova@spbu.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR research project No. 19-011-00543.

Abstract. The article analyzes the quality of intergenerational relationships, parental mindsets of fathers and mothers that translate their family experience and choose their own approach to raising children. It reveals that mothers display a more mature understanding of the meanings of fatherhood and that fathers focus on the development of their own personality and experiencing positive emotions in the course of their communication with children. Mothers tend to more conservative socio-cultural mindsets in arranging their family life, and fathers manifest egalitarian and pragmatic mindsets. We made a conclusion that day-to-day care for children remains mainly with mothers. We also note the diversity of parenting practices and childcare approaches, which surely indicates an ongoing transfer from traditional to involved parenting model. As a result of the factor analysis conducted, we identified four types of parental mindsets as follows: “you cannot get divorced if you already have children”, “raising children is hard work”, “difficult parenting is not for me”, “equality of fathers’ and mothers’ rights”. The fathers who communicate their family experience are more likely to repeat parental habits and traditional parenting practices. Those with their own approach reveal contradictory mindsets at the strong emotional involvement in child care combined with doubts about their own parental competence together with unwillingness to be involved in “difficult” parenting.

Keywords: fatherhood, children, motherhood, parental attitude, intergenerational relations.

REFERENCES

- Andreasson J., Johansson T. (2019) Becoming a half-time parent: Fatherhood after divorce. *Journal of Family Studies*. Vol. 25 (1): 2–17. DOI: 10.1080/13229400.2016.1195277.
- Avdeeva A.V. (2012) ‘Involved Fatherhood’ in Russia Today: Strategies of Participating in Children Care. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 95–104. (In Russ.)
- Bezrukova O.N., Samoylova V.A. (2019) Eager dads and dads against their will, or why Russian dads are reluctant to go on parental leave. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 90–100. DOI: 10.31857/S013216250005796-8. (In Russ.)
- Burd’e P. (1994) *Beginnings*. Moscow: Socio-Logos. (In Russ.)
- Kon I.S. (2009) *Man in a Changing World*. Moscow: Vremya. (In Russ.)
- La Rossa R. (1997) *The Modernization of Fatherhood: A Social and Political History*. Chicago: University of Chicago Press.
- Shevchenko I.O. (2019) *Fathers and paternity in modern Russia. A sociological analysis*. Moscow: Trovant. (In Russ.)

Received: 20.09.21. Accepted: 10.12.21.

А.П. АБРАМОВ, Ц. ЛЮ

СОВРЕМЕННЫЕ И ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

АБРАМОВ Александр Петрович – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Юго-Западного государственного университета (abramov_ap@inbox.ru); ЛЮ Цзэ – аспирантка кафедры философии и социологии того же университета (liuzeaimama@126.com). Оба – Курск, Россия.

Аннотация. Проанализированы тенденции в трансляции современных и традиционных семейных ценностей взаимодействия поколений в России и Китае. Опираясь на результаты социологических исследований, обобщен и систематизирован модальный ряд восточных и западных ценностей. В контексте трансформации всех сфер общественной жизни народы мира, будучи изолированы в прошлом, в той или иной степени вовлекаются в процесс культурной глобализации, что приводит к ослаблению своей культурной идентичности и унификации моделей межпоколенных взаимодействий. Анализ вторичной социологической информации и результаты авторских исследований, проведенных в Китае и России, фиксируют последовательную тенденцию к утрате традиционных семейных ценностей. В межпоколенных взаимодействиях начинает возрастать индивидуализм, прагматизм, материализм и либерализм.

Ключевые слова: семейные ценности • межпоколенное взаимодействие • культура • Россия • Китай

DOI: 10.31857/S013216250016202-5

Постановка проблемы. В последние годы усилился интерес исследователей к проблемам межпоколенных отношений. К настоящему времени в социологии можно выделить как минимум три точки зрения на различия поколений: теория разрыва поколений [How et al., 2000] обосновывает идею глобального всеобщего разрыва между поколениями, который постоянно увеличивается; теория фэнтези [Liu Yong, 1983; Li Qingshan, 1986] фиксирует, что разрыв поколений – это не более чем иллюзия, воображение, «пустые разговоры»; теория частичных различий [Hill, 1955; Hill et al., 1960] показывает, что не существует универсального разрыва между поколениями с точки зрения ценностей и выбора поведения, а возможны только односторонние или частичные отличия.

В научной литературе недостаточно представлены исследования, в которых комплексно рассматриваются проблемы культурного взаимодействия между поколениями в семье с учетом социокультурных факторов, которые находятся в постоянной динамике. В связи с этим наш научный интерес связан с изучением практик по разрешению межпоколенных противоречий в России и Китае, поскольку на протяжении нескольких десятилетий до начала 1990-х гг. эти страны имели схожие социокультурные модели взаимодействия разных поколений. Советский социализационный проект воспитания поколений потерпел фиаско, Китай ищет свой путь в условиях культурной глобализации и нарастающих социокультурных вызовов современности.

Сравнивая основные направления исследований в России и Китае, можно убедиться, что в обеих странах сформировались исследовательские подходы, отражающие исторические и культурные доминанты столь разных стран [Андреев, Гешева, 2015]. Вполне справедливо М.А. Клупт отмечает, что трансформация всех сфер социальной жизни и в России, и в Китае в первую очередь отразилась на социальном институте семьи. В обеих странах фиксируется

большое количество «сбоев» при попытке найти баланс индивидуальных интересов супругов и представителей разных поколений [Клупт, 2019].

Анализ сформировавшихся в современной науке теорий разрыва поколений позволяет определить ее социокультурные особенности: процесс смены поколений в России, в Китае и во всем мире происходит на фоне политических, техногенных, экономических и социокультурных трансформаций; заимствование элементов субкультур глобального мира, основанного на доминировании ценностей развитых западных стран, имеет приоритетное значение по отношению к преемственности поколений; критическое отношение к традиционному наследию приводит к крушению авторитета старших возрастных когорт, девальвации ценностей и норм предыдущих поколений и затрудняет передачу их следующим поколениям.

Отметим, что формирование западных социальных ценностей происходило в течение длительного времени, например, индивидуализм, утилитаризм, прагматизм и либерализм повлияли на межпоколенные отношения и ценности современной западной цивилизации. В процессе капиталистического развития эти ценности эволюционировали, постепенно улучшались и обогащались и в конечном итоге сформировали относительно влиятельную традиционную западную систему ценностей. Теория «постматериалистических ценностей» [Inglehart, 2016: 27] предполагает, что базовые ценности западного общества претерпевают изменения и постепенно развиваются в сторону ориентации личности на ценности принадлежности, самовыражения, индивидуализации и символической свободы.

Для китайского и российского обществ ценности имеют свою национальную специфику. Если обратить внимание на воспроизводство традиционных ценностей в России и в Китае, их долгая история и национальные особенности имеют важное исследовательское значение. В свое время М. Вебер изучал взаимосвязь между китайской конфуцианской этикой, фамелизмом семьи и политическим устройством страны. Он считал, что уникальные организации родства сыграли особую роль в формировании традиционной социальной структуры китайского общества. Концепция семейственности глубоко укоренилась в сердцах людей. Семья и клан обладают могуществом и контролируют все аспекты общественной жизни, в том числе и интимную личную жизнь [Вебер, 2017].

Каждая культура создается в своей собственной природной и социальной среде, и в процессе развития она постоянно адаптируется, трансформирует свою среду и интегрируется с ней. С самого начала она неизбежно общается с другими окружающими культурами. Бесспорно, существуют большие различия между восточными и западными обществами и культурами [Yang Zihan, 2013]. Культурные паттерны Запада оказали огромное влияние на традиционное культурное наследие китайского и российского обществ, на ценностную ориентацию, жизнь и поведение людей. Вместе с тем это процесс взаимопроникновения всех культур в повседневную социальную реальность и Востока, и Запада, когда трансформации подвергается не только материальная, но и духовная жизнь людей.

Ученые подтверждают, что ценностные характеристики людей, живущих в китайском и русском обществах в переходный период, находятся под влиянием западных традиционных ценностей.

Так, Ляо Сяопин и Чэн Хайин в начале XXI в. подытожили изменения в китайских социальных ценностях после реформы и раскрыли следующие четыре трансформационных аспекта, наметившие переход в китайском обществе: от унитарной ценности к изменению взаимодействия с множеством ценностей; к слиянию целостных и индивидуальных ценностей; от идеальных ценностей к их сосуществованию со светскими ценностями; от духовных ценностей к духовным и материальным ценностям [Liao Xiaoping et al., 2005].

Эволюция семейных ценностей соответствует общей тенденции изменения социальных ценностей, поэтому межпоколенные взаимодействия также имеют указанные выше характеристики развития. Вполне очевидно, что дифференциация ценностей от поколения к поколению часто происходит в период культурных преобразований, особенно в период наиболее драматических социальных изменений. В настоящее время культурная трансформация еще более стремительна. Конфликт стал обыденным проявлением в системе социальных ценностей

молодых и старших поколений. Межпоколенческое взаимодействие также подверглось беспрецедентному давлению бесконечного потока культурных изменений [ibid.: 13].

В Китае культурный конфликт между поколениями достиг своего пика в конце 1990-х гг. и ознаменовался победой молодежи над поколением пожилых людей [Yan Yunxiang, 2003: 23]. В традиционном китайском обществе, где доминировало самодостаточное мелкое крестьянское хозяйство, культурные изменения происходили крайне медленно, а межпоколенческий обмен шел по устоявшимся культурным правилам. Социологической интерпретации изучение межпоколенческих отношений со стороны китайских ученых подверглось сравнительно поздно. Свое концентрированное выражение они нашли в исследованиях, в том числе авторских, посвященных изучению конфликтов поколений, взглядов на рождаемость, потребление, семейных ценностей, личных жизненных стратегий различных возрастных когорт, распределению социальных ролей с учетом гендерной специфики [Лю, Абрамов, 2021].

Изучение современных и традиционных семейных ценностей межпоколенного взаимодействия в России и Китае связано с разрешением противоречия между объективной необходимостью сохранения лучших культурных традиций трансмиссии семейных ценностей в условиях трансформации всех сфер жизнедеятельности людей и наличием большого количества социокультурных «сбоев». Данное противоречие конкретизируется следующими обстоятельствами: богатое культурное наследие народов России и Китая и существенная трансформация межпоколенческих отношений, приводящая к нарушению преемственности культуры, которая ставит под угрозу существование всего общества; объективно сложившийся научный интерес к преодолению «межпоколенческого конфликта» и недостаточное количество исследований, рассматривающих межпоколенные взаимодействия в семье как социокультурный феномен.

Методическое обеспечение исследования. Теория разрыва поколений применена для анализа последствий социальной модернизации и информационной глобализации, когда скорость культурного замещения увеличилась, постсимволизированная культурная форма, в которой доминируют пожилые люди в традиционном обществе, изменилась, а отношения между поколениями продемонстрировали характеристики контроля, взаимодействия и отчуждения. Использование теории модернизации семьи и функциональной теории в сочетании с текущим фоном социальных преобразований способствовало разработке обоснованных способов минимизации социокультурных рисков «разрыва поколений».

Эмпирическая база представлена результатами авторских исследований «Межпоколенная гармония в условиях социокультурных изменений», проведенных в Курской области ($N = 894$, апрель – май 2021 г., выборка квотная) и в провинции Шаньси Китая ($N = 907$, сентябрь 2020 г. – май 2021 г., выборка квотная) в форме онлайн-анкетирования с целью сравнительного анализа трансформации культуры межпоколенных отношений в России и в Китае. Опрос проводился среди родившихся в период с 1960 по 2000 г. Распределение выборки по поколенческим группам в России и в Китае представлено в табл. 1. Мужчины составили 46,9% от общего числа, 80,6% респондентов находились в официальном браке.

Таблица 1

Распределение выборки по возрастным группам и месту жительства

по возрасту (году рождения)	Распределение поколений			
	по месту жительства			
	Китай		Россия	
	город	сельская местность	город	сельская местность
1960–1969	116	131	116	120
1970–1979	48	124	48	121
1980–1989	219	28	220	28
1990–2000	208	33	208	33
Итого	591	316	592	302

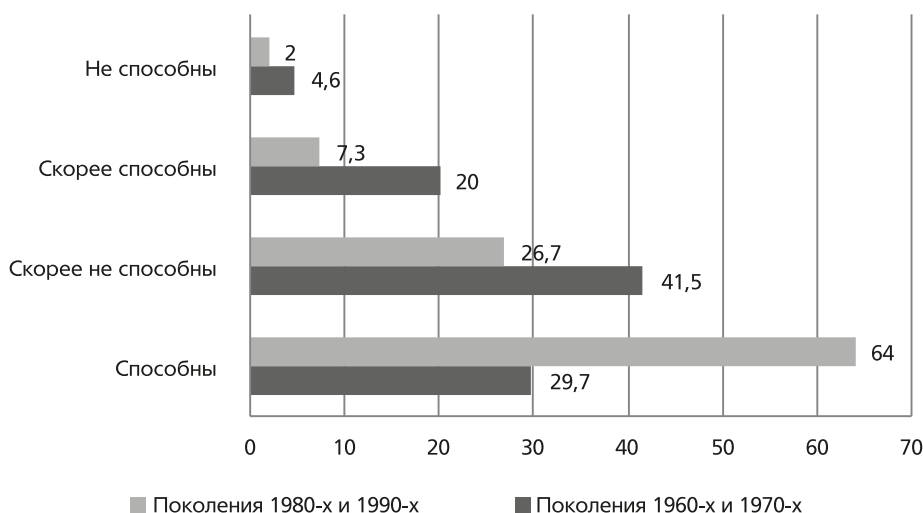

Рис. 1. Способность поколений самостоятельно решать социальные проблемы, в %

Обсуждение и результаты. Как показало исследование, Китай и Россия демонстрируют схожие тенденции в субъективном восприятии того, как одни и те же поколения разделяют те или иные ценности. 37,5% китайцев из числа разных возрастных когорт отметили, что их взгляды на жизнь полностью совпадают с представителями других поколений. В России подобной позиции придерживаются 13,8%. Как видим, «разрыв» поколений в России более значителен, чем в Китае. В ходе исследования мы выяснили, что между китайскими и российскими поколениями, родившимися в 1960-х и 1970-х гг., и их детьми, родившимися в 1980-е и 1990-е гг., существуют различия в ценностных предпочтениях. Однако в субъективной оценке способности поколений решать свои социальные проблемы китайские и российские респонденты в целом показали более позитивное отношение. Но поколения 1980-х и 1990-х более оптимистичны в субъективной оценке самостоятельного решения своих социальных проблем (рис. 1).

В ходе нашего исследования мы выясняли типичные способы разрешения разногласий представителей поколения, родившихся в 1960–1970-е гг., со своими детьми (рис. 2). Несмотря на наличие определенных межпоколенческих различий и противоречий, у китайских и российских родителей и их детей достаточно высока доля предпочтений в отношении компромиссных методов разрешения разногласий. Так, в России компромисс

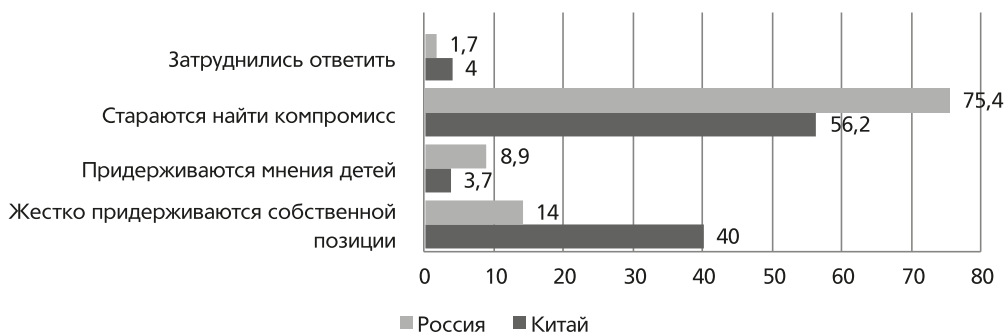

Рис. 2. Способы разрешения разногласий поколения, родившегося в 1960–1970-е годы, со своими детьми, в %

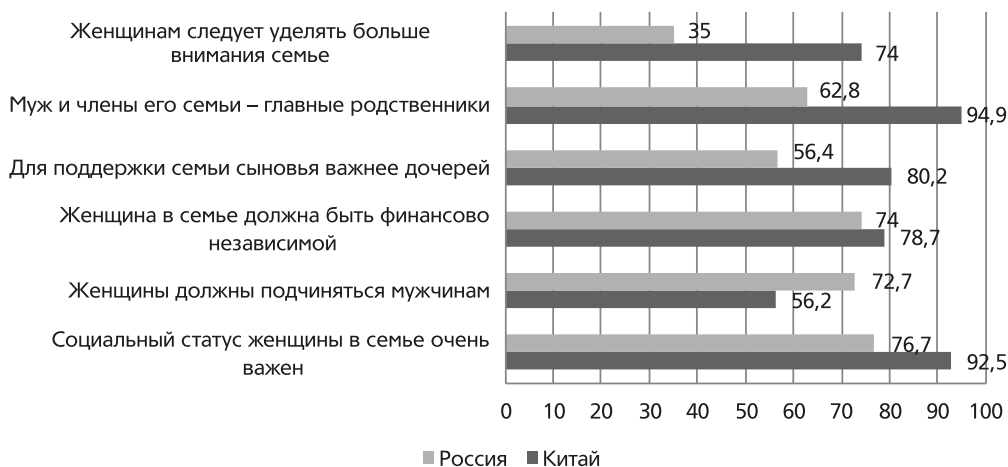

Рис. 3. Социальные роли и статусы мужчин и женщин, в %

определяется в качестве главного инструмента в разрешении подобного рода противоречий (75,4%). Однако доля китайцев, придерживающихся жесткого отстаивания своего родительского мнения (40%), выше, чем в России (14%).

Как показали исследования, различия в ценностях между китайским и российским обществами в переходный период отражаются в следующих аспектах.

Ценностное понятие «равенство и свобода мужчин и женщин». Суждения респондентов из Китая и России относительно социальных ролей и статусов мужчин и женщин демонстрируют некоторые различия по шести гендерным выборкам (рис. 3).

С точки зрения выбора относительно проживания в семье родителей мужа в качестве основной доля российской выборки выше, чем китайской. В российской выборке 70,2% респондентов считают, что статус родителей ни одного из супругов не должен доминировать после брака; 22,9% полагают, что следует жить отдельно от своих старших родственников, что их собственная небольшая семья должна стать приоритетом; только 5,1% россиян считают, что семья родителей мужа должна быть основной. Напротив, только 26,8% китайцев полагают, что статус обоих родителей после брака одинаков, а 37,2% опрошенных по-прежнему признают, что семья родителей мужа должна быть опорой.

Анализируя выбор поколений китайцев по шести пунктам измерения статуса мужчины и женщины в семье, обнаруживается, что при выборе основной семьи после брака суждения поколений, родившихся в 1980-х и 1990-х гг., примерно тождественны. Представители этих поколений в большинстве своем не согласны с тем, что семья мужа должна выступать в качестве основной семьи. Только 7,3% представителей поколения, рожденных в 1980-х, и 13,3% поколения 1990-х считают, что мужчины должны занимать главный статус в семье после брака. Доля тех, кто считает, что женщины должны быть финансово независимыми, у поколений, родившихся в 1980-х и 1990-х гг., существенно выше, чем у поколений, родившихся в предыдущие десятилетия (см. табл. 2).

Полученные данные отражают динамику усиления положения женщины в китайской семье. Современное общество оказало фундаментальное влияние на традиционно доминирующее положение мужчин, особенно в сельской местности. Социальный и экономический статусы мужчин и женщин в современной социальной реальности постепенно выравниваются. Индустриализация и модернизация привели к тому, что мужчина и женщина, как две равные «половинки неба», обрели беспрецедентное чувство независимости.

Таблица 2

Статусные позиции мужчин и женщин в семье
(суждения в %; в числителе – Китай, в знаменателе – Россия)

Переменная		Поклоение, родившееся в:			
Суждение	Ответ	1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–1999
Статус женщины в семье очень важен	согласен	58,5	37,9	98,8	99,2
	согласна	90,4	94,6	93,2	91,3
Женщины должны быть финансово независимыми	согласен	52,1	38,5	96,8	95,4
	согласна	37,2	44,2	74,3	87,2
Женщины должны подчиняться мужчинам	не согласен	49,2	48,5	89,5	95,4
	не согласна	48,4	48,8	81,4	88,4
Для поддержки семьи сыновья важнее дочерей	не согласен	40,7	17,8	72,2	82,6
	не согласна	72,2	82,3	81,1	93,5
После свадьбы муж и члены его семьи – главные родственники	не согласен	31,8	30,8	92,7	86,7
	не согласна	95,9	92,7	96,6	95,7
Женщинам следует уделять больше времени для повседневной семейной жизни	согласен	66,1	43,8	81,9	61,8
	согласна	86,4	80,2	87,9	68,5

Согласно результатам опроса экспертов из числа специалистов в области семейных отношений ($N = 10$, май–июнь 2021 г., провинция Шаньси, Китай), несмотря на то, что в последнее время уделяется большое внимание правам женщин, в процессе их реального вхождения в общество и выполнения трудовых функций присутствует некоторая дискриминация в размере оплаты труда по сравнению с мужчинами. Подобная ситуация приводит к тому, что женщины вынуждены брать на себя больше домашней работы и вспомогательных обязанностей на уровне семейного экономического разделения труда, высвобождая своих мужчин для исполнения формальных трудовых функций и формальной занятости. Эксперты считают, что это связано с влиянием традиционной китайской культуры на образ жизни мужчин и женщин. Традиционные китайские добродетели бесосознательно формировали уклад домашних занятий китайских женщин.

Сравнение ценностных суждений между поколениями россиян 1960-х, 1970-х, 1980-х и 1990-х годов рождения показывает, что наиболее ярко различия выражены по двум позициям из шести, таким как «финансовая независимость женщин» и «женщины должны подчиняться мужчинам». По остальным переменным нет существенной разницы в суждениях поколений, родившихся в этот период. Другими словами, с переходом из поколения в поколение не произошло принципиальных изменений в роли женщин и их статусе в семье. Равенство статуса мужчин и женщин не является «новой концепцией», появившейся в российском обществе в переходный период.

Взгляд на брак стал более открытым и свободным. Сравнительный анализ суждений относительно взглядов россиян и китайцев на концепцию брака показывает, что респонденты солидарны по двум пунктам: «чувство брачной ответственности» и «важность экономической основы брака». Не столь значительно отличаются взгляды респондентов по позициям «допускают внебрачные связи» и «брак без регистрации» (в России – несколько выше). Вместе с тем в суждениях респондентов обеих стран присутствует существенная разница по одной переменной. Так, доля китайцев, согласных с чувством признания важности брака, составляет 74,9%, что намного выше, чем у 24,4% россиян, придерживающихся подобного мнения (см. табл. 3).

Чувство ответственности и консерватизм в китайской концепции брака считаются традиционными добродетелями нации и основными ценностями, отстаиваемыми обществом. Общество укрепило признание людьми этих добродетелей через образовательные каналы в СМИ и религиозное просвещение. По сравнению с Западом и российским обществом межпоколенные отношения в традиционном китайском обществе строятся на

Таблица 3

Взгляды поколений на брак в России и в Китае (в %)

Переменная	Страна	Суждение			
		полностью согласен	скорее согласен	скорее не согласен	полностью не согласен
Признание важности брака	Россия	8,0	16,4	44,0	31,5
	Китай	74,9		25,1	
Брачная ответственность	Россия	34,1	41,8	10,7	13,4
	Китай	72,7		27,3	
Допускают внебрачные связи	Россия	20,5	15,5	19,6	44,3
	Китай	29,9		70,1	
Допускают брак без регистрации	Россия	16,4	34,6	29,6	19,4
	Китай	42,3		57,7	
Важность экономической основы брака	Россия	8,3	37,0	15,7	39,1
	Китай	43,3		56,7	

чувстве семейной ответственности индивида, на моральной этике и контроле со стороны рода. Хотя в целом отношение китайцев к браку является относительно консервативным и традиционным, различия между поколениями все же существуют. Приведем данные сравнительного анализа различий между китайскими поколениями, родившимися в 60-х, 70-х, 80-х и 90-х годах XX в. (рис. 4).

В ценностной риторике китайских поколений существенные различия наблюдаются по всем позициям. Целью союза мужчины и женщины в переходный период становится не просто иметь детей, передавать им свою родословную и обеспечивать чистоту отцовской линии, но также стремиться к собственному и семейному счастью. Рождение детей призвано не только продолжить свой род и наследовать семейный бизнес, но и укрепить отношения между мужем и женой, обеспечить стабильность семьи и заинтересованность в браке. Кроме того, поколение, родившееся в 90-е, демонстрирует тенденцию к диверсификации ценностей с точки зрения концепции брака. Среди них 57,7% респондентов согласились с «чувством супружеской ответственности», хотя его доля была самой низкой среди всех поколений; 60,2% поколения 90-х заявили, что они могут согласиться с «внебрачными отношениями»; 72,2% допускают брак без регистрации. Вместе с тем суждение о том, что «экономическая основа важнее любви», поколения 80-х составляла 73%, а рожденных в 90-е – только 23,7%, что отражает постматериалистические характеристики современного Китая. Таким образом, для китайского общества материальные ценности в браке отходят на второй план.

Сравнение различий в суждениях между поколениями россиян приведены на рис. 5. Иллюстрация показывает, что важность брака в личной жизни, брачная ответственность россиян имеет тенденцию к снижению. Если 34,3% поколения 60-х признавало важность брака, то согласились с этим родившиеся в 90-е лишь 16,5% респондентов. Одобряющих суждений в отношении лояльного отношения к браку без регистрации среди россиян также стало в два раза больше. Риторика относительно важности материальных основ брака у всех поколений осталась практически неизменной. Можно заключить, что в настоящее время россияне демонстрируют современный тренд ценности брака, отношение людей к браку стало более свободным и открытым.

Концепция старости объединяет общие идеи традиций и современности. Сравнение суждений респондентов из Китая и России о пожилых людях показывает, что обе страны сосредоточены на разрешении двух вопросов: наличие независимого жизненного пространства для пожилых людей; концепция ухода за пожилыми людьми.

Из распределения пропорций выборки видно, что китайцы, в отличие от россиян, более терпимы в отношении проживания со своими пожилыми родственниками (см. табл. 4).

Таблица 4

Отношение к совместному проживанию с пожилыми поколениями

Переменная	Страна	Суждение		
		Жить самостоятельно	Жить совместно с детьми	Другое
Жилое пространство для пожилых людей	Россия	57,0	33,5	9,5
	Китай	23,6	76,4	

Однако в контексте нерационального развития социальных услуг по уходу за пожилыми людьми поддержка детей из поколения в поколение по-прежнему является важным фактором, ограничивающим качество жизни пожилых людей в более позднем возрасте.

В Китае, в отличие от России, суждения имеют направленность на то, что забота о старших поколениях – это обязанность, прежде всего, членов семьи (более 80% выборов). В России в равной степени эти обязанности, по мнению опрошенных, должны быть распределены между государством и членами домохозяйств. Сравнивая ценностные представления китайских поколений, родившихся в 1960-х, 1970-х, 1980-х и 1990-х годах, обнаружено, что существуют некоторые различия в суждениях относительно «жизненного пространства пожилых людей» и «концепция ухода за пожилыми людьми». Респонденты, родившиеся в 60-х и 70-х гг., охотнее выбирают модель совместного проживания со своими детьми (97,5 и 93,5% выборов соответственно). В свою очередь подобной точки зрения придерживаются 69% поколения, родившегося в 1980-е гг., и лишь 51,5% поколения 1990-х.

Традиционная семья претерпела серьезные изменения, а вместе с этими трансформациями подверглась модификации концепция заботы о старших поколениях. Традиционная модель семьи с совместным проживанием нескольких поколений исчерпала себя. Современные поколения все более уединяются и дистанцируются от старших.

Семейная гармония и концепция индивидуального развития. Результаты исследования демонстрируют наличие в двух странах трех ценностных поколенческих стратегий семейных отношений: «сосредоточенность на семейной гармонии», «сосредоточенность на личностном развитии» и «баланс отношений между ними» (см. табл. 5).

Очевидно, что китайцы более консервативны в семейном и личном выборе, ценят семейные интересы и следуют традиционным представлениям. Взаимодействие между поколениями в семье носит характерные черты времени.

Межпоколенческий дискурс не может полностью сохранить исходные традиционные культурные черты, как и не может быть полностью ниспровергнут и реконструирован. Китайская семья обеспечивает поколениям близость, защиту, стабильность и особое чувство культурной идентичности. Все поколения интегрированы в единое целое и по-прежнему сохраняют традиционные культурные ценности межпоколенного взаимодействия, основанные на семейной гармонии. Как видим, присутствуют существенные различия

Таблица 5

Статус-кво китайской и российской межпоколенческой семейной ценностной идентичности (в %)

Переменная	Страна	Поколения			
		1960–1969	1970–1979	1980–1989	1990–1999
Сосредоточенность на семейной гармонии	Китай	60,2	78,1	46,0	48,1
	Россия	44,6	32,1	27,1	13,0
Сосредоточенность на личностном развитии	Китай	–	–	2,4	1,2
	Россия	1,4	8,3	5,1	16,3
Баланс отношений между ними	Китай	39,8	21,9	51,6	50,6
	Россия	54,0	59,6	67,8	70,7

по первым двум переменным, особенно эта разница ощутима у поколений, родившихся в 1990-е гг. Сосредоточенность на семейной гармонии для китайцев более значимая переменная, чем для россиян. С другой стороны, это показывает, что китайцы и россияне постепенно ослабляют свое семейное сознание, отношение людей к традиционным концепциям становится все более рациональным и разнообразным.

Межпоколенческие различия в семейных ценностях между Китаем и Россией в переходный период не только фиксируют изменения в семье, но и отражают общую мировую тенденцию трансформации культуры. Пожилые утрачивают свой прежний авторитетный статус. Традиционная модель уважения старших в качестве основы межпоколенных отношений низвергнута.

Выводы. В период экономических и социальных преобразований в Китае и в России происходит смена традиционных семейных ценностей. Семья становится культурно конструируемым социумом. Современное российское общество отличается большей, по сравнению с Китаем, вариативностью форм межпоколенного взаимодействия. Культурные практики китайских и российских родителей теряют авторитарность, демократизируются, в большей мере ориентируются на внешнее образование, чем на воспитание в семье.

Под воздействием процесса культурной глобализации произошли социокультурные изменения, приведшие к ослаблению культурной идентичности и унификации моделей межпоколенных взаимодействий. Происходящие в России и в Китае изменения в сфере семейных отношений вписаны в глобальные тренды культурной трансформации. В межпоколенных взаимодействиях начинает возрастать индивидуализм, прагматизм, материализм и либерализм. Нарастание анонимии, разрушение ценностей традиционной семьи; гендерные противоречия; культурная вестернизация; отсутствие авторитетов; индивидуализм и прагматизм определяются в качестве социокультурных рисков «разрыва поколений», существенно влияющих на наследование традиционной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Л., Гешева Е.Г. Россия и Китай: молодежь XXI века // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 145–148.
- Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм // Пер. с нем. и предисл. О.В. Кильдюшова. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Клупт М.А. Семья в России и Китае: между реформами и традицией // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 65–75.
- Hill R. A critique of contemporary marriage and family research // Social Forces. 1955. No. 33. P. 268–277.
- Hill R., Katz A., Simpson R. An inventory of research in marriage and family behavior // Marriage and Family Living. 1960. No. 22. P. 265–281.
- Li Qingshan. A review of the “generation gap” research in American sociology // Youth Studies. 1986. No. 5. P. 143–151.
- Liao Xiaoping, Cheng Haiying. On the changes in the values of Chinese society since the reform and opening up // Journal of Hunan Normal University (Social Science Edition). 2005. No. 6. P. 13–17.
- Liu Yong. Western scholars’ research on the “generation gap” // Youth Research. 1983. No. 5. P. 53–61.
- Ingelhart R. A quiet revolution. Shanghai People’s Publishing House, 2016.
- Yan Yunxiang. Private Life under Socialism: Love, Intimacy, and Family Change in a Chinese Village, 1949–1999. Stanford University Press, 2003.
- Yang Zihan. Analysis of Civilization Conflicts from the Perspective of Modern Western Value Communication // Jiangxi Social Sciences. 2013. No. 5. P. 227–234.

Статья поступила: 03.08.21. Финальная версия: 07.11.21. Принята к печати: 27.12.21.

MODERN AND TRADITIONAL FAMILY VALUES OF INTERGENERATION INTERACTION IN RUSSIA AND CHINA

ABRAMOV A.P.*, LIU ZE*

*Southwest State University, Russia

Alexander P. ABRAMOV, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof. of the Department of Philosophy and Sociology, (abramov_ap@inbox.ru); Ze LIU, Post-graduate student of the Department of Philosophy and Sociology, Faculty of Economics and Management (liuzeaimama@126.com). Both – Southwest State University, Kursk, Russia.

Abstract. On the basis of empirical data, the conditions and factors of transformation of family values are identified, the main ones of which are determined: the ongoing processes of socio-cultural modernization, high rates of technologization and information globalization. Intergenerational differences in family values between China and Russia during the transition period not only record changes in the family, but also reflect the general global trend of cultural transformation. Older people are gradually losing their former authority status. The traditional cultural model of respect for elders, as the basis of intergenerational relations, has been overthrown. In the process of the evolution of values during the transition period, the industrial civilization, development of urbanization and industrialization, did not obliterate fragments of the traditional Russian and Chinese family culture of intergenerational interaction.

A pre-industrial society differs from an industrial society, and the development model of developing countries differs from the development model of developed countries. After the reforms and opening up, Russian and Chinese societies are still in the process of modernization; therefore, family values and the process of cultural transformation itself still differ from the values of developed Western capitalist countries. Despite the existing differences between the modern concepts of industrialization and urbanization, on the one hand, and the traditional cultural practices of intergenerational interactions of Chinese families, on the other, it did not lead to their complete cultural “replacement” by the forms and models of our time.

Keywords: family values, intergenerational interaction, culture, Russia, China.

REFERENCES

- Andreev A.L., Gesheva E.G. (2015) Russia and China: Youth of the XXI Century. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 12: 145–148. (In Russ.)
- Hill R. (1955) A critique of contemporary marriage and family research. *Social Forces*. No. 33: 268–277.
- Hill R., Katz A., Simpson R. (1960) An inventory of research in marriage and family behavior. *Marriage and Family Living*. No. 22: 265–281.
- Ingelhart R. (2016) *A quiet revolution*. Shanghai People's Publishing House.
- Klupt M.A. (2019) Family in Russia and China: Between Reforms and Tradition. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research]. No. 5: 65–75. (In Russ.)
- Li Qingshan (1986) A review of the “generation gap” research in American sociology. *Youth Studies*. No. 5: 143–151.
- Liao Xiaoping, Cheng Haiying (2005) On the changes in the values of Chinese society since the reform and opening up. *Journal of Hunan Normal University* (Social Science Edition). No. 6: 13–17.
- Liu Yong (1983) Western scholars' research on the “generation gap”. *Youth Research*. No. 5: 53–61.
- Liu Ze, Abramov A.P. (2021) Modern Chinese model of socio-cultural interaction between generations: from tradition to innovation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management]. No. 11(2): 192–202. (In Russ.)
- Weber M. (2017) Economic ethics of world religions: Experiments in the comparative sociology of religion. *Confucianism and Taoism*. SPb.: Vladimir Dal. (In Russ.)
- Yan Yunxiang. (2003) *Private Life under Socialism: Love, Intimacy, and Family Change in a Chinese Village, 1949–1999*. Stanford University Press.
- Yang Zihan. (2013) Analysis of Civilization Conflicts from the Perspective of Modern Western Value Communication. *Jiangxi Social Sciences*. No. 5: 227–234.

Received: 03.08.21. Final version: 07.11.21. Accepted: 27.12.21.

А.В. ВЕРЕЩАГИНА, Э.М. ЗАГИРОВА

МНОГОЖЕНСТВО В ДАГЕСТАНЕ В ОПТИКЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ВЕРЕЩАГИНА Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия (anrietta25@mail.ru); ЗАГИРОВА Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра, Махачкала, Россия (elvira.2005@inbox.ru).

Аннотация. Многоженство в условиях современного мира не является редкой формой семейно-брачных отношений, а для дагестанского общества оно стало особенно актуальным. Реализация практик многоженства противоречива: с одной стороны, она негативно воспринимается большинством жителей республики, а с другой – устойчиво закрепляется в структуре семейно-брачных отношений. Почему это происходит? Попытаемся ответить на этот вопрос с позиции общественного мнения жителей Дагестана. В статье представлены результаты авторского социологического опроса жителей республики (N = 507) по репрезентативной выборке. Результаты свидетельствуют: многоженство в Дагестане в значительной степени отклоняется от норм и принципов, исторически сложившихся в мусульманской традиции полигамии, в результате чего эта форма становится неприемлемой даже для истинно верующей части населения, принимающей в качестве нормы ислама практику многоженства. Развивающаяся в такой логике практика многоженства самым разрушительным образом действует на традиционный институт семьи в Дагестане, порождая динамику разводов и закрепляя деструктивный вектор развития семейно-брачных отношений.

Ключевые слова: многоженство • семья • брак • архайзация • семейно-брачные отношения • Дагестан • ислам • полигамия

DOI: 10.31857/S013216250016856-4

Многоженство в общественном и научном дискурсе. Современный научный дискурс представлен исследованиями, характеризующими архайческий вектор развития различных социальных практик и институтов современного общества. В фокус исследовательского внимания в контексте архайзации попадают институты образования, права, политики, экономики и семьи как социального института, с одной стороны, наименее склонного к изменениям под влиянием внешних вызовов и перемен, а с другой – наиболее подверженного различного рода воздействиям в рамках социально-экономической, политической, социокультурной ситуации, внедряемых инноваций в их соотнесенности с традиционными ценностями и устоями. В данном ключе интерес представляет многоженство как явление, распространенное не только в ареалах его традиционного развития. Европейские, американские и российские ученые поднимают вопросы об эволюции моногамии, ее преимуществах и недостатках перед полигамией, особенностях распространения последней в современном мире; проблемах детей в полигамных семьях [Alexandre, 2007; Al-Sharfi et al., 2016; Lawson et al., 2015 и др.]. Отдельные исследования зарубежных ученых посвящены многоженству в российском обществе [Kończak, 2018], которое распространяется на всем постсоветском пространстве [Бибикова, 2019], особенно в регионах с доминантным представителем населения, исповедующего ислам. Одним из таких регионов традиционно

отмечается Северный Кавказ¹, вопреки сложившимся представлениям не имевший в прошлом широко распространенной (в масштабах всего населения) практики многоженства. В дореволюционный период она была распространена, как правило, в среде обеспеченных слоев населения, так как, согласно Корану, мусульманин должен в равной мере обеспечить всех своих жен и вниманием, и любовью, и материально [Хапчаев, 2019: 74]. Это относится и к Дагестану, для которого, как показывает анализ исторических и этнографических источников, не характерны в дореволюционном прошлом массовые практики многоженства, поскольку последнее было привилегией знати и богатых, а большая часть населения оставалась моногамной [Загирова, 2021]. В настоящее же время Дагестан вызвал волну общественного и научного внимания как регион с динамично и противоречиво развивающимся институтом полигамии в формате многоженства. В этом контексте остро стоят вопросы правовой незащищенности «вторых жен» и их детей, имитации многоженства и использования этой формы брака в иных (зачастую безнравственных) целях, нарушения законов и принципов шариата в отношении многоженства² и необходимости его правильной интерпретации и пропаганды в обществе³. В центре научного дискурса оказываются все те же вопросы, связанные с реализацией идеологии полигамии в современном Дагестане. Социологи, обращающиеся к этой проблематике с различных теоретических и эмпирических оснований, солидаризируются по двум позициям [Габараева, 2020; Загирова, 2021]: 1) неприятие многоженства большинством населения при его достаточно устойчивой динамике распространения; 2) противоречивый, вызывающий деструктивные последствия формат реализации полигамной семейной стратегии.

Стоит оговориться, что достоверной статистики многоженства и его динамики в России и ее отдельных регионах нет. Таковая не ведется, и на это обращают внимание все исследователи данного явления, однако имеющиеся сведения в работах отдельных авторов, ссылающихся на опыт общения с духовными лидерами регионов распространения многоженства, а также эмпирические замеры, в том числе сетевого пространства [Габараева, 2020; Лурье, 2016; Галиева, 2018], позволяют сделать вывод о степени распространенности многоженства в современной России, и в Дагестане в частности. Можно с уверенностью предположить, что многоженство в значительной мере определяет траекторию трансформации института семьи и вектор социокультурной динамики дагестанского общества. На данный момент этот вектор детерминирован тенденциями архаизации [Клименко, 2013], что усиливает позиции полигамии как идейно-смыслового наполнения семейных практик дагестанских народов.

Безусловно, возрождение архаичных явлений происходит под влиянием определенных факторов как объективного, так и субъективного порядка. И институт многоженства в своем историческом становлении и современном оформлении имеет глубокие основания, в числе которых исследователи, прежде всего, выделяют экономические, продуцирующие ситуацию гендерного неравенства в семье и обществе [Раджабов, Миримова, 2019]. Так или иначе, но сама социальная реальность с ее условиями, вызовами и угрозами становится фактором актуализации забытой практики многоженства. Социологический ракурс определяет в качестве центрального вопроса не столько вопрос о социокультурных основаниях и факторах возрождения многоженства, хотя и этот аспект, безусловно, важен для объяснения реалий многоженства в семейно-брачной практике населения современного Дагестана, сколько вопрос об отношении к этому социальному явлению с позиций его оценки (позитивной/негативной), порождающих причин и социальных последствий. Целый

¹ На Северном Кавказе многоженство снова становится нормой? // URL: <https://rus.azattyq.org/a/mistresses-in-law-becomes-a-norm-in-northern-caucasus/29465336.html> (дата обращения: 07.05.2021).

² Терентьев А. Многоженство, строгие традиции и доброта // URL: <https://lenta.ru/articles/2021/05/21/dagestan/> (дата обращения: 05.09.2021).

³ Маромедов В. В Дагестане нужна правильная пропаганда многоженства // URL: <https://www.kavkazr.com/a/v-dagestane-nuzhna-pravilnaya-propaganda-mnogozhenstva/30430484.html> (дата обращения: 05.09.2021).

ряд исследований фиксирует негативное отношение жителей Дагестана к многоженству, что соответствует общественному мнению по данному вопросу, зафиксированному в опросе ВЦИОМ, проведенному среди жителей 46 регионов страны в 2015 г.⁴ Данная оценочная позиция сохраняется на протяжении многих лет, при том, что она никак не влияет на динамику распространения полигамной практики в Дагестане, – институт многоженства здесь устойчиво развивается, конкурируя с институтом моногамии. Устойчивость последнего, по мнению специалистов, находится в прямой зависимости от динамики многоженства в России, так как создание мужчиной (мужем) параллельной семьи становится причиной развода во многих дагестанских семьях, поскольку многоженство в массовом сознании зачастую ассоциируется с «институтом узаконенных любовниц»⁵.

Очевидное социальное противоречие, связанное с распространением многоженства в Дагестане на фоне закрепившегося в массовом сознании негативного отношения, порождает когнитивный интерес и актуальную научную проблему. Ее социологическое изучение предопределило разработку авторами эмпирического инструментария и проведение на его основе массового опроса мужского и женского населения Дагестана.

Материалы и методы исследования. Социологическое исследование, посвященное изучению отношения дагестанских мужчин и женщин к многоженству, проведено в 2021 г. Основным методом исследования стал стандартизированный массовый опрос, в котором приняло участие 507 чел., представляющих городское и сельское население республики: г. Дербент (57 чел.), г. Махачкала (280); Ботлихский район (26), Дербентский район (48), Казбековский район (21), Кизлярский район (208), Кизилюртовский район (27), Левашинский район (34), Хасавюртовский район (59). В опросе приняли участие 215 мужчин и 292 женщины. По уровню образования: 234 чел. со средним, 136 чел. со средним специальным и 137 чел. с высшим образованием; по возрасту: 0–19 лет (164 чел.), 20–35 лет (136), 36–50 лет (103), старше 50 лет (104); по отношению к религии – верующие (436), неверующие (19), колеблющиеся (26), не определили свое отношение к религии (26).

Репрезентативность исследовательского проекта обосновывается посредством реализации многоступенчатой стратифицированной пропорциональной выборки. Социологический опрос проведен с учетом географического положения Дагестана, осуществлен в городах и районах, расположенных в северной, равнинной и южной зонах республики (г. Махачкала, Дербент, Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский, Хасавюртовский районы), которые отличаются: а) полиэтничностью, б) типом религиозности (верующий, неверующий, колеблющийся), в) поликонфессиональностью (православные – мусульмане, внутри ислама – сунниты и шииты). Специфика проблемы, составившей основу эмпирического исследования, определила логику и содержание эмпирического инструментария (анкеты), в котором ряд вопросов предназначался только для женского подмассива респондентов.

Наша исходная гипотеза: возрождение многоженства в Дагестане – это своего рода реакция населения на неблагоприятные социальные-экономические условия, кризисная траектория развития которой сформировала необходимость адаптации к ней в формах, успешно апробированных в прошлом. Таким образом, многоженство есть результат архаизации семейно-брачной сферы, под которой мы понимаем процесс возрождения в современной реальности семейно-брачных отношений и практик в прежних (архаичных) формах, сложившихся в прошлом в границах этнической культуры того или иного народа [Верещагина, 2019: 513]. Однако многоженство, импульсивно развивающееся в Дагестане под влиянием религиозного возрождения, будучи частью мусульманской религиозной традиции, не стало легитимной, положительно воспринимаемой и гармонично вплетенной

⁴ ВЦИОМ: 87% населения против многоженства // URL: <https://iz.ru/news/587239> (дата обращения: 05.09.2021).

⁵ На Северном Кавказе многоженство снова становится нормой? // <https://rus.azattyq.org/a/mistresses-in-law-becomes-a-norm-in-northern-caucasus/29465336.html> (дата обращения: 05.09.2021).

в систему семейно-брачных отношений практикой, поскольку его реанимация в современных условиях приняла искаженную форму. По сути, речь идет о псевдомногоженстве, если отталкиваться от идейных оснований и принципов многоженства, исторически сформировавшихся в исламской этике и практике заключения брака.

Брак и многоженство в исламе: краткая характеристика основных постулатов.

Важно понимать, что многоженство не является для мусульманина обязанностью, наряду с другими столпами исламского учения (шахада, молитва, закят (пожертвование), пост (Ураза), хадж), есть определенные условия, при которых мужчина может брать «вторую жену». Заключение брака в исламе называется никах – это обычный брачный договор, который заключают сторона жениха и сторона невесты о том, что с этого времени они объявляют себя законными супругами и берут на себя определенные права и обязательства.

Ислам в отношении того, как должен вести себя мужчина в отношении своих супруг (первой, второй и т.д.), имеет четкие ориентиры: ко всем женам должно быть равное и справедливое отношение, находящее выражение, прежде всего, в материальном обеспечении. «Тайный никах» лишает «вторую жену» в случае смерти супруга права на его имущество, которое она имеет, согласно исламским нормам, но не может реализовать по причине тайного брака.

Принципы исламского права (фикха), воплощенные в реальной исторической практике, отражают характер условий, при которых оправдано заключение нового брака. К ним относятся бесплодие супруги; военная или послевоенная ситуация со значительным дисбалансом в количестве мужчин и женщин и некоторые другие, социально оправданные причины [Алимова, 2008]. Мужчина, решивший взять «вторую жену», должен знать, что второй брак автоматически увеличивает семейную ответственность в два раза. Сегодня этот принцип пропорционального количеству жен объема ответственности зачастую игнорируется многоженцами, что выражается в невысокой устойчивости подобных браков, а также становится фактором разрушения «первых» семей [Габараева, 2020] и привлекает общественное внимание к проблеме уязвимости «вторых жен» и необходимости придания им правового статуса⁶. Неудивительно, что в массовом сознании дагестанцев многоженство часто интерпретируется как «элементарная распущенность и безнравственность» [Алимова, 2008: 79].

Иными словами, архаизация семейно-брачных практик в современном дагестанском обществе, в частности тех, которые связаны с традицией полигамии, не сопровождается уважительным отношением к субъектам этих семейных практик, а следовательно, возникает закономерный вопрос: нуждается ли дагестанское общество в многоженстве как реальной семейно-брачной практике? Можно ли рассматривать многоженство в Дагестане исторической и социальной необходимостью с учетом сложившегося мнения со стороны населения? Ответы на эти вопросы невозможны без анализа реального состояния многоженства в регионе, которое в нашем исследовании предстает в преломленном через общественное мнение свете. В этом заключался наш исследовательский замысел.

Отношение к многоженству в Дагестане. Результаты нашего исследования подтвердили результаты других авторов в том, что в массовом сознании жителей Дагестана превалирует негативная оценка многоженства (рис.).

Полученный эмпирический материал показывает, что треть дагестанцев отрицательно относятся к многоженству с аргументацией о разрушительном влиянии данного явления на семью, ибо «не каждая женщина согласится с желанием своего мужа иметь “вторую жену”». Анализ по социально-демографическим признакам показывает наличие отличий во мнениях респондентов: так, среди женщин в два раза больше разделяющих данный тезис (42,5%) по сравнению с мужчинами (21,5%), а с возрастом увеличивается доля отрицательно

⁶ Магомедов З. В Дагестане нужна правильная пропаганда многоженства // <https://www.kavkazr.com/a/v-dagestane-pravilnaya-propaganda-mnogozhenstva/30430484.html> (дата обращения: 02.09.2021).

Рис. Отношение жителей Дагестана к многоженству (по итогам массового опроса, $N = 507$; в целом по массиву, %)

характеризующих институт многоженства с 25,5% в разрезе «до 20 лет» до 37,1% «старше 50 лет». Впрочем, такая же картина прослеживается и по уровню образования: чем он выше, тем больше количество респондентов, обозначающих угрозу многоженства традиционному институту семьи, – 26,7% со средним, 25% – средним специальным и 34,6% – высшим образованием. В группе верующих (одна треть) доля отрицательно характеризующих многоженство меньше при сопоставлении с группой неверующих (42,3%). Различие мнений фиксируется и при анализе ответов респондентов в зависимости от их семейного положения: состоящие в браке и не связанные брачными узами негативнее настроены в отношении многоженства (каждый третий), в подгруппе разведенных доля таковых заметно меньше (19,4%).

С заметным отрывом от предыдущей, отрицательной позиции (рис.) располагается положительная оценка института многоженства при условии, что «мужчина не уходит из «первой» семьи и ее обеспечивает» (21,1%). Эту точку зрения разделяет 27,4% мужского населения Дагестана; среди женщин таковых существенно меньше (16,1%). Анализ показывает, что материальное благополучие является «оправданием» многоженства для одной четвертой части респондентов в возрасте 20–50 лет, 19,6% – старше 50 лет, для каждого пятого, состоящего и не состоящего в браке.

С небольшой разницей на третьей позиции (рис.) расположился положительный вариант ответа относительно многоженства, но здесь для опрошенных принципиальное значение имеет базовое положение ислама, который допускает многоженство (19,7%). По гендерной принадлежности данную точку зрения разделяет больше мужской подмассив опрошенных (28,8%), нежели женский (13,0%). Анализ материалов опроса по другим параметрам показывает, что доля апеллирующих к мусульманству больше в возрастной подгруппе «20–35 лет», имеющих среднее образование и обозначающих свое отношение к религии как «верующие» (одна четвертая часть), в каторге находящихся в браке (каждый пятый).

Отрицательное отношение жителей Дагестана к многоженству наблюдаем у 17,6%, считающих, что «под многоженством пытаются прикрыть безнравственность». Среди них существенно больше колеблющихся и неверующих (каждый третий), женщин (25% против 7,4% мужчин), респондентов в возрасте 35 лет и старше, а также тех, кто имеет высшее

образование и проживает в городской местности (одна пятая часть). Более негативное отношение со стороны женщин к многоженству, нежели мужчин, связано с тем, что для последних полигамная стратегия стала отчасти и данью моде: ссылаясь на ислам, «преуспевающие» мужчины решают обзавестись «второй», а иногда и «третьей» женой, демонстрируя таким образом свой социальный успех. Такое демонстративное поведение близко к демонстративному потреблению в самом его деструктивном виде, когда обесценивается то, что прежде было бесценно (человеческие отношения, семья, любовь, дети, духовность и др.) [Filyushkina, Volkov, 2020], поскольку такого «успешного» мужчину зачатую совершенно не волнуют то, как скажется на психологическом состоянии семьи (первой жены и детей) решение о «расширении» состава семьи [Алимова, 2008: 77]. Однако необходимо принимать во внимание и тот факт, что «вторые жены» есть не только у состоятельных, но и не очень в материальном плане обеспеченных мужчин. Что же мотивирует эту категорию мужчин к принятию решения о полигамии? Полагаем, причина кроется все в том же стремлении продемонстрировать свою успешность, видимость материального благополучия путем подражания поведению обеспеченных мужчин, имеющих возможность позволить себе не одну жену.

Отметим последние две позиции: со знаком плюс по причине дисбаланса в численности мужчин и женщин (14,1%) и знаком минус (11,1%), так как многоженство в последнем случае рассматривается в качестве «пережитка прошлого». Примечательно, что наиболее значима данная точка зрения для старшей когорты респондентов (за 50 лет) – 17,5%, а наименее – в возрасте 20–35 лет (7,8%). Объясняется это, видимо, влиянием советской эпохи с ее традициями, идеалами светской семьи и моногамии как нормы советской семейной культуры, действительно, кардинально изменившей облик дагестанской семьи за годы советской власти [Vereshchagina et al., 2015].

Доля опрошенных, характеризующих многоженство как одно из проявлений архаизма, увеличивается с повышением их образовательного статуса. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении религиозного статуса респондентов: для неверующих характерен самый высокий процент ответов, демонстрирующих восприятие многоженства как пережитка прошлого, – 26,3%. Любопытно, что среди респондентов с положительной оценкой многоженства как способа осчастливить женщину в условиях численного превосходства мужчин, преобладают мужчины (24,2%), нежели женщины (6,5%).

«Вторая жена» в общественном мнении мужского и женского населения Дагестана. Масштабы распространения многоженства в современном дагестанском обществе неизвестны, ибо, как мы уже отмечали, отсутствует официальная статистика. Практика показывает, что женщины, находящиеся в статусе «второй жены», не всегда афишируют свое семейное положение по ряду причин, среди которых могут быть и угрозы со стороны первой жены и ее родственников, и страх общественного осуждения, и возможность неприятия такого брака матери со стороны детей (при их наличии), и др. Исходя из этого, респондентам был задан вопрос о том, как относится их ближайшее окружение к женщинам в статусе «второй жены».

В целом, 33,5% отрицательно относятся к категории женщин в статусе «вторая жена». Отмечается большой процент затруднившихся с ответом (22,5%), что может свидетельствовать о том, что при негативном отношении к институту многоженства в целом еще не сформировалось четкое отношение к женщинам, решающим на принятие статуса «второй» жены.

Женщин, отрицательно настроенных по отношению ко «вторым женам», почти в два раза больше (41,4%), чем мужчин (22,8%). Рост отрицательных установок отмечается с увеличением возраста и образовательного статуса.

По мнению каждого шестого опрошенного, к женщинам в статусе «вторая жена» в общественном сознании существует безразличное отношение, что косвенно свидетельствует об отсутствии осуждения в региональном социуме, хотя данный вывод делается очень осторожно, – реалии свидетельствуют о противоположном: женщины, столкнувшись с фактом «второй жены» у мужа, в своем большинстве, как показали данные нашего

Таблица

Отношение к поступку мужчины, тайно от первой жены/семьи вступившего в мусульманский брак со «второй женой» (N = 507; в %)

Варианты ответов	Да, правильно (по исламу имеет на это право)	Да, правильно (зачем расстраивать жену и ставить семью под угрозу разрушения, развода)	Нет, неправильно (нельзя скрывать от первой жены/семьи такие поступки, они вправе знать об этом)	Не берусь судить об этом (обстоятельства бывают разные)	Затрудняюсь ответить
Пол					
Мужской	13,5	7,4	48,4	23,7	3,7
Женский	7,9	5,5	53,4	27,4	4,5
Возраст					
До 20 лет	12,8	6,4	51,1	23,4	2,1
20–35 лет	10,9	5,2	53,4	25,4	5,7
36–50 лет	11,4	6,0	48,8	28,9	1,8
Старше 50 лет	10,3	8,2	50,5	19,6	6,2
Семейное положение					
Замужем/женат	11,0	6,3	48,3	27,9	4,4
Разведен(а)	12,9	4,8	51,6	25,8	3,2
Холост (не замужем)	10,3	6,5	57,0	20,6	4,7
Образование					
Среднее	17,3	5,3	52,0	18,7	1,3
Среднее специальное	13,4	5,4	46,4	25,9	2,7
Высшее	8,9	5,9	53,0	27,3	5,3
Отношение к религии					
Верующий	11,7	6,4	49,9	26,3	4,8
Неверующий	10,5	0	73,7	5,3	0
Колеблющийся	0	11,5	50,0	30,8	0
Место проживания					
Город	6,5	5,5	57,5	22,9	5,1
Село	16,6	7,0	42,8	28,8	3,1
Всего:	10,3	6,3	51,3	25,8	4,1

опроса, скрывают это от окружающих, воспринимая такой поступок мужа, в большинстве случаев совершаемый без ведома жены, как своего рода предательство, несмотря на апеллирование к исламу, который допускает многоженство. При этом большинство респондентов – и мужского (48,4%), и женского (53,4%) пола – расценивает тайный брак мужчины со «второй женой» как поступок неправильный (табл.). А по всему массиву эмпирических данных сторонников этой позиции 51,3%.

С заметным отрывом второе ранговое место занимает вариант ответа «не берусь судить об этом, обстоятельства бывают разные» (25,8%). Позиции «правильно (по исламу имеет на это право)» придерживается 10,3% респондентов: мужчин больше (13,5%) по сравнению с женщинами (7,9%). Но даже среди верующих процент позитивно относящихся к практике многоженства весьма невелик – 11,7%.

Таким образом, эмпирические данные свидетельствуют о том, что чуть больше половины опрошенных по всему массиву считают неправильным скрывать от первой жены наличие «второй жены» и семьи, и данная позиция практически не зависит от социально-демографических характеристик респондентов, их семейного статуса, религиозных установок. Возможно, именно такое распространенное поведение дагестанских мужчин, тайно создающих параллельные семьи без учета интересов «первой» семьи, ценностных установок первой супруги, реакции детей, выступает основной причиной столь противоречивого отношения к многоженству в мусульманской республике, когда, с одной стороны, такая форма семейно-брачных отношений может стать необходимой и важной в поддержке попавших в затруднительное (бедственное) положение женщин, особенно с детьми [Габараева, 2020: 250], а с другой – происходит повсеместное нарушение норм ислама и элементарной семейной этики в процессе реализации полигамной стратегии дагестанскими мужчинами, весьма вольно, в зависимости от собственных интересов, трактующими право мусульманина иметь несколько жен.

Поведенческие установки первых жен в контексте ситуации «вторая жена». Не вызывает удивления тот факт, что дагестанские женщины в своем большинстве (43,2%) рассматривают многоженство в таком, тайном от жены, формате, как предательство, а потому в случае возникновения подобной ситуации (если узнают о «второй жене» у мужа) готовы подать на развод.

Выделяется в качестве противоположной, набравшей немалое количество голосов респонденток, позиция положительного свойства, с нормальным отношением к указанной ситуации (26,7%) в силу того, что «ислам допускает многоженство и все осталось бы по-прежнему», т.е. семье первой жены в данном случае ничего бы не угрожало. Готовность бороться за свой брак, используя различные модели поведения, данными нашего опроса не подтверждается, и суждения «постаралась бы убедить мужа развестись со «второй женой»» и «приложила бы все усилия, чтобы их развести» отмечена статистически незначимой частью опрошенных – 5,4 и 5,2% соответственно. Можно сказать, что более активную позицию демонстрируют возрастные группы до 20 лет (6,4%) и старше 50 лет (9,3%), а также имеющие среднее специальное образование (9,8%) и неверующие (10,5%), которые предприняли бы какие-то действия, чтобы разрушить брак со «второй женой». Метод «убеждения» готовы использовать респондентки старше 50 лет (9,3%), не состоящие в браке (6,5%) и имеющие среднее образование (6,7%).

Таким образом, можно утверждать, что дагестанским женщинам нехарактерно пассивное семейное поведение, они не готовы смириться с существованием «второй жены» и, соответственно, «второй семьи». В случае обнаружения «второй жены» первая супруга готова на решительные действия – развод с аргументацией «предательства» со стороны своего супруга. На такую позицию дагестанской женщины не влияет отношение к религии (верующий/неверующий). Значительное влияние на поведение женщины оказывают возраст, уровень образования и семейное положение, и при этом среди разведенных женщин больше тех, кто готов развестись при обнаружении «второй жены» (37,1%). Можно предположить, что и первый брак этих женщин мог распасться по причине неверности супруга или обнаружения «второй жены».

При том, что утвердительно о существовании многоженства в ближнем окружении заявила одна четвертая часть респондентов, среди них большая часть женщин (37,4%), установка на то, чтобы согласиться стать «второй женой», характерна только для 7,2% женщин при 15,4% затруднившихся с ответом; 73,6% женщин в категоричной форме не приемлют для себя данный статус. Такая модель брачного поведения дагестанской женщины наиболее характерна для представительниц старшей возрастной группы, замужних и разведенных. Наблюдается также зависимость от уровня образования – с повышением образовательного уровня доля неготовых на такой шаг повышается: 32% со средним, 42,9% средним специальным и 50,7% высшим образованием. Среди верующих, по сравнению с подгруппой колеблющихся и неверующих, процент не допускающих лично для

себя такой семейный статус («вторая жена») выше. Тем не менее результаты исследования показывают иной сценарий поведения и брачных установок в общественном сознании женского населения Дагестана – 45,1, 26,3 и 38,5% соответственно.

Таким образом, большая часть опрошенных женщин не готова на статус «второй жены», и на формирование такой позиции не оказывает влияния отношение к религии. Несмотря на допустимость в мусульманском вероучении до четырех жен у мужчин, логично ожидаемое позитивное отношение к многоженству и допустимый лично для себя статус «второй жены» от верующих респонденток не подтвердился результатами опроса.

Почему же женщины, по мнению жителей Дагестана, принимают решение стать «второй женой»? На такой шаг женщины решаются, прежде всего, по причине сложной экономической ситуации, материальных проблем (49%), родить ребенка в законном (с точки зрения ислама) браке (47,6%). Эмоциональная (чувственная) составляющая причин такого брачного поведения дагестанских женщин самими женщинами оценивается гораздо ниже (28,8%) в отличие от мужчин, которые именно этот фактор – чувство любви – поставили на первое место (41,9%). Фактор рождения ребенка в законном браке при этом у них занял вторую позицию (37,2%), а сложная экономическая ситуация – третью (36,3%). Иными словами, наблюдается гендерный дисбаланс в восприятии причин брачного поведения женщин по типу «второй жены», а это, вероятно, определяет и различие в поведенческих установках, и в ожиданиях от реализации такой формы семейно-брачных отношений со стороны мужчин и женщин, а также непрочность подобных семейных отношений. Ориентированные на романтическую любовь и чувства мужчины не имеют представлений о том, что в действительности толкает женщин на этот непростоый шаг – стать «второй женой» в обществе, весьма неоднозначно воспринимавшем идеологию многоженства и реализуемые в ее рамках практики.

Видимо, этим можно объяснить весьма критичные установки опрошенных нами женщин в отношении своих сыновей, если бы они, предположительно, решили создать «вторую» семью со «второй женой»: почти третья часть постаралась бы убедить не делать этот шаг/развестись со «второй женой», а 23,3% не стали бы ничего предпринимать, признавая право сына на личную жизнь. Положительно этот шаг оценило бы 10,3% дагестанских женщин. На вопрос «Если у вас есть дочь, то как бы вы отнеслись к ее решению стать “второй женой”?» большинство женщин (41,4%) заняли категоричную позицию – «я бы постаралась убедить ее этого не делать/развестись с мусульманским мужем». Как видим, дагестанские женщины негативно настроены в отношении полигамной практики применительно к своим детям, но в отношении сына такая позиция выражена менее критично.

Выводы. С учетом отклонений от норм ислама, регламентирующих многоженство как форму семейно-брачных отношений в Дагестане, реализуемую полигамную практику жителями республики следует рассматривать как глубокий процесс трансформации института дагестанской семьи, при котором многоженство выступает неким «орудием» разрушения традиционной системы семейно-брачных отношений, не позволяющей эффективно адаптироваться к вызовам и реалиям современной российской ситуации. Эту функцию с трудом выполняет и многоженство. Экономическая детерминация модели брачного поведения женщин, решающихся стать «вторыми женами», а также их естественное для традиционного дагестанского общества желание родить ребенка в законном браке (по законам шариата) не всегда сочетаются с мотивацией, целями и, что самое главное, представлениями мужчин о многоженстве с его формой социальной и личной ответственности, справедливости в отношении всех жен. Реализация полигамной практики в такой ситуации приобретает искаженный характер, слабо сочетающийся с исторически заложенными и социокультурно обусловленными традициями многоженства в мусульманской культуре и истории Дагестана. Этим можно объяснить высокий уровень неприятия многоженства среди различных слоев населения Дагестана, независимо от гендерного, возрастного, образовательного, поселенческого, религиозного признака.

Реализуемая в искаженном формате практика многоженства может окончательно закрепиться в массовом сознании дагестанского общества как девиантная семейно-брачная

практика, не соответствующая как семейной этике ислама, так и современным (светским) представлениям о семейных ценностях и нормах. Одним словом, многоженство в Дагестане в современной его форме представляет серьезную проблему для регионально-го социума и его духовных лидеров. Что ждет в будущем полигамные семьи Дагестана и многоженство как социальный институт? Во многом это будет зависеть от того, каким содержанием будет наполнено многоженство как форма семейно-брачных отношений, на данный момент реализуемая вне исторически сложившихся в дагестанском обществе мусульманских норм ответственности и справедливости в отношении женщин, принимающих или вынужденных принять статус «второй жены».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алимова Б.М. Диалог полов в современной дагестанской семье // Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2008. С. 76–79.
- Бибилова О.П. Полигамия на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2019. № 3. С. 48–64. DOI: 10.31249/rimm/2019.03.03.
- Верещагина А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России // Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения, 14–16 ноября 2019 года / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 513–514.
- Габараева М.Р. Отношение к многоженству в Дагестане: контент-анализ социальных сетей // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2020. № 24. С. 245–254.
- Галиева Г.И. Этнические особенности брачности и разводимости в Республике Татарстан // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования. Материалы XXI Международной конференции памяти проф. Л.Н. Когана. Сборник трудов конференции. Екатеринбург, 2018. С. 1116–1125.
- Загирова Э.М. Общественное мнение об институте многоженства (на примере Дагестана) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 201–206. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206.
- Загирова Э.М. Семейные ценности и традиции: роль и функции (на примере Дагестана) // Caucasian Science Bridge. 2021. Т. 4. № 1. С. 58–69.
- Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация или архаизация // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 20–31.
- Лурье С.В. Современный опыт полигамных семей в среде российских мусульман: нарративный анализ // Петербургская социология сегодня. 2016. № 7. С. 243–277.
- Раджабов О.Р., Миримова А.А. Объективные и субъективные факторы появления многоженства в обществе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 104–108.
- Хапчаев С.Т. Полигамия в мусульманском праве: сравнительно-исторический анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. № 2 (50). С. 71–85. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-2-8.
- Alexandre M. Lessons from Islamic Polygamy: A Case for Expanding the American Concept of Surviving Spouse So As to Include De Facto Polygamous Spouses. 2007. Washington & Lee L. Rev. 64 (4). 1461–1481 // URL: <https://scholarlycommons.law.wlu.edu/wlulr/vol64/iss4/8> (дата обращения: 10.09.2021).
- Al-Sharfi M., Pfeffer K., Miller K.A. The Effects of Polygamy on Children and Adolescents: A Systematic Review // Journal of Family Studies. 2016. No. 22: 3. P. 272–286. DOI: 10.1080/13229400.2015.1086405.
- Filyushkina D.V., Volkov Yu.G. Spiritual Lumpenization of the Russian Society in the Circumstances of Globalization // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. Vol. 21. No. 3. P. 449–452.
- Kończak I. Polygyny Amongst Muslims in the Russian Federation International Studies. Interdisciplinary Political and Cultural Journal. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 141–156 // URL: <http://dx.doi.org/10.18778/1641-4233.21.10>.
- Lawson D.W., James S., Ngada E., Ngowi B. et al. Polygynous Marriage and Child Health in Tanzania // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2015. No. 112 (45). P. 13827–13832. DOI: 10.1073/pnas.1507151112.

Статья поступила: 16.09.21. Принята к публикации: 29.12.21.

POLYGAMY IN DAGESTAN IN PUBLIC OPINION OPTICS

VERESHCHAGINA A.V.*, ZAGIROVA E.M.**

* Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

** Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center, Makhachkala, Russia

Anna V. VERESHCHAGINA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate Prof., Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia (anrietta25@mail.ru), Elvira M. ZAGIROVA, Cand. Sci. (Sociol.), Research Assistant, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center, Makhachkala, Russia (elvira.2005@inbox.ru).

Abstract. Polygamy is not a rare form of family and marriage relations in the modern world, but it has become a revived reality in response to the challenges for Dagestan society of the modern era and the crisis in Russia. This issue attracts public and scientific attention by the inconsistency of practice of polygamy in Dagestan society. On the one side, the majority of the republic's residents perceived this process negatively and, on the other, polygamy entrenched in the system of family and marriage relations steadily. Why is this happening? There are issues of the harmonious implementation of the ideology of polygamy in Dagestan society from the point of view of the historically established tradition of polygamy and the future of polygamy institution in Dagestan taking into account the results of the author's sociological survey of residents of the republic ($N = 507$) in this article, authors take into account the geographical position of Dagestan as northern, plain and southern zones of the republic and gender and age characteristics of the population, and level of education, religiosity, marital status and type of settlement. Authors concluded that polygamy in Dagestan largely deviates from the norms and principles of polygamy in the Muslim tradition, because of which the distorted form of polygamy becomes unacceptable even for the truly believing part of the population, accepting as norms Islam practice of polygamy. The practice of polygamy developing in this logic has a most destructive effect on the traditional institution of the family in Dagestan, generating the dynamics of divorce and consolidating the destructive vector of the development of family and marriage relations.

Keywords: polygamy, family, marriage, archaization, family and marriage relations, Dagestan, Islam, polygamy.

REFERENCES

- Alimova B.M. (2008) Dialogue between the sexes in the modern Dagestan family. In: Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus. Materials of the regional scientific conference. Makhachkala: 76–79. (In Russ.)
- Al-Sharfi M., Pfeffer K., Miller Kirsty A. (2016) The effects of polygamy on children and adolescents: a systematic review. *Journal of Family Studies*. No. 22 (3): 272–286. DOI: 10.1080/13229400.2015.1086405.
- Bibikova O.P. (2019) Polygamy in the post-Soviet space. *Rossiya i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. No. 3: 48–64. DOI: 10.31249 / rimm / 2019.03.03. (In Russ.)
- Filyushkina D.V., Volkov Yu.G. (2014) Spiritual lumpenization of the Russian society in the circumstances of globalization. *Middle East Journal of Scientific Research*. Vol. 21. No. 3: 449–452.
- Gabaraeva M.R. (2020) Attitude towards polygamy in Dagestan: content analysis of social networks. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenyh* [Izvestia SOIGSI. School of Young Scientists]. No. 24: 245–254. (In Russ.)
- Galieva G.I. (2018) Ethnic characteristics of marriage and divorce in the Republic of Tatarstan. In: Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research. Materials of the XXI International conference in memory of prof. L.N. Kogan. Proceedings of the conference. Ekaterinburg: 1116–1125. (In Russ.)
- Klimenko L.V. (2013) Gender dispositions in the modern North Caucasian family: modernization or archaization. *Zhenshchina v Rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 1: 20–31. (In Russ.)
- Khapchaev S.T. (2019) Polygamy in Islamic law: a comparative historical analysis. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region* [Izvestia of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]. No. 2 (50): 71–85. DOI: 10.21685/2072-3016-2019-2-8. (In Russ.)
- Lawson D.W., James S., Ngadaya E., Ngowi B., et al. (2015) Polygynous marriage and child health in Tanzania. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. No. 112 (45): 13827–13832. DOI: 10.1073/pnas.1507151112.

- Lurie S.V. (2016) Modern experience of polygamous families among Russian Muslims: a narrative analysis. *Peterburgskaya sociologiya segodnya* [St. Petersburg sociology today]. No. 7: 243–277. (In Russ.)
- Radjabov O.R., Mirimova A.A. (2019) Objective and subjective factors of the emergence of polygamy in society. *Social'no-gumanitarnye znaniya* [Social and humanitarian knowledge]. No. 5: 104–108. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. (2019) Archaic, traditional and modern in the space of family and marriage values and attitudes of young people in the South of Russia. In: Youth of the XXI century: the image of the future. Materials of the scientific conference XIII Kovalev readings on November 14–16, 2019 / Ed. editors: N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. Saint-Petersburg: Skifiya-print: 513–514. (In Russ.)
- Zagirova E.M. (2021) Public opinion about the institution of polygamy (on the example of Dagestan). *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scholarly notes]. No. 2: 201–206. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-2-201-206. (In Russ.)
- Zagirova E.M. (2021) Family Values and Traditions: Role and Functions (on the Example of Dagestan). *Caucasian Science Bridge*. Vol. 4. No. 1: 58–69. (In Russ.)

Received: 16.09.21. Accepted: 29.12.21.

© 2022 г.

В.В. ЗЫРЯНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент социологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vvzyryanov@gmail.com).

Аннотация. Знакомство с содержанием учебных планов 86 университетов РФ, реализующих программы подготовки бакалавров социологии, показало, что за последние годы произошло частичное выдавливание из учебного процесса курса «социальная статистика». Формально это привело к разрыву между заявленными в образовательном стандарте компетенциями, опирающимися на изучение социальной статистики, и ее отсутствием в 62% образовательных программ. Фактически – к заметному расхождению содержания образования с требованиями к выпускникам, готовящимся работать в цифровом обществе. Кроме того, это объясняет критику выпускников высшей школы относительно их низкой статистической грамотности. Наконец, эта тенденция усиливает слабую способность широких слоев населения адекватно и критически воспринимать статистические данные, которыми изобилуют информационные потоки современных СМИ и социальных сетей.

Ключевые слова: социологическое образование • компетенции • социальная статистика • математическая статистика • статистическая грамотность • цифровое общество

DOI: 10.31857/S013216250017138-4

Постановка проблемы. Социологическое образование за более чем 30 лет после его восстановления в России изменилось весьма серьезно, причем наиболее интенсивно в последние 10–12 лет. Направления и оценки его трансформации за это время представлены в ряде публикаций [Скворцов, Зырянов, 2018; Проказина, 2020; Зырянов и др., 2020]. В предлагаемой статье обратимся к одному из аспектов образования социологов – их статистической подготовке. О взаимосвязи статистики и социологии отечественными учеными написано немало [Девятко, 2018; Толстова, 2019], а общую тональность их взаимодействия очень ярко выразил Б.И. Максимов, назвав статистику первым хлебом социологии [Максимов, 2003].

Результаты оценки готовности университетов обеспечить статистическую подготовку бакалавров социологии основаны на изучении учебных планов 93 образовательных программ 86 университетов¹. На наш взгляд, учебный план объективно отражает текущее состояние практически всех ключевых сторон образовательной программы. В нем представлены: содержательная часть образования (каждый предмет, его объем и место в составе модулей или блоков), логика формирования компетенций (последовательность перехода от предмета к предмету, к практике и т.д., межпредметные связи), акценты образовательной

¹ В это число вошли все университеты, имеющие бюджетные места, и несколько наиболее крупных вузов с внебюджетным набором. Нам не удалось познакомиться только с учебными планами РУДН и НИ Мордовского университета.

программы, формулируемые из запросов общества, государства, экономики, рынка, конъюнктуры, общественного мнения (мода, мифы, стереотипы), а также кадровых и материальных возможностей университета и его профильности (классический, технический и т.д.).

Чтобы быть актуальными, изменения в учебных планах должны отражать новации в жизни общества, науки, изменения правового поля и экономических условий реализации образовательных программ. Если говорить о последних 10–12 годах, то за это время, во-первых, произошел переход от подготовки по программам специалитета к трехуровневому высшему образованию, а также от жестких образовательных стандартов первых поколений к рамочному формату ФГОС 3 и его модификациям («З+» и «З++»), в которых уже нет не только дидактических единиц в базовых дисциплинах, но самих этих дисциплин, во-вторых, появились новые инструменты и источники (Big data, Интернет, социальные сети) получения социологической информации, в-третьих, в социологической науке появились новые предметные области, отразившие общественные сдвиги и трансформации.

Вариации социологического образования, обусловленные этими обстоятельствами, совершенно легитимно воплощаются в профили. При просмотре сайтов университетов мы обнаружили 40 вариантов профилей. Самым популярным (28) оказался профиль «социология», который недавно назывался «общий». По сути это даже не профиль, а способ дать базовую подготовку, опираясь на которую выпускник мог бы успешно двигаться в магистратуру или по различным трудовым траекториям. К нему можно добавить ряд формулировок, которые фактически являются тем же, но слегка завуалированным «общим» профилем. Например, «Социальная теория и прикладное социальное знание» встретился восемь раз, – всего в этой группе 40 учебных планов (44%). Среди остальных выделим три группы профилей, в которых объединены формулировки, близкие по содержанию: «Социология управления» – 13 (14%), «Социологические и маркетинговые исследования» – 14 (15%) и «Экономическая социология» – 6 (6,5%). Таким образом, на эти четыре группы приходится почти 78% от всех профилей, все остальные встречаются не более трех раз, а чаще единичны. Как ни странно, но наметившийся было интерес к цифровой теме [Зырянов и др., 2020] отразился только в трех профилях (СПбГУ, УрФУ, филиал НИУ ВШЭ в СПб.).

Демонстрация такого разнообразия учебных планов понадобилась нам для того, чтобы показать значительную вариативность подготовки социологов. При беспристрастном сравнении учебных планов, даже имеющих одинаковый профиль, можно обнаружить, что набор дисциплин и их объемы различаются весьма значительно. Однако не это обстоятельство является предметом статьи. Наше внимание будет сосредоточено на «побочном эффекте» множественности содержательных различий учебных планов – мере и качестве присутствия статистического образования в подготовке бакалавров-социологов.

Что предписывают ФГОС и Профстандарт. Как известно, статистика как наука и учебная дисциплина имеет две ипостаси, заложенные еще в прошлых веках: описательная (дескриптивная) статистика и математическая статистика (МС). Их развитие сложно переплеталось, они взаимно обогащали друг друга и сегодня должны составлять необходимые части подготовки социологов.

Действительно, теория вероятностей, МС, прикладная статистика, а также анализ данных и теория измерений присутствуют в учебных планах большинства вузов. Мы же хотели бы сосредоточиться на той статистике, которую в учебных планах чаще называют социальной (СС) и в основе которой лежит общая теория статистики (ОТС).

Прежде всего вспомним, что в первых учебных планах социальная статистика присутствовала во всех университетах. В первом образовательном стандарте (ГОС ВПО) подготовки бакалавра по направлению 521200 – «Социология» (1993) и в ГОС ВПО 020300 – «Социология» (1995), ориентированном на подготовку специалистов, в базовой части

значилась СС (объем курса – 70 час.). Этот подход сохранился и в ГОС ВПО по специальности «Социология» – 040201.65 (2000)².

В ФГОС ВПО (2010)³, известном как ФГОС 3, блок обязательных дисциплин был предусмотрен, но СС в нем уже не было. При этом в структуре ООП в разделе «Учебные циклы, разделы и проектируемые результаты их освоения» в базовой части математического и естественнонаучного цикла указывалось, что «обучающийся должен уметь использовать средства дескриптивной статистики, основные подходы к статистическому выводу». Возникла противоречивая ситуация – «умение» стандартом было предписано, а дисциплин в базовой части для этого не предусмотрено. Последовавшие модификации ФГОС 3 (3+, 3++) сделали стандарт еще более либеральным. Формально, такой ФГОС – благо, т.к. позволяет вузам реализовывать региональные и отраслевые запросы, а также научные и педагогические наработки. Но, с другой стороны, его можно использовать и не в этих целях. Однако это не означает бесконтрольность образовательного процесса – образовательные результаты действующий ФГОС задает через сформулированные в нем компетенции, а также соответствие Профессиональным стандартам. Это означает, что формировать компетенции можно любыми дисциплинами, практиками и т.д. Другими словами, сегодня ФГОС не запрещает вузам включать СС в учебные планы, но и не обязывает это делать. Заметим сразу, что других дисциплин, которые формировали бы такие же компетенции, как и СС (имея в виду, что она состоит из двух частей – ОТС и собственно СС), в учебных планах подготовки социологов нет. Можно упомянуть курс демографии, предполагающий, что студенты уже получили знания и навыки, формируемые ОТС, и готовы их активно использовать, но не более того.

Зададимся теперь вопросом о том, какие компетенции, записанные в ФГОС 3++, и индикаторы их достижения (прописанные в ПООП⁴) предполагают знания и умения, формируемые в курсе СС (ОТС + СС).

Прежде всего это УК-1. «Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач». А также его «расширение» через индикаторы достижения – УК-1.2. «Определяет, интерпретирует и ранжирует информацию, требуемую для решения поставленной задачи»; УК-1.3. «Осуществляет поиск информации для решения поставленной задачи по различным типам запросов»; УК-1.4. «При обработке информации отличает факты от мнений, интерпретаций, оценок, формирует собственные мнения и суждения, аргументирует свои выводы и точку зрения». Далее, это ОПК-2. «Способен к социологическому анализу и научному объяснению социальных явлений и процессов на основе научных теорий, концепций, подходов» и ОПК-4. «Способен выявлять социально значимые проблемы и определять пути их решения на основе теоретических знаний и результатов социологических исследований».

Наконец, обратимся к принятому в ноябре 2021 г. профессиональному стандарту «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным исследованиям»⁵. В нем «Необходимые умения» и «Необходимые знания», которые лежат в основе выполнения ряда трудовых функций и которые формируются в том числе при изучении СС (ОТС плюс СС), прописаны в явном виде.

² ГОС ВПО подготовки бакалавра по направлению 521200 – «Социология» <http://fgosvo.ru/archivegosvpo/156/155/2/19> (дата обращения 10.06.21), в ГОС ВПО по специальности 020300 – «Социология» <http://fgosvo.ru/archivegosvpo/156/155/3/156> (дата обращения: 10.06.21).

³ ФГОС ВПО по направлению подготовки 040100 Социология (квалификация (степень) «бакалавр») <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/390301.pdf> (дата обращения: 10.06.21).

⁴ В связи с вступлением в силу Федерального закона № 144-ФЗ от 26.05.2021 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» статус примерных основных образовательных программ высшего образования понизился. В то же время они остались ценным источником информации для методического обеспечения системы высшего образования.

⁵ Приказ Минтруда России № 751н от 21 октября 2021 г. Об утверждении профессионального стандарта «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям» <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/2166> (дата обращения: 21.12.21).

Таблица 1

Необходимые для ряда трудовых функций умения и знания социолога в соответствии с профессиональным стандартом «Социолог: специалист по фундаментальным и прикладным социологическим исследованиям»

Трудовая функция	Необходимые умения	Необходимые знания
3.1.1. Подготовка и планирование проектного предложения по реализации фундаментального или прикладного социологического исследования	–	Общая теория статистики
3.1.2. Разработка программных и методических документов фундаментального или прикладного социологического исследования	Применять методы выборки	Общая теория статистики
3.1.3. Согласование документации, регламентирующей взаимодействие заказчика и исполнителя фундаментального или прикладного социологического исследования	–	Общая теория статистики
3.2.1. Проведение анализа рыночной ситуации в рамках прикладного социологического исследования	Применять методы выборки при сборе информации в ходе фундаментального или прикладного социологического исследования	Общая теория статистики
3.3.2. Сбор данных из первичных и вторичных источников	–	Принципы работы с массивами данных
3.3.3. Контроль собранных данных для последующей первичной обработки	Работать с вторичными источниками фундаментального или прикладного социологического исследования (результатами социологических опросов, статистическими данными)	Процедуры контроля качества для разных методов сбора данных
3.4.1. Описание, объяснение, прогнозирование социальных явлений и процессов на основе результатов фундаментальных и прикладных социологических исследований	–	Основы анализа количественных и текстовых данных
3.4.2. Составление и оформление итоговых документов по результатам фундаментального или прикладного социологического исследования	Анализировать и оценивать информационные источники, научные тексты, результаты других фундаментальных и прикладных социологических исследований. Получать социологическую информацию из различных типов источников	Особенности методов социологического исследования (интервью, наблюдение, эксперимент, фокус-группа, опрос экспертов; изучение документов, статистических данных, содержащих необходимые сведения по выдвинутым задачам и гипотезам)
3.5.2. Совершенствование и разработка методов сбора и анализа данных фундаментальных и прикладных социологических исследований	Осуществлять поиск актуальной социологической и статистической информации	Общая теория статистики
3.6.1. Проведение социологической экспертизы стратегий, мероприятий, качества исследований	Анализировать программы, стратегии, управленческие решения в политике, экономике, социальной сфере. Разрабатывать системы критериев, показателей, норм в соответствии с целью социологической экспертизы	Общая теория статистики

Окончание таблицы 1

Трудовая функция	Необходимые умения	Необходимые знания
3.6.2. Консультирование по вопросам применения результатов фундаментальных и прикладных социологических исследований	Осуществлять критический анализ программ, стратегий, управленческих решений в социальной сфере. Разрабатывать критерии, системы показателей, норм в соответствии с целью консультирования	Общая теория статистики

В дополнение к требованиям образовательного и профессионального стандартов приведем еще одно обстоятельство, актуализирующее статистические знания и озвученное исследователями: «Усиливается междисциплинарность в интерпретации, все более важным для заказчиков становится умение исследователей корректно согласовывать данные, полученные разными методами (опросы, качественные исследования, экспертные интервью, статистика, Big Data и др.)» [Нестик и др., 2021: 378].

Статистика преподавания статистики. Теперь посмотрим, как вузы обеспечивают своим выпускникам формирование компетенций, приведенных в ФГОС, и владение необходимыми умениями и знаниями, указанными в профессиональном стандарте. Поскольку в разных профилях одного университета курс СС либо во всех присутствует, либо во всех отсутствует, то, на наш взгляд, не стоит оперировать числом 93 (число всех исследованных нами учебных планов), а остановиться на 86, т.е. числе университетов. Оказалось, что статистическая подготовка по программам СС ведется в 36 из них, т.е. в 42%.

Таким образом, очевидно, что почти у 60% бакалавров – будущих социологов не формируются компетенции, предписанные требованиями ФГОС 3++, профессионального стандарта и той части рынка труда, который ориентирован на цифровые навыки.

Обратимся сначала к тем 36 университетам, где студенты проходят курс СС. Наиболее фундаментально он изучается в 17 университетах (табл. 2).

Таблица 2

Университеты и реализуемые ими профили образовательных программ, в которых на курс социальной статистики отводится не менее 144 академических часов

Число акад. часов на предмет	Число вузов	Университеты	Профиль
288	1	Астраханский ГУ	Социология
252	4	Новосибирский ГУ	Социологические исследования и проекты
		МПГУ	Социология маркетинга
		Ивановский ГУ	Социология социальных процессов
		ПСТГУ	Социология
180	1	Горно-Алтайский ГУ	Социология управления
168	1	МГИМО	Социология массовых коммуникаций
144	11	Бурятский ГУ	Социальная теория и прикладное социальное знание
		Владимирский ГУ	Социология
		Волгоградский ГУ	Социальная теория и прикладное социальное знание
		Забайкальский ГУ	Социология
		МГУ имени М.В. Ломоносова	Социология
		Новосибирский ГУЭУ	Социология
		Самарский НИУ имени академика С.П. Королева	Экономическая социология
		СПбГЭУ	Социология
		Челябинский ГУ	Социология управления
		Череповецкий ГУ	Социология маркетинга
		Ярославский ГПУ	Технологии социального развития
Итого	17		Социология

Таким образом, в семи первых университетах на изучение СС отводится от 288 до 168 часов, которое осуществляется в двух семестрах. Более того, в НГУ, МГИМО и МПГУ это не одна, а две дисциплины: «Общая теория статистики» и «Социальная (Социально-экономическая) статистика». Такое деление присутствует почти во всех программах, т.к. изучать социальную статистику, не опираясь на понимание особенностей группировки, принципов расчета относительных и средних показателей, рядов динамики, показателей корреляции, индексов, показателей структурных изменений и др., т.е. на ОТС, невозможно.

Еще в 12 университетах (среди которых НИУ ВШЭ, РГПУ имени А.И. Герцена, РЭУ имени Г.В. Плеханова, ГУУ, Тюменский ГУ) на изучение статистики отводится 108 часов. В СПбГУ, Белгородском и Удмуртском ГУ по 72 часа. А вот в Новосибирском ГТУ (144 ч.), в УрФУ (108 ч.) и Нижегородском ГУ (36 ч.) курс доступен не всем – это дисциплина по выбору.

Далее мы попробуем разобраться в причинах отсутствия СС в 58% учебных планов подготовки социологов по программам бакалавриата.

Проверим, зависит ли преподавание/не преподавание СС от профиля университета.

Таблица 3

Соответствие профиля университета и преподавания социальной статистики

Профиль университета	Количество учебных планов	
	всего	с СС
Классический	58	25
Экономический	10	5
Технический	7	1
Гуманитарный	5	1
Педагогический	5	3
Международные отношения (МГИМО)	1	1
Итого	86	36

Из таблицы 3 следует, что только в одном из семи технических университетов социологам преподают СС, и то лишь как дисциплину по выбору, а из шести гуманитарных – только в ПСТГУ. Соответственно, для классических университетов доля имеющих в учебном плане СС – 43%, т.е. совпадает с общей картиной. Для экономических (50%)

Таблица 4

Соотношение профиля образовательной программы и наличия социальной статистики в учебном плане

Профиль образовательной программы	Количество учебных планов			
	всего		со статистикой	
	единиц	%	единиц	%
«Социология» и другие профили с предельно широкими формулировками	40	46,5	20	55,6
Социология управления (во всех вариантах формулировок)	12	14,0	3	8,4
Социологические и маркетинговые исследования, Социология маркетинга (во всех вариантах формулировок)	10	11,5	7	19,5
Экономическая социология	6	7,0	2	5,6
Социология культуры (во всех вариантах формулировок)	3	3,5	1	2,7
Социология коммуникаций (во всех вариантах формулировок)	3	3,5	1	2,7
Другие	12	14,0	2	5,5
Итого	86	100	36	100

и педагогических (60%) еще выше. Зафиксируем этот факт, чтобы вернуться к его возможному объяснению несколько позже.

Далее можно предположить зависимость наличия статистики в учебных планах от реализуемого профиля образовательной программы.

Сравнение структур учебных планов по их профилю (таблица 4) показывает лишь два заметных отклонения: вузы, реализующие управленческие и «другие» профили, реже включают статистику в свои учебные планы. Соответственно, эти «минусы» вышли «плюсами» для общих и исследовательских профилей. Выявленные отклонения не столь радикальны, и мы склонны предположить, что направления профилизации образовательных программ вряд ли существенно влияют на включение/не включение СС в учебные планы. Этот вывод, как мы считаем, подтверждается и обращением к конкретике. Так, в МГИМО, реализующем профиль «Социология массовых коммуникаций», статистика представлена солидно, а в МГЛУ с профилем «Социология коммуникаций» ее нет совсем. В учебном плане МПГУ с профилем «Социология маркетинга» СС присутствует в двух семестрах, а в РГГУ с абсолютно тем же профилем ее нет вовсе. Наконец, в учебных планах Астраханского ГУ и РГПУ имени Герцена, реализующих профиль «Социология», СС представлена, а в Пермском ГУ и ДВФУ нет.

Почему же социальная статистика не преподается в почти 60% университетов? Думается, дело в том, что возможность ориентироваться при составлении учебного плана не на ФГОС с обязательными дисциплинами, а на перечень компетенций, которые надо сформировать в результате его реализации, привели к тому, что университеты воплотили в учебных планах свою трактовку компетенций (поскольку ПООП не является обязательным к исполнению документом), а также набора дисциплин, практик, методических возможностей, которые должны сформировать компетенции, прописанные во ФГОС. Что касается профессионального стандарта, то его проект, достаточно долго служивший хоть каким-то ориентиром, столь явно, как принятый стандарт, не отсылал к изучению СС, хотя и в его формулировках были требования к знаниям и умениям в области СС [Зырянов, 2020: 438–439].

В этой ситуации руководители образовательных программ действуют в соответствии со своими представлениями о подготовке социологов.

Ключевым моментом этого самоопределения стала «раздвоенность» статистики, точнее, то, что одно ее направление является математической дисциплиной, а другое – социально-экономической. В социологическом образовании они играют взаимосвязанные, но неодинаковые и тем более не дублирующие роли: МС обеспечивает социологу возможность обработки и анализа данных массовых социологических исследований, а социальная вооружает пониманием содержания показателей международной, государственной, ведомственной, коммерческой статистики и показателей, рассчитываемых на основе количественных данных. Как справедливо отмечает Е.С. Заварина [2017: 379], они имеют разные предметы. У МС это методы анализа закономерностей массовых процессов, причем любой природы – биологической, физической, социальной и т.д. Отсюда и ее роль в образовании социологов: будучи предельно абстрактной и самодостаточной, она не отражает предметной специфики, поэтому после ее изучения студенты в курсе СС далеко не сразу осознают, что результаты расчетов имеют здесь единицы измерения и социальную (экономическую, политическую, правовую и т.д.) интерпретацию. Именно это подчеркивает Дэвид Дж. Хэнд, говоря, что статистика – это технология извлечения смысла из данных [Хэнд, 2017: 15]. Это возможно именно потому, что предметом СС является не абстрактная, а всегда конкретная совокупность социальных объектов (пенсионеров, профессий, рабочих мест, правонарушений и т.д.), которой надо дать сводную количественную и, что особенно важно, качественную характеристику в виде обобщающих статистических показателей. В то время как в сферу МС не входят ни организация статистических наблюдений, ни разработка статистических показателей и их систем, ни анализ качества и достоверности полученной информации [Заварина, 2017: 379].

Таким образом, ограничивая изучение статистики лишь ее математической и прикладной составляющей, образовательные программы заведомо ориентируют студентов лишь на формализованную обработку социологической информации и лишают их возможности квалифицированно использовать в своей работе статистические данные.

Характерно, что плоды «раздвоенности» статистики отмечались и сто с лишним лет назад. В статье, посвященной А.А. Чупрову, Ю.Н. Толстова приводит его слова: «Вбиванием в голову формально-математических конструкций этой задачи не разрешить, напротив, чисто математическая культура по существу своему скорее антагонистична подлинной статистической культуре» [Толстова, 2019: 148]. Время идет, а ситуация остается, судя по «крику души» И.Ф. Девятко, той же: «...журналы переполнены “новаторскими” статьями... построенными на некорректной интерпретации результатов проверки статистической значимости, избирательном описании полученных сырых данных без предоставления достаточной дескриптивной статистики, пренебрежении вопросами статистической мощности и, наконец, полученными в результате явного злоупотребления множественными процедурами анализа и математико-статистическими моделями...» [Девятко, 2018: 31–32].

Сложилась странная ситуация. Если в период возрождения социологии в нашей стране отмечался парадокс «частичной компетентности», заключающийся в том, что социологи редко умели «работать с математическими моделями, а специалисты в области математического моделирования – ставить социологические задачи, оценивать познавательные ограничения используемых техник и анализировать смыслы (социальные, социологические) полученных моделей» [Климов, 2019: 143], то теперь «частичная компетентность» социологов в отношении статистики грозит проявиться с точностью до наоборот.

У этой коллизии статистического образования социологов, на наш взгляд, есть несколько объяснений, которые, впрочем, не оправдывают ее, а скорее указывают на «болевые точки» и пути решения проблемы.

Во-первых, где-то сработала ловушка блока (цикла, модуля). Дело в том, что при формировании учебного плана дисциплины традиционно группировались в блоки, и если сначала СС позиционировалась как общепрофессиональная дисциплина, то, начиная с ФГОС 3+, вузы уже могли ее произвольно включать в любой блок (модуль) – так она сначала переключивалась в математический блок, а из-за перебора там математических дисциплин и вовсе исчезала из программы.

Во-вторых, свою роль сыграли кадры и их приоритеты. Образовательные программы по статистике в нашей стране исторически были привязаны к экономическим наукам, другими словами, статистики готовились в лоне экономического образования, и учебные материалы создавались почти исключительно для экономистов⁶. Соответственно, и преподаватели СС были прежде всего готовы преподавать ее в предметном поле экономики. Отсюда, кстати, тоже могла вырасти тенденция изъятия СС из учебных планов, как дисциплины, преподаваемой социологам так же, как экономистам, несмотря на ее название. Наконец, большая часть преподавателей, будучи совместителями, не горела желанием переделывать программы «под заказчика», т.е. под специфику социологии. В них, скажем, могли присутствовать сложные для восприятия неэкономистов темы о системе национальных счетов и отсутствовать темы о статистическом изучении структур (т.е. навыки вычисления и интерпретации, например, коэффициентов Лоренца, Джини и др. у студентов не формировались).

Других кадров на начальном этапе социологического образования попросту не было, это издержки начала пути. Преподавателей, знающих статистику и понимающих специфику социологии, было критично мало. Собственно, и социологов-то было недостаточно. Но по мере того, как выпускники-социологи приходили на свои кафедры уже как

⁶ Лишь в последние лет 15–20 стали выходить учебные пособия для обучающихся по программам менеджеров, государственного управления, управления персоналом, международных отношений и некоторым другим.

преподаватели, появлялись возможности перестройки статистического образования. Впрочем, этого по большей части не происходило – как правило, было проще отказаться от курса СС, чем воспитывать социолога, способного переработать курс в соответствии с особенностями направления подготовки и контингента обучающихся.

В-третьих, наличие внутриуниверситетских лобби. С одной стороны, «уши» профильности университетов в образовательных программах по социологии практически всегда видны невооруженным глазом. Чаще всего, это совершенно оправданно, логично и удачно: ведь естественно, что в МГИМО реализуют профиль «Социология массовых коммуникаций», а в РГСУ «Социология социальной жизни», равно как понятно, почему профиль «Социология инженерной деятельности и инновационных процессов» появился в МГТУ имени Н.Э. Баумана. Это с одной стороны, но с другой, чем объяснить наличие курса бухгалтерского учета в учебном плане Кубанского ГТУ. Опять же, как было отмечено выше, ни один из технических университетов, реализующих программы подготовки социологов, не включил СС в свой учебный план. Вряд ли это простое совпадение – скорее, это действие математического лобби – ведь куда проще поручить читать статистику математикам, недостатка которых в этих вузах нет, чем искать, а тем более выращивать специалиста по СС на факультете (кафедре).

В-четвертых, изменение в позиционировании СС. Выше мы указали на отрицательное влияние того, что статистика находилась в поле экономической науки и образования, хотя по сути это универсальная наука, разрабатывающая методы оценки признаков социальных явлений и процессов, которые можно измерять. Поскольку в экономике таких явлений и процессов больше, чем в социологии, политологии и др. науках об обществе, то понятна причина монополизации статистики экономикой. Однако любой перекос имеет отрицательные последствия, и его надо как-то исправлять. Радикально правильным, на наш взгляд, было бы оставаться в структуре наук об обществе, но в виде самостоятельного направления, внутри которого были бы равноправные экономические, социологические, юридические, политологические и др. ветви. Более трудным путем видится оставить статистику в экономических науках, но донести до статистиков заказ на подготовку кадров для социологии, государственного управления, права, социальной работы и т.д. И они, в общем-то, готовы к созданию «концепции логически последовательной и разумной интеграции статистической подготовки кадров в цифровое общество...», понимая, что «при этом с учетом сложившейся обстановки крайне важно разобраться с содержанием статистического образования для самых различных направлений и профилей подготовки кадров с высшим образованием: экономистов, менеджеров, финансистов, маркетингов, социологов, политологов, юристов и др.» [Карманов, Ключкова, 2018: 81]. Однако случилось другое: по приказу Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. направление подготовки «Статистика» было отнесено к укрупненной группе «Математические и естественные науки» (группа «Математика и механика»), тогда как в предыдущих версиях Перечня направлений подготовки высшего образования оно находилось в укрупненной группе «Науки об обществе» (группа «Экономика и управление»). Конечно, такое изменение послужило дополнительным аргументом для отказа в учебных планах от СС в пользу МС.

Проблема шире – о статистической грамотности. Стоит, на наш взгляд, показать, что вопрос статистического образования социологов находится в гораздо более широком контексте проблемы формирования статистической грамотности всех слоев населения.

Достаточно развернутое определение статистической грамотности мы находим у Е.С. Завариной, которая представила ее через ряд характеристик [Заварина, 2016: 114]. Во-первых, это навык выделения основных признаков массового явления или процесса и определение статистических показателей, адекватно отражающих эти признаки. Во-вторых, навык поиска, выбора и сочетания информации из различных статистических массивов. В-третьих, оценка качества, полноты и адекватности собранной информации поставленной задаче. В-четвертых, подбор методов, характеризующих масштаб, уровень, структуру и динамику исследуемого явления (процесса), а также факторов, влияющих на

его состояние и изменения во времени и пространстве. В-пятых, иллюстрация и визуализация итогов проведенного исследования.

Проблема статистической грамотности в обществе ставится предельно широко, имея в виду всех, кто как-то сталкивается со статистической информацией – от школьника и обывателя до чиновника, бизнесмена, журналиста, политика, педагога и т.д. Уровень этой грамотности, конечно, не может быть одинаковым, исходя из решаемых задач. Однако авторы, поднимающие и как-то оценивающие уровень статистической грамотности в российском обществе, в один голос утверждают, что «...статистическая грамотность подавляющей части общества остается на неприлично низком уровне. ...очень многие люди просто не в состоянии либо найти в открытом доступе требующуюся статистическую информацию, либо понять ее истинное содержание, либо использовать ее для решения возникающих практических задач», не говоря уже об интерпретации, «...когда разные люди, глядя на одни и те же цифры, делают прямо противоположные или заметно отличающиеся выводы» [Карманов, 2020: 6–7]. Действительно, многочисленные образцы низкой статистической грамотности населения встречаются повсеместно: в СМИ, в речах политиков, чиновников, журналистов, на сайтах и в блогах, в учебных аудиториях, в научно-популярной литературе и т.д. Да что там обыватель или чиновник, дошло до того, что «...уровень понимания методологии статистических работ со стороны как правительственных, так и независимых экспертов неприемлемо снизился» [Широв, 2020: 6].

В этой связи не выглядит преувеличением вывод М.В. Карманова и Е.Н. Клочковой о том, что статистическая грамотность выступает оселком в процессе подготовки кадров для цифровой экономики. По нему можно судить о серьезности намерений по переходу страны на рельсы цифровых технологий. Усложнение жизни общества, гигантские потоки количественной информации, ее возросшая ангажированность делают статистическую работу практически каждодневной не только для аналитиков, но и для всех без исключения профессий [Карманов, Клочкова, 2018: 82].

Поэтому вряд ли правильно, что большая часть дипломированных социологов вступает в профессиональную жизнь статистическими недоучками, а то и вовсе неучами. Это тем более важно, т.к. вслед за обществом должна меняться и сама профессия социолога. Общество буквально накрыл «цифровой девятый вал», цифровые данные надо научиться правильно генерировать, читать и истолковывать, а это задача статистического образования, иначе не «цифра» будет служить обществу, а общество ей. Более того, на наш взгляд, социологам надо быть в этих вопросах одними из наиболее подготовленных, обладать статистическим мышлением.

Здесь мы хотели бы отметить, что анализ столь плачевного положения со статистической грамотностью выявил еще одну проблему. Дело в том, что исследования особенностей статистического мышления показали трудности усвоения статистики. Так, И.Д. Фрумин и М.С. Добрякова задаются вопросом: «Почему нам так сложно мыслить статистически?» и отвечают: нам привычно «думать ассоциативно, метафорично, но в статистике нужно думать о многих вещах одновременно». А это не вписывается в наш интуитивный опыт, «... не ассоциируется с обычным последовательным разворачиванием событий». «В этом смысле статистика схожа с визуальными «пространственными» способами репрезентации, которые «обрушиваются» на человека целиком» [Фрумин, Добрякова, 2019: 68]. Это означает, что если общество, власть, образование, наука повернутся к статистике, то формальными курсами ликвидации статистической безграмотности дело может не сдвинуться. Поэтому нужно учитывать эту особенность восприятия статистических данных при создании программ обучения статистике и студентов, и работающих специалистов, и населения.

Пока же в обществе не замечено движения в этом направлении, скорее можно говорить о препятствиях. В их числе – падение уровня математического и социально-гуманитарного школьного образования; выдавливание статистики из учебных планов колледжей и вузов; отсутствие системы повышения статистической грамотности чиновников и управленцев всех уровней через дополнительное образование; пассивность государства

в вопросе принятия мер по формированию статистической грамотности населения [Карманов, 2016: 83].

Возвращаясь к месту СС в подготовке социологов, хотелось бы отметить, что реальными возможностями осмыслить сложившуюся ситуацию, сделать выводы и принять соответствующие решения обладают сами вузы в лице руководителей, определяющих вектор и содержание каждой образовательной программы, – деканов, заведующих кафедрами, руководителей образовательных программ по социологии. Посильную роль в этом может сыграть и ФУМО ВО по УГСН «Социология и социальная работа», как орган, призванный оказывать методическую поддержку социологическому образованию в стране. Это та редкая ситуация, когда решение проблемы находится не в вышестоящих инстанциях, а исключительно в руках тех, кто создает и реализует образовательные программы по социологии. Если же говорить о социологическом образовании и статистической грамотности на уровне общества, то вот тут нам остается только надеяться на то, что важность, многоаспектность и сквозной характер проблемы формирования в обществе приемлемого уровня статистической грамотности осознают на всех уровнях управления, образования и реальной жизни: от государственных мужей до широких масс. Иначе общество будет все глубже погружаться в пучину почти никому не понятной социально-экономической информации и ее мусорной интерпретации. Но самое тревожное, что на основе этих искаженных сигналов будут складываться мнения, приниматься решения, а следом общество получит и соответствующие результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Девятко И.Ф. Новые данные, новая статистика: от кризиса воспроизводимости к новым требованиям к анализу и представлению данных в социальных науках // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 30–38. DOI: 10.31857/S013216250003163-2.
- Заварина Е.С. Традиционные приемы и методы статистики в повышении статистической грамотности населения и чиновников // Статистические методы в гуманитарных и экономических науках. Материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 28–29 января 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 113–114.
- Заварина Е.С. Необходимость и возможность преподавания «статистики» в высшей школе на экономических факультетах и отделениях // Вестник кафедры статистики Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова: Материалы и доклады, Орел, 01–02 июня 2017 года / Под общей редакцией Н.А. Садовниковой. Орел: Издательский дом «Научная библиотека», 2017. С. 378–380.
- Зырянов В.В., Ладыхин Н.С., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: итоги 30 лет // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 152–154. DOI: 10.31857/S013216250008335-1.
- Зырянов В.В. Статистическая подготовка социологов в контексте компетентностного подхода // Статистика в стратегическом развитии России: Сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 437–442.
- Карманов М.В., Ключкова Е.Н. Статистическая грамотность как важная составляющая подготовки кадров для цифровой экономики // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 10. С. 78–83.
- Карманов М.В. Проблемы повышения статистической грамотности в современной России // Вопросы статистики. 2016. № 5. С. 80–85.
- Карманов М.В. Статистика глазами современного российского общества: благо или зло? // Статистика и Экономика – 2020. Т. 17. № 2. С. 4–9. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-2-4-9.
- Климов И.А. Практики кооперации математиков и социологов в 1960–1980-е годы в СССР // Социологический журнал. 2019. Том 25. № 4. С. 142–162. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6823.
- Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика // Социологические исследования. 2003. № 1(225). С. 37–46.
- Нестик Т.А., Седова Н.Н., Климанова Е.Г. Будущее исследовательской индустрии: от конкуренции за бюджеты к поиску партнеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 368–386. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1899.
- Проказина Н.В. Социологическое образование в современной России: новые вызовы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 51–61. DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10404.

- Скворцов Н.Г., Зырянов В.В. Социологическое образование: между стандартами и реалиями // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 30–40. DOI: 10.31857/S013216250000190-2.
- Толстова Ю.Н. О вкладе А.А. Чупрова в социологию и статистику // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 145–149. DOI: 10.31857/S0132162500003756-4.
- Фрумин И.Д., Добрякова М.С. Из доклада: универсальные компетентности и новая грамотность // Образовательная политика. 2019. № 3(79). С. 63–72.
- Хэнд Д. Дж. Статистика: очень краткое введение / Дэвид Дж. Хэнд; пер. с англ. М.Л. Фреера; под науч. ред. М.И. Левина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017.
- Широв А.А. Статистика в интересах экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2020. № 1. С. 5–9.

Статья поступила: 06.10.2021. Принята к публикации: 07.01.22.

SOCIAL STATISTICS IN SOCIOLOGICAL EDUCATION

ZYRYANOV V.V.

Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir V. ZYRYANOV, Associate Professor, PhD in Economics, Associate Professor of Social technology Subdepartment, Moscow, Russia (vzyryanov@gmail.com).

Abstract. Acquaintance with the content of the educational plans of 86 universities of the Russian Federation, implementing programs for training bachelors in sociology, showed that in recent years there has been a partial squeezing out from the educational process of the “social statistics” course. Formally, this led to a gap between the competencies declared in the educational standard, based on the study of social statistics, and its absence in 62% of educational programs. In fact – to a noticeable discrepancy between the content of education and the requirements for graduates preparing to work in a digital society. In addition, this explains the criticism of high school graduates regarding their low statistical literacy. Finally, this trend reinforces a weak ability of broad strata of the population to adequately and critically perceive statistical data, which abound in the information flows of modern media and social networks.

Keywords: sociological education, competencies, social statistics, mathematical statistics, statistical literacy, digital society.

REFERENCES

- Deviatko I. (2018). New Data, New Statistics: from Reproducibility Crisis toward New Requirements to Data Analysis and Presentation in Social Sciences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 12: 30–38 DOI: 10.31857/S0132162500003163-2. (In Russ.)
- Zavarina E.S. (2016) Traditional techniques and methods of statistics in increasing the statistical literacy of the population and officials In: *Statistical methods in the humanities and economic sciences*. Materials of the international scientific-practical conference (St. Petersburg, January 28–29, 2016). SPb.: Nestor-History: 113–114. (In Russ.)
- Zavarina E.S. (2017) Necessity and possibility of teaching “statistics” in higher education at non-economic faculties and departments In: *Bulletin of the Department of Statistics of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov*: Materials and reports, Orel, June 01–02, 2017 / Edited by N.A. Sadovnikova. Orel: Scientific Library Publishing House: 378–380. (In Russ.)
- Zyryanov V., Ladyzhets N., Temnova L. (2020). 30 Years of Sociological Education in Russia: Results, Problems, Trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1: 152–154. DOI: 10.31857/S0132162500008335-1. (In Russ.)
- Zyryanov V. (2020) Statistical training of sociologists in the context of the competence-based approach In: *Statistics in the strategic development of Russia: collection of papers*. ISU, Irkutskstat, ed. T.I. Grabelnykh. Irkutsk, Irkutsk State University Publishing House: 437–442. DOI: 10.26516/978-5-9624-1811-7.2020.1-591. (In Russ.)
- Klimov I.A. (2019) The Practice of Cooperation between Mathematicians and Sociologists in the USSR during the 1960–1980’s. *Sotsiologicheskii Zhurnal* (Sociological Journal). Vol. 25. No. 4: 142–162. DOI: 10.19181/socjour.2019.25.4.6823. (In Russ.)
- Karmanov M.V., Klochkova Ye.N. (2018) Statistical literacy as an important component of personnel training for the digital economy. *Voprosy statistiki* (Statistics Issues). No. 10: 78–83. (In Russ.)

- Karmanov M.V. (2016) On the matter of improving statistical literacy in the modern-day Russia *Voprosy statistiki*. No. 5: 80–85. DOI: 10.34023/2313-6383-2016-0-5-80-85. (In Russ.)
- Karmanov M.V. (2020) Statistics in the Eyes of the Modern Russian Society: Good or Evil? *Statistics and Economics*. No. 2: 4–9. DOI: 10.21686/2500-3925-2020-2-4-9. (In Russ.)
- Maksimov B.I. (2003) The working class, sociology and statistics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 1: 37–46. (In Russ.)
- Nestik T.A., Sedova N.N., Klimanova E.G. (2021) The Future of The Research Industry: From Competing for Budgets to Finding Partners. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 368–386. DOI:10.14515/monitoring.2021.1.1899. (In Russ.)
- Prokazina N.V. (2020) Sociological education in modern Russia: new challenges and prospects // *Izvestia of the Tula State University. Humanitarian sciences*. No. 4: 51–61. DOI: 10.24411/2071-6141-2020-10404. (In Russ.)
- Skvortsov N., Zyryanov V. (2018) Sociological education: between standards and realities. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. No. 7: 30–40. DOI: 10.31857/S013216250000190-2. (In Russ.)
- Tolstova Y. (2019) On A.A. Chuprov's Contribution to Sociology and Statistics. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* No. 1: 145–149. DOI: 10.31857/S013216250003756-4. (In Russ.)
- Frumin I.D., Dobryakova M.S. (2019) From the report: universal competences and new literacy // *Educational policy*. No. 3 (79): 63–72. (In Russ.)
- Hand D. (2017) *Statistics: A Very Short Introduction* / transl. from eng. by M.L. Phreer; Ed. by V.I. Levin. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANEPa Publ. (In Russ.)
- Shirov A.A. (2020) Statistics for the Benefit of Economics and Society. *Studies on Russian Economic Development*. No. 1: 3–6. (In Russ.)

Received: 06.10.2021. Accepted: 07.01.2022.

© 2022 г.

ЧЭНЬ ХУН, ГАНЬ СЯОЦЗЮАНЬ

ПРИЧИНЫ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКИХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ

ЧЭНЬ Хун – профессор (1359138003@qq.com); ГАНЬ Сяоцзюань – докторант (1366124858@qq.com). Оба – Институт марксизма Хайнаньского педагогического университета, Хайкоу, Китай.

Аннотация. В Китае в постсоветский период не переставали изучать природу советского общества и причины его распада. Как показывает обзор мнений о причинах гибели СССР видных китайских советологов, в научных дискурсах современной КНР представлены те же позиции, что и в современной России: одни считают это результатом провалов лишь в партийно-политической сфере, другие – провалом сталинской модели социализма, третьи отмечают глубинные экономические факторы. В то же время общепринятым является осуждение руководства КПСС 1980-х гг. за превращение изначально социалистических реформ в «переориентацию» на капитализм.

Ключевые слова: природа советского общества • распад СССР • советология в КНР

DOI: 10.31857/5013216250018499-1

Практически во всех работах современных китайских ученых подчеркивается, что у распада СССР была сложная система причин, затрагивающих практически все сферы – от организации научно-технического прогресса и экономики до вопросов партийного строительства и культуры. При этом разные авторы делают различные акценты на главных причинах дезинтеграции Советского Союза. С некоторой долей условности можно выделить три основные группы позиций.

Первая группа – ученые, подчеркивающие *проблемы в партийно-политической сфере*, ошибки и даже «предательство» руководства КПСС. Одной из наиболее известных работ на эту тему является изданная в 2011 г. под редакцией Ли Шэньминя (вице-президента Китайской академии общественных наук) книга «Мысли об опасности в мирное время – размышления о двадцатилетии распада советской Коммунистической партии» (есть ее русский перевод [Над чем размышляет история..., 2012]). В ней указывается, что для драматических изменений в СССР было много причин, но главный и решающий фактор – вырождение самой правящей партии. В частности, Ли Шэньминь подчеркивает: «Основополагающая причина распада советской Коммунистической партии и Советского Союза заключалась не в “сталинской модели” (т.е. советской социалистической модели), а в постепенном отходе от идеалов марксизма, социализма и фундаментальных интересов народа, и даже в окончательном их предательстве в период от Хрущева до Горбачева» [李慎明, 2011: 18].

Сходную позицию высказывает и другой известный китайский ученый, профессор Чэн Энфу. Подчеркивая большие успехи в строительстве советского социализма, он утверждает, что Советский Союз был мощной державой в экономическом и в военном плане. Советский социалистический путь в целом характеризовался тем, что достижения

значительно перевешивали ошибки. Отвечая на вопрос, почему же распался Советский Союз, Чен Энфу выделяет три причины: «Во-первых, идеологические причины. Чрезмерный отказ Хрущева от Сталина и западная стратегия мирной эволюции спровоцировали длительный период идеологической путаницы. Во-вторых, организационные причины. Советская Коммунистическая партия продвигала и назначала большое количество кадров немарксистского направления. В-третьих, политические причины. Руководство Коммунистической партии взяло на себя инициативу предать марксизм и научный социализм, что являлось самой роковой и фундаментальной причиной» [程恩富, 丁军, 2011].

Целостно и полно позиция, согласно которой главной причиной распада СССР стал отход от изначальной линии развития социализма в горбачевский период, раскрывается профессором Чжоу Синьчэн, ведущим специалистом по вопросам развития СССР и Восточной Европы. По его словам, «перемена Советского Союза была результатом ожесточенной борьбы между двумя классами и двумя общественными системами в условиях социализма, ядром которой стал вопрос о власти. Комплексный анализ факторов, приведших к перемене, показывает, что главным и решающим фактором была демократическо-социалистическая линия, проводимая Горбачевым; стратегия мирной эволюции, проводимой империализмом, являлась внешней причиной переворота в Советском Союзе» [周新城, 2011a; 2011b].

Вторая группа авторов предлагает несколько иной взгляд, акцентируя внимание не на ошибках последних руководителей КПСС, а на застарелых проблемах неэффективного управления, которые постепенно нарастали, пока не привели СССР к трагическому финалу. Так, профессора Лу Наньцзюань, Хуан Цзунлянь, Чжэн Ифань, Ма Луншань и Цзо Фэнжун составили трехтомную книгу «Правда о Советском Союзе – размышления над 101 важным вопросом». Авторы отмечают, что «фундаментальной причиной перемен в Советском Союзе была социалистическая система сталинской модели и проблемы институтов, воплотивших эту модель: социалистическая система сталинской модели была настолько несовершенна, что она уже не могла продолжаться, зашла в тупик, утратила свой динамический механизм». Одна из основных идей исторического материализма заключается, по мнению этих ученых, в том, что причины социальных изменений должны быть найдены в социально-экономической и политической системах. Коренные причины перемен в Советском Союзе также следует искать в системе, а не просто приписывать вину определенным вождям [陆南泉等, 2010: 1180].

Сходной позиции придерживается профессор Гао Фана: советскому обществу не хватало социалистической свободы, демократии и верховенства закона. Советский Союз после Сталина трижды откладывал политику реформ и открытости, пока в конце 1980-х гг. в советском обществе не разразились экономический, политический и национальный кризисы. В КПСС сформировались тогда три фракции – консерваторы, реформисты и радикалы, которые вели ожесточенную борьбу в течение трех лет, что в конечном итоге и привело к гибели партии, государства и общественной системы [高放, 2012].

Профессор Ван Дун, известный ученый-философ, считает, что утрата правящей позиции советской Коммунистической партии была обусловлена, главным образом, высокоцентрализованной системой управления Сталина и тем, что страна была сильно милитаризована. Все это привело к серьезному кризису в советской социальной структуре. В этом заключалась социально-историческая причина утраты власти правящей КПСС, а также провала горбачевских реформ, который был главной и прямой причиной утраты правящей позиции советской компартии [王东, 2003].

По мнению профессоров Ци Чжэнцзюй и Пэн Пинпин, «одной из главных причин распада КПСС, большой и старой партии с почти 20 млн членов и 74-мя годами правления, было преобладание бюрократии и формализма в поздний период советской власти, что разорвало отношения между КПСС и народной массой, а тем самым потрясло основу правления» [季正聚, 彭萍萍, 2018]. Профессор У Эньюань также указывает, что фундаментальной

причиной распада Советского Союза являлся не какой-то конкретный «режим», а деградация его правящей партии и смена базовой системы социализма [吴恩远, 刘书林, 2007].

Третья группа ученых КНР подчеркивает важность целостного социально-философского рассмотрения роли экономико-политических и других материальных факторов распада СССР. Так, профессор Чжэн Ифань раскрывает причины распада СССР, рассматривая вопрос с точки зрения нарушения исторической закономерности. Он отметил, что попытка Советского Союза с помощью насилия перепрыгнуть в социализм и коммунизм, чтобы добиться скачка в общественном развитии, провалилась из-за спешки. Некоторые лидеры советской Коммунистической партии полагались на власть и стремились действовать произвольно, игнорируя объективные законы исторического развития, требования и голоса народа, тенденции мировой истории, что неизбежно приводило к краху и осуждению в истории [郑异凡, 2011].

Один из ведущих ученых, исследующих проблемы СССР, Ань Цинянь, рассматривая контексты распада Советского Союза, подчеркивает, что переворот в Советском Союзе являлся результатом целого ряда причин, но при этом среди этого комплекса причин три были самыми важными: «Первая – упущенная возможность, вызванная новой научно-технической революцией; вторая – провал политики реформ; третья – неудача партийного строительства. Из этих трех причин наиболее важны изменения и последствия, вызванные новой научно-технической революцией» [安启念, 2000].

В заключение отметим, что по поводу причин гибели КПСС и распада СССР часто высказывался в своих работах и выступлениях Си Цзиньпин, Генеральный секретарь ЦК КПК (с 2012 г.). Например, в своем выступлении 5 января 2013 г., останавливаясь на необходимости неукоснительного проведения реформ и открытости, он отметил, что «без уверенного решения партии в 1978 г. о проведении реформ и открытости... социалистический Китай не смог бы иметь ту хорошую ситуацию, в которой он находится сегодня; Китай мог бы столкнуться с [таким же] серьезным кризисом, от которого погибли партии и страны Восточной Европы и СССР» [习近平, 2014: 112]. Позже Си Цзиньпин выразил убеждение в фатальном значении для КПСС и СССР исторического нигилизма: «Почему Советский Союз распался? Почему развалилась советская Коммунистическая партия? Важной причиной была ожесточенная борьба в идеологической сфере, тотальное отрицание истории Советского Союза и КПСС, отрицание Ленина и Сталина, вовлечение в исторический нигилизм, внесший путаницу в идеологии. Все это сделало партийные организации всех уровней почти бесполезными, оставило армию вне партийного руководства. В конце концов КПСС была рассеяна, и Советский Союз распался как крупнейшая социалистическая страна. Это – назидательный урок из прошлого» [习近平, 2019: 8].

Итак, как показывает наш обзор, в КНР идет широкое обсуждение проблемы причин распада Советского Союза. Проведенные китайскими учеными исследования показывают, что отказ от пути к социализму, от руководящего статуса Коммунистической партии, отказ от марксизма-ленинизма, превращение коррекции ошибок лидера в тотальное отрицание борьбы Коммунистической партии за социализм (вплоть до искажения истории) – все это обострило и без того серьезные экономические, политические, социальные и этнические противоречия СССР, что привело к исторической трагедии. Распад Советского Союза привел мировой социализм к упадку. Однако неудача социализма в Советском Союзе и Восточной Европе являлась провалом лишь советской модели, но не провалом социализма как такового. Успех социализма с китайской спецификой во многом вдохновляет мир на дальнейшее продвижение по пути социализма и является главной движущей силой современного мирового социалистического движения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Над этим размышляет история – заметки к 20-летию с момента развала СССР / Гл. ред. Ли Шэньмин. Пекин: Издательство литературы общественных наук, 2012. [Li Shenming. (ed.) (2012) *History Reflects on This – Notes on the 20th Anniversary of the Collapse of the USSR*. Beijing: Social Science Literature Publishing House. (In Russ.)]
- 安启念. 苏联剧变的三个重要原因 // 内部文稿. 2000. № 9. С. 9–10. [An Qingyan. (2000) Three Important Reasons for Changes in the Soviet Union. *Service Document*. 2000. No. 9: 9–10. (In Chin.)]
- 王东. 苏共执政地位丧失原因探究 // 学术交流. 2003. № 12. С. 19–22. [Wang Dong. (2003) Revisiting the Reasons for the Loss of the Ruling Position of the Soviet Communist Party. *Academic Exchange*. No. 12: 19–22. (In Chin.)]
- 高放. 从十个要点看苏联兴亡 // 中共杭州市委党校学报. 2012. № 5. С. 4–14. [Gao Fang. (2012) The Rise and Fall of the Soviet Union in Ten Aspects. *Bulletin of the Party School of the Hangzhou Municipal Committee of the CPC*. No. 5: 4–14. (In Chin.)]
- 李慎明. 居安思危——苏共亡党二十年的思考. 北京: 社会科学文献出版社, 2011. [Li Shenming. (2011) *The Thought of Danger in Peacetime – Twenty Years of the Collapse of the Soviet Communist Party*. Beijing: Social Science Literature Publishing House. (In Chin.)]
- 陆南泉等. 苏联真相——对101个重要问题的思考. 北京: 新华出版社, 2010. [Lu Nanquan et al. (2010) *The Truth About the Soviet Union – Reflections on 101 Important Issues*. Beijing: Xinhua Publishing. (In Chin.)]
- 习近平. 习近平谈治国理政(第1卷, 共3卷). 北京: 外文出版社, 2014. [Xi Jinping. (2014) *On the Management of the State*. Beijing: Foreign Language Publishing House. (In Chin.)]
- 习近平. 关于坚持和发展中国特色社会主义的几个问题 // 求是. 2019. № 7. [Xi Jinping. (2019) Several Questions about the Adherence and Development of Socialism with Chinese Characteristics. *In Search of Truth*. 2019. No. 7. (In Chin.)]
- 吴恩远, 刘书林. 也谈苏联剧变与中国的改革开放 // 科学社会主义. 2007. № 1. С. 36–40. [Wu Enyuan, Liu Shulin. (2007) On the Question of Changes in the USSR and the Reforms and Openness of China. *Scientific Socialism*. 2007. No. 1: 36–40. (In Chin.)]
- 季正聚, 彭萍萍. 从反对官僚主义的成败看苏共兴衰 // 紫光阁. 2018. № 6. С. 93–95. [Ji Zhengju, Peng Pingping. (2018) The Rise and Fall of the Soviet Communist Party from Success or Failure in the Fight against Bureaucracy. *Pavilion of Violet Light*. 2018. No. 6: 93–95. (In Chin.)]
- 周新城. 必须科学地分析苏联演变的实质、原因和教训——苏联解体二十年祭 贵州师范大学学报(社会科学版). 2011a. № 2. С. 36–47. [Zhou Xincheng. (2011) On the Need for a Scientific Study of the Essence, Causes and Edifying Lessons of the Changes in the Soviet Union – Dedication to the Twentieth Anniversary of the Collapse of the USSR. *Bulletin of Guizhou Pedagogical University (Publication on Social Sciences)*. No. 2: 36–47. (In Chin.)]
- 周新城. 必须科学地分析苏联亡党亡国的原因 // 中共石家庄市委党校学报. 2011a. № 9. С. 24–28. [Zhou Xincheng. (2011a) On the Need for a Scientific Study of the Causes of the Death of the USSR. *Bulletin of the Party School at the Shijiazhuang City Committee of the CPC*. No. 9: 24–28. (In Chin.)]
- 郑异凡. 苏联剧变: 违背历史规律的结局 // 探索与争鸣. 2011. № 10. С. 27–31. [Zheng Yifan. (2011) Soviet Change: The End against the Laws of History. *Research and Controversies*. 2011. No. 10: 27–31. (In Chin.)]
- 程恩富, 丁军. 苏联剧变主要原因的系统分析 // 中国社会科学. 2011. № 6. С. 207–217. [Cheng Enfu, Ding Jun. (2011) Systematic Analysis of the Main Reasons for the Collapse of the USSR. *Chinese Social Science*. No. 6: 207–217. (In Chin.)]

Статья поступила: 21.06.21. Принята к публикации: 15.11.21.

THE REASONS OF THE USSR COLLAPSE: VIEWS OF CHINESE SOCIAL SCHOLARS

CHEN HONG*, GAN XIAOJUAN*

**Hainan Normal University, China*

Hong CHEN, Prof. (1359138003@qq.com); Xiaojuan GAN, Doctoral Student (1366124858@qq.com). Both – Institute of Marxism, Hainan Normal University, Haikou, China.

Abstract. 2021 marks the 30th anniversary of the collapse of the CPSU and the USSR. All these 30 years in China, they did not stop studying the nature of Soviet society and the reasons for its collapse, so that a large research community of studying the history of the USSR was formed in the PRC. As the review of the opinions on the reasons for the death of the USSR by prominent Chinese Sovietologists shows, in the modern PRC the same positions are presented as in modern Russia: some consider the death of the USSR to be the result of failures only in the party-political sphere, while others believe that the fundamental reason was the failure of the Stalinist model of socialism, still others consider underlying economic factors as the most important. At the same time, it is generally accepted to condemn the leadership of the CPSU in the 1980s. for the transformation of the initially socialist reforms into a "reorientation" towards capitalism.

Keywords: nature of Soviet society, collapse of the USSR.

Received: 21.06.21. Accepted: 15.11.21.

Т.В. БЛИНОВА, А.А. ВЯЛЬШИНА

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К ПАНДЕМИИ COVID-19 И ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКИМ ОГРАНИЧЕНИЯМ

БЛИНОВА Татьяна Викторовна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник (ruandre@mail.ru); ВЯЛЬШИНА Анна Александровна – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник (anvyal@mail.ru). Обе – Институт аграрных проблем РАН, Саратов, Россия.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования отношения студентов к пандемии COVID-19 и введенным противоэпидемическим ограничениям. Эмпирическую основу составили данные пилотажного опроса студентов, проведенного Институтом аграрных проблем РАН в 2020 г. (N = 216). Полученные результаты подтвердили, что среди переболевших COVID-19, а также тех, у кого были инфицированы родственники, значительно меньше скептиков (8,3%) в отличие от тех, кто не был инфицирован (14,8%). Во-вторых, выявлен «парадокс переболевшего COVID-19», состоящий в том, что, с одной стороны, перенесшие инфекцию признают опасность пандемии, а с другой – не всегда соблюдают ограничительные и профилактические меры. Так, социальной дистанции придерживаются лишь 49,5% переболевших студентов и 61,1% неболевших. Кроме того, опасение, что заразятся близкие, беспокоит респондентов в большей степени, чем риск заболеть самому.

Ключевые слова: COVID-19 • пандемия • отношение • профилактические и ограничительные меры • поведение • студенты

DOI: 10.31857/S013216250015289-0

Постановка исследовательской задачи. Социологические и медико-психологические исследования, проведенные российскими и зарубежными исследователями в 2020–2021 гг., свидетельствуют о неоднозначном отношении разных социально-демографических групп населения к рискам и последствиям пандемии COVID-19 [Решетников и др., 2020; Guzek и др., 2020; Kim, Kim, 2020; Dardas и др., 2020; Nivette и др., 2021]. К числу значимых социально-демографических факторов, связанных с восприятием пандемии как эпидемиологической угрозы и более ответственным соблюдением профилактических мер, чаще всего относят социальный статус, уровень образования, возраст и пол (женщины) [Underschultz и др., 2021; Svetković и др., 2020; Lin, 2021]. Высокий социальный статус, как правило, сочетается с большей осведомленностью о рисках пандемии и выполнением ограничительных мер, а группы с низким социально-экономическим статусом в большинстве международных исследований идентифицированы как группы риска [Underschultz и др., 2021]. Результаты исследований свидетельствуют: чем более образован человек, тем больше у него знаний об эффективных мерах по предотвращению заражения и заболевания COVID-19 [Svetković и др., 2020]. Опросы, проведенные в Швейцарии, Польше, а также других странах Организации экономического сотрудничества и развития (Австрии, Франции, Италии, Германии, Великобритании, Австралии, США, Новой Зеландии), показали, что молодые мужчины реже сообщали о регулярном мытье рук, социальной дистанции и использовании антисептиков по сравнению с женщинами [Guzek и др., 2020; Nivette и др., 2021], тогда как женщины в большей мере склонны к подержке и соблюдению ограничительных мер [Galasso и др., 2020].

Некоторые исследователи заметили различия между поведением молодежи и представителей старших возрастных групп в период пандемии [Lin, 2021]. Как правило, чем человек старше, тем тяжелее протекает болезнь, зная об этом, молодые меньше опасаются заражения, игнорируют отдельные ограничительные меры и сомневаются в необходимости вакцинации. По данным опроса ВЦИОМ, представленным в апреле 2021 г.,

большая часть россиян (65%) положительно относятся к массовой вакцинации, однако среди граждан старше 60 лет уровень поддержки наибольший и составляет 81%¹. Поддержка массовой вакцинации со стороны 18–24-летних значительно ниже: 16% относятся положительно, 32% скорее положительно². Влияет ли на восприятие молодежью пандемии и ее отношение к ограничительным (профилактическим) мерам личный и опосредованный опыт инфицирования вирусом SARS-CoV-2?

Информационная база исследования. Авторы проанализировали данные анкетного онлайн-опроса 230 студентов Саратовского государственного аграрного университета им. Н.И. Вавилова (СГАУ) в возрасте 17–25 лет (средний возраст $20,26 \pm 1,48$ года), полученные в ноябре 2020 г. Итоговая выборка содержит 216 анкет, т.к. 14 анкет содержали пропуски и были удалены. Для тестирования рабочей гипотезы о том, что отношение к эпидемии детерминировано личным и опосредованным опытом болезни, данные были поделены на две равные группы (по 108 человек). В первую вошли анкеты молодых людей, переболевших коронавирусной инфекцией, а также тех, у кого были инфицированы родные и близкие. Среди них 35 мужчин и 73 женщины (средний возраст $20,13 \pm 1,38$), перед поступлением в университет 80 респондентов проживали в городской, а 27 – в сельской местности. Вторую группу составили те, кто не болел COVID-19 сам и не столкнулся с инфекцией в личном окружении: 43 мужчины и 65 женщин (средний возраст $20,39 \pm 1,565$), перед поступлением в университет 64 респондента проживали в городской, а 39 – в сельской местности.

Анкета содержала блоки вопросов, позволяющие выявить опыт болезни; отношение к рискам и последствиям эпидемии COVID-19, а также ограничительным мероприятиям; опасения респондентов; возможные экономические последствия (потеря работы, дохода); степень доступности необходимой медицинской помощи в период пандемии COVID-19. Операционализация отношения студентов к пандемии осуществлялась через выбор альтернатив вопроса: «Опишите Ваше личное отношение к пандемии коронавируса COVID-19» с идентификацией критического отношения – «Пандемия коронавируса COVID-19 – это раскрученный СМИ феномен», рационального – «COVID-19 – это опасная и быстро распространяющаяся инфекция, которую при разумном подходе можно преодолеть», тревожного – «Эта ситуация вызывает у меня опасения за свое здоровье и жизнь и здоровье близких» и панического – «Я очень боюсь, что могу сам(а) заразиться или что заболеют мои близкие». Операционализация степени готовности респондентов выполнять противоэпидемические меры проводилась на основе анализа ответов на вопрос «С начала пандемии эксперты в области здравоохранения разработали ряд мер для предотвращения заражения и замедления распространения инфекции. Укажите, пожалуйста, о каких из них вы слышали и/или выполняли за последнюю неделю». Идентификация опасений проводилась с помощью вопроса: «Чего лично вы опасаетесь в связи с пандемией коронавируса COVID-19?». Статистическая обработка данных выполнялась с использованием пакета прикладных программ SPSS17.0.

Результаты и обсуждение. Среди переболевших студентов лишь 8,3% считают, что пандемия – это «раскрученный» средствами массовой информации (СМИ) феномен. В числе неболевших таковых почти в два раза (1,8) больше – 14,8%. «COVID-скептиков» намного меньше среди тех, кто не понаслышке знает об этой болезни (болели сами или их близкие), неудивительно, что они больше боятся заразиться: 11,1% по сравнению с 6,5% неболевших. Опасаются не только за свое, но и здоровье близких 42,6% представителей первой и 43,5% – второй групп. Отсутствие «COVID-опыта» провоцирует формирование ложных представлений о том, что бессимптомные больные не могут распространять инфекцию.

По данным исследования, в составе неболевших так думает каждый пятый (20,6%), а среди тех, кто переболел COVID-19, только 9,3%.

¹ Вакцинация от коронавируса: мониторинг // ВЦИОМ. 2021. 29 апреля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/vakcinacija-ot-koronavirusa-monitoring> (дата обращения: 18.05.2021).

² Там же.

Примерно 38% респондентов из первой группы считают, что коронавирус – это опасная быстро распространяющаяся инфекция, которую при разумном подходе можно победить. Они адекватно оценивают возможные риски и последствия для себя и родственников, опасаясь повторного инфицирования. Парадоксально, что не все из них соблюдают противоэпидемические и профилактические меры. Как показывают результаты исследования, меньше половины респондентов первой группы (49,5%) готовы придерживаться социальной дистанции; чуть больше половины (52,8%) регулярно используют антисептики и стремятся к самоизоляции при признаках заболевания 55,7%; регулярно моют руки 67,9%; пользуются маской в людных местах 77,6%. Во второй группе выше удельный вес студентов, соблюдающих все профилактические меры: 84,1%, надевают маску при массовом скоплении людей; 73,3% регулярно моют руки; 62,3% соблюдают социальную самоизоляцию даже при легких симптомах заболевания.

Респонденты из первой группы (переболевшие) чаще указывали на проблемы с доступностью необходимой медицинской помощи (отсутствие свободного врача, длительное ожидание «Скорой помощи») и на опасения посещать медицинские учреждения из-за эпидемической обстановки. У 59,8% студентов второй группы таких проблем не было.

В целом травмирующий опыт болезни провоцирует тревожность, связанную как с доступом к своевременной качественной медицинской помощи, так и с экономическими и социальными последствиями пандемии. В то же время среди «COVID-неопытных» студентов наблюдалась более высокая доля тех, кто «ничего не боится» в период пандемии COVID-19: 9,3% по сравнению с 0,9% переболевших. Страх за себя примерно одинаков в обеих группах: опасаются заболеть 20,4% из первой и 22,2% из второй. В отношении близких тревога гораздо сильнее – 71,3% и 76,9% соответственно. Опасения провоцируются возможными рисками: неправильные действия врачей (54,6% и 32,4%), отсутствие эффективных лекарств и схем лечения (49,1% и 36,1%), нехватка лекарств и средств индивидуальной защиты (38% и 17,6%). Неболевшие гораздо чаще демонстрируют нулевой или низкий уровень тревожности, в то время как представители первой группы чаще указывают на ее высокий градус.

Можно констатировать, что знания, полученные из опыта болезни и возможных потерь, влияют на отношение студентов к сложившейся эпидемиологической ситуации. Вместе с тем, как уже было отмечено, выявлен «парадокс переболевшего», проявляющийся в эмоциональной и поведенческой амбивалентности. С одной стороны, лица, переболевшие COVID-19, оценивают пандемию как потенциальную эпидемиологическую угрозу с высокими рисками и негативными социально-экономическими и психоэмоциональными последствиями. С другой, примерно половина из них не стремится соблюдать профилактические и ограничительные меры. Можно предположить, что поведенческая амбивалентность объясняется тремя диспозиционными факторами: молодым возрастом студентов, легкой формой течения болезни и снижением «гигиенической настороженности» после нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Решетников А.В., Присяжная Н.В., Павлов С.В., Вяткина Н.Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы. Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143. [Reshetnikov A.V., Prisyazhnaya N.V., Pavlov S.V., Vyatkina N. Yu. (2020) Perception of the COVID-19 Pandemic by Moscow Residents. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 138–143. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250009481-2.
- Cvetković V.M., Nikolić N., Nenadić U.R., Öca, A.K., Noji E., Zečević M. (2020) Preparedness and Preventive Behaviors for a Pandemic Disaster Caused by COVID-19 in Serbia. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 11. Article no. 4124. DOI: 10.3390/ijerph17114124.
- Dardas L.A., Khalaf I., Nabolsi M., Nassar O., Hulasa S. (2020) Developing an Understanding of Adolescents' Knowledge, Attitudes, and Practices toward COVID-19. *Journal of School Nursing*. Vol. 36. No. 6: 430–441. DOI: 10.1177/1059840520957069.

- Galasso V., Pons V., Profeta P., Becher M., Brouard S., Foucault M. (2020) Gender Differences in COVID-19 Attitudes and Behavior: Panel Evidence from Eight Countries. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 117. No. 44: 27285–27291. DOI: 10.1073/pnas.2012520117.
- Guzek D., Skolmowska D., Glabska D. (2020) Analysis of Gender-Dependent Personal Protective Behaviors in a National Sample: Polish Adolescents' COVID-19 Experience (PLACE-19) Study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 16. Article no. 5770. DOI: 10.3390/ijerph17165770.
- Kim S., Kim S. (2020) Analysis of the Impact of Health Beliefs and Resource Factors on Preventive Behaviors against the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 22. Article no. 8666. DOI: 10.3390/ijerph17228666.
- Lin H.-Ch., Chen Ch.-Ch. (2021) Disease Prevention Behavior During the COVID-19 Pandemic and the Role of Self-Esteem: An Extended Parallel Process Model. *Psychology Research and Behavior Management*. Vol. 14: 123–135. DOI: 10.2147/PRBM.S291300.
- Nivette A., Ribeaud D., Murray A., Steinhoff A., Bechtiger L., Hepp U., Shanahan L., Eisner M. (2021) Non-compliance with COVID-19-related Public Health Measures among Young Adults in Switzerland: Insights from a Longitudinal Cohort Study. *Social Science & Medicine*. Vol. 268. Article no. 113370. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113370.
- Underschultz J.G., Barber P., Richard D., Hillier T. (2021) What Drives Resistance to Public Health Measures in Canada's COVID-19 Pandemic? An Online Survey of Canadians' Knowledge, Attitudes, and Practices. *University of Toronto Medical Journal*. Vol. 98 No. 1: 35–40. URL: <https://utmj.org/index.php/UTMJ/article/view/1347/1267> (accessed 18.05.2021).

Статья поступила: 25.05.21. Принята к публикации: 03.11.21.

ATTITUDE OF STUDENTS TO THE COVID-19 PANDEMIC AND THE ANTI-EPIDEMIC RESTRICTIONS

BLINOVA T.V.*, VYALSHINA A.A.*

*Institute of Agrarian Problems of RAS, Russia

Tatiana V. BLINOVA, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Chief Researcher (ruandre@mail.ru); Anna A. VYALSHINA, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher (anvyal@mail.ru). Both – Institute of Agrarian Problems of RAS, Saratov, Russia.

Abstract. The objective of this study is to identify the attitude of students to the COVID-19 pandemic and the introduced anti-epidemic restrictions. The empirical basis was the data of a pilot survey of students conducted by the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences in 2020 ($N = 216$). New empirical data have been obtained confirming, firstly, that among those who have had COVID-19, as well as those whose relatives had coronavirus, there are significantly fewer COVID-19 skeptics (8.3%), in contrast to those who did not get sick (14.8%). Secondly, the “recovered from COVID-19 paradox” was identified, that is, on the one hand, those who have recovered, recognize the danger of the COVID-19 pandemic, and on the other hand, not everyone strives to comply with restrictive and preventive measures. Thus, only 49.5% of students who have recovered from the illness and 61.1% of those who have not had the disease observe the social distance. Thirdly, the fear that loved ones will get sick worries the respondents to a greater extent than the risks of getting sick themselves.

Keywords: COVID-19, pandemic, attitude, preventive and restrictive measures, behavior, students.

Received: 25.05.21. Accepted: 03.11.21.

З.В. АНАЙБАН, Г.Ф. БАЛАКИНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ ТУВЫ

АНАЙБАН Зоя Васильевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия (anayban@mail.ru); БАЛАКИНА Галина Федоровна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия (balakina.gal@yandex.ru).

Аннотация. Представлены результаты исследования установок и ориентаций молодежи Республики Тыва, вопросы профессиональной и трудовой занятости, собственного положения в обществе, реализованного авторами в мае – июне 2021 г. Рассматриваются условия и возможности адаптации учащейся молодежи к новым рыночным реалиям, на основе этого выделяются три социокультурных типа личности. Особое место уделено изучению ценностных приоритетов молодежи.

Ключевые слова: учащаяся молодежь • Тува • социокультурные типы адаптации • ценностные ориентации • этническая идентичность

DOI: 10.31857/S013216250018548-5

Эмпирическая база исследования. Для анализа содержания ценностных ориентаций, социальных ожиданий, темпов и типов адаптации молодежи Тувы к современным условиям в мае – июне 2021 г. проведен опрос учащейся молодежи г. Кызыла (Тувинский госуниверситет, Кызылский транспортный техникум, Кызылский техникум экономики и права) ($N = 301$). Разработанная авторами анкета исследования состояла из 21 вопроса, при составлении были использованы отдельные вопросы из «Опросных листов» Л.М. Дробижевой и Л.В. Остапенко. Среди опрошенных – 44,6% мужчины и 55,4% женщины; 78,5% тувинцев, 20% русских и 1,5% представителей других национальностей; 98,5% респондентов в возрасте 18–24 лет и 1,5% – 25–30 лет. Опрошенные получали специальность по гуманитарной специализации – 66,1% (экономика и менеджмент), по технической – 32,2% (техническая эксплуатация механизмов, строительство и эксплуатация дорог), по другим – 1,7% (сельское хозяйство). Состояли в браке 4,6% опрошенных, не состояли – 84,5%, указали, что живут в незарегистрированном (гражданском) браке – 10,9%.

При анализе используются результаты социологического опроса 2015 г. «Современная молодежь Тувы и Хакасии: этносоциальный портрет» ($N = 600$). Эти материалы привлечены лишь для определения общей динамики и основных тенденций развития исследуемых процессов.

Социальная адаптация и отношение к трудоустройству. За последнее десятилетие в молодежной среде Тувы произошли сдвиги в сторону повышения адаптации к рыночной идеологии, встраивания в новые социальные институты: повысилась доля «высокоадаптированных» молодых людей, снизился удельный вес «выжидающих» (ср.: [Балакина, Кылыгай, 2015: 97]).

В результате исследования было выявлено три типа личностей, три группы молодежи, различающиеся по степени приспособленности к современным условиям, в частности к необходимости выхода на рынок труда после окончания учебы. К первой группе, которая условно названа «высокоадаптированные», отнесены молодые люди, уверенно позиционирующие себя в рыночных отношениях, готовые заняться бизнесом и много работать для улучшения своего материального положения. К этому типу можно отнести 50,3% респондентов (54,9% тувинцев и 34,7% русских). Вторую группу – «мобилизующиеся» – составляет

молодежь, не адаптировавшаяся к изменениям, но намеренная предпринимать определенные шаги по поиску возможностей роста своего благосостояния: поменять место жительства, активно участвовать в политической жизни, сменить профессию (32,7% опрошенных – 49,8% русских и 27,4% тувинцев). В третью группу, названную «выжидатели», включены молодые люди, не определившие своего отношения к современным реалиям, надеющиеся на помощь государства, затрудняющиеся с ответом, их удельный вес составил 17,2% респондентов (15,5% русских и 17,7% тувинцев).

На вопрос «На что вы готовы, чтобы улучшить свое материальное положение?» ответили, что займутся предпринимательством 47,7% (52,9% тувинцев и лишь 30,8% русских). Отмечается интерес молодежи к занятию бизнесом. Так, каждый седьмой молодой человек (13,8%) на вопрос «Как вы считаете, что наиболее важно для современного человека?» ответил, что «участие в бизнесе». В частности, в этом убеждены 15,7% молодых тувинцев и 7,7% русских.

Важным аспектом исследования было выявление отношения молодежи к вопросам трудоустройства, так как уровень безработицы в Туве один из самых высоких в Сибирском федеральном округе. Так, в 2020 г. этот показатель, на наш взгляд, достиг рекордного уровня – 13,5%, тогда как в предыдущие годы (2016–2019) эта цифра была существенно меньше и колебалась в пределах 4% [Республика Тыва в цифрах..., 2021: 31]. Подчеркнем, что более 32% безработных в Туве составляют молодые люди в возрасте до 30 лет [Регионы России..., 2020: 197]. Высокий уровень безработицы в республике усугубляется особенностью обеспечения работой – трудоустройство по признаку родства. Так, по мнению респондентов, родственные связи и наличие влиятельных знакомых при трудоустройстве играют существенную роль, сопоставимую с профессиональной подготовкой и уровнем образования (табл. 1). За последнее десятилетие можно констатировать, что для молодых при трудоустройстве наличие влиятельных родственников и знакомых стало менее значимо, чем профессиональная подготовка; более, чем вдвое возросло осознание молодежью действия коррупционных схем трудоустройства в регионе.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какое условие является решающим при приеме на работу в вашем городе (кожууне)?»
(в % по столбцу; возможно несколько вариантов ответа)

Варианты ответа	Всего	В том числе	
		тувинцы	русские
Хорошая профессиональная подготовка	52,3	52,9	61,5
Активность, напористость, настойчивость	35,4	35,3	30,8
Помощь влиятельных родственников и знакомых	24,6	25,5	23,1
Взятка	13,8	15,7	7,7
Помощь кадрового агентства	3,1	3,9	–
Содействие службы по месту жительства	7,7	7,8	7,7
Затрудняюсь ответить	13,8	13,7	15,4

Настрой молодых людей на выезд из региона вряд ли можно считать позитивным для социальных и этнодемографических процессов в Туве, поскольку интенсивность миграции (как внутренней, так и внешней) высока: республика постоянно теряет в миграционном обмене квалифицированные кадры. Намерения молодежи сменить место жительства существенны: каждый четвертый респондент (26,2%) ответил, что готов поменять место жительства для улучшения своего материального положения (27,5% тувинцев и 23,1% русских).

Результаты показывают, что оценки молодыми людьми собственного благосостояния достаточно дифференцированы. Хотя позитивные оценки составляют более 72%, уровень негативных оценок высок: почти каждый четвертый представитель молодежи (23,1%) не удовлетворен своим материальным положением. Оценки своего положения

в обществе в целом более позитивны: 80% молодежи полностью удовлетворены и скорее удовлетворены им; 9,2% выбрали вариант «скорее не удовлетворен» и 10,8% затруднились. Вариант «полностью не удовлетворен» не был выбран.

По мнению Ч.К. Ламажаа, для молодежи Тувы характерен социальный пессимизм, боязнь будущего как такового, что обусловлено «ценностным расколом», произошедшим из-за перехода от социалистической идеологии к рыночным реалиям и непоследовательной внутренней региональной политике [Ламажаа, 2011: 275–276]. Не оспаривая обоснованности данного утверждения для периода 2000–2010 гг., заметим, что молодое поколение молодежи Тувы выросло и сформировалось под воздействием новых рыночных институтов, что детерминировало сдвиги в настроениях и оценках в сторону индивидуализма, осознания необходимости модернизации и самосовершенствования.

Ценностные приоритеты. На вопрос о том, что дает им чувство уверенности в завтрашнем дне, в большинстве опрошенные назвали поддержку семьи, родственников и друзей (64,1%). Среди тувинцев – 66,7%, среди русских – 53,8%. Если у почти половины опрошенной тувинской молодежи уверенность в завтрашнем дне основана на собственном оптимизме (49%), то для русской молодежи более значима такая позиция, как способность заработать, профессия, на которую указали более трети опрошенных (38,5%). Между тем среди молодежи обеих этнических групп 6,3% респондентов признали, что у них нет уверенности в завтрашнем дне.

О возросшем в наши дни авторитете и значимости семьи в жизни молодых людей можно судить по ответам на вопрос: «Что вам обычно помогает переносить жизненные трудности?» Подавляющее большинство считают, что справляться с разного рода проблемами им помогают в первую очередь семья, друзья, любимый человек (85,9, 86,3 и 84,6% соответственно). Отметим, что значительна доля тех, кто считает книги, кино, радио, музыку серьезным подспорьем в преодолении трудной жизненной ситуации (41,2% тувинцев и 46,2% русских), а также 29,4% тувинцев отметили общение с природой. На коллег и работу рассчитывают менее 10% в обеих группах.

В оценках жизни, независимо от национальной принадлежности, в основном значатся два определения: «все не так плохо, а скоро будет еще лучше» (59,4%) и «жить трудно, но терпеть можно» (18%). Есть те, кто убежден, что «терпеть наше бедственное положение совершенно невозможно» (4,7%), при этом среди тувинцев высказали это мнение всего лишь 1,9%, среди русских – 15,4%. Сопоставление этих данных с материалами предыдущих исследований показало, что если по аналогичному показателю в недавнем прошлом «лидировала» тувинская молодежь, демонстрируя более инициативное отношение к жизни и соответствующий настрой, то в этот раз более активную жизненную стратегию занимают русские (хотя нужно учитывать небольшой процент русских в нашей выборке).

Абсолютное большинство молодых респондентов (90,6%) считают, что улучшение их жизни зависит, прежде всего, от них самих (табл. 2). По сравнению с данными опроса 2015 г. наблюдается заметный рост разделяющих эту точку зрения, что говорит о жизненной активизации и осознании личной ответственности за свою судьбу (51% тувинцев, 62% русских). Сократилась доля молодежи, связывающая улучшение своей жизни с местными властями. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что а) к настоящему времени по разным объективным и субъективным факторам кредит доверия к региональному руководству у жителей республики исчерпан; б) сегодняшние реалии поневоле приводят к пониманию, что следует рассчитывать в первую очередь на себя, на свои возможности. Кроме всего прочего, немаловажен и тот факт, что речь идет о молодых людях, родившихся и выросших в новых для других россиян рыночных условиях жизни, где декларируются иные формы взаимодействия и отношений государства, власти и общества.

Опрос выявил большой разброс в понимании того, что означает «хорошо жить». Молодежь чаще называла «иметь хорошую семью» (62,7% тувинцев, 69,2% русских), для значительного числа это означает «жить обеспеченно, в достатке» (соответственно 58,8 и 38,5%). В этом списке фигурируют также «иметь интересную работу» (47,1%) и «жить спокойно, без

Таблица 2

Распределение ответов опрошенных на вопрос «От кого зависит улучшение вашей жизни?»
(2021 г., в % по столбцу; возможно несколько вариантов ответа)

Варианты ответа	Молодежь Тувы		
	всего	тувинцы	русские
От нас самих	90,6	94,0	77,0
Членов моей семьи, родственников	12,5	7	23,1
Городских (сельских) властей	7,8	7	7,7
Республиканских властей	14,1	22	7,7
Другое (укажите, что именно)	1,9	1,9	–
Затрудняюсь ответить	–	–	–

волнения и забот» (61,5%). Особо отметим, что, вопреки ожиданию, в обеих этнических группах оказалась довольно несущественна численность считающих, что «хорошо жить» – это «иметь власть, положение в обществе» (3,1%) и «иметь образование» (17,2%).

Большинство опрошенных считают свою нынешнюю жизнь интересной, она их полностью устраивает (51,5%). Каждый пятый респондент считает, что надо спокойно принимать плохое и хорошее, все в жизни устроится само собой (19,5% тувинцев и 23,1% русских).

Этническая идентификация. Согласно опросу, подавляющее большинство респондентов из числа русской молодежи, как и по данным предыдущих исследований, ответили, что «моя родина – Россия» (76,9%). Этот показатель коррелирует с аналогичными мнениями опрошенной в 2015 г. русской молодежи Тувы и Хакасии, среди которых Россия как свою родину позиционировали 82% респондента в Туве и 78% респондентов в Хакасии [Анайбан, 2017: 164].

Что касается тувинской молодежи, то среди них почти половина ответили, что «моя родина – Республика Тыва», и примерно столько же считают, что «моя родина – Россия» (47,1 и 45,1%). В то же время почти каждый десятый из их числа, в отличие от русских, затруднился с ответом. Сравнение этих показателей с данными более ранних опросов свидетельствует, что с годами в среде тувинской молодежи прослеживается тенденция постепенного возрастания доли тех, у кого в приоритете значится российская идентичность. Однако, независимо от принадлежности к этнической группе, у молодежи в числе основных идентичностей была и остается этническая – 65,6% («значима» и «очень значима»), при этом как у тувинцев, так и русских доля убежденных в этом примерно одинакова (64,7 и 69,1% соответственно). Если по результатам исследования 2015 г. численность придерживающихся этой позиции среди русской молодежи не изменилась, то среди тувинцев несколько уменьшилась. Наблюдаемое некоторое понижение значения данных об этнической идентификации у тувинцев, с нашей точки зрения, связано с их численным доминированием в республике.

Опрос выявил наибольшую полярность во мнениях по поводу того, что роднит их с людьми своей национальности, что для них является наиболее важным для представителей его этноса. В перечне предложенных вариантов ответа тувинская молодежь чаще выбирала «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа» и «сохранение языка моей национальности» (74,5 и 70,6%), русскоязычная – «возможность спокойно работать и жить в республике» (38,5%) и «сохранение культуры, традиций, обычаев моего народа» (30,8%). На позицию «возможность спокойно работать и жить в республике» среди тувинцев указали также 23,1%. Полагаем, что эта установка обусловлена не проблемами межэтнического взаимодействия и общения (поскольку, по данным разных исследований, межнациональные отношения в республике в настоящее время характеризуются как вполне спокойные и благоприятные), а другими факторами, в числе которых и неблагоприятная криминогенная обстановка в регионе. Кроме того, в ряду наиболее важных условий для

успешного развития своего народа респонденты указали на «экономическое процветание» (43,1% тувинцев и 23,1% русских).

Выводы. По результатам исследования можно сделать вывод, что вектор социального самочувствия молодежи смещается от социального пессимизма к росту надежды на социальное благополучие в будущем. Среди этносоциальных особенностей самочувствия учащейся молодежи республики необходимо отметить более сдержанные оценки своего социального положения, возможностей карьерного и социального роста со стороны представителей русской молодежи, которые высказывают выжидательный интерес, настороженность и беспокойство намного в большей степени и пониженное намерение активно включиться в новые процессы, происходящие в стране, в сравнении со сверстниками-тувинцами.

Прослеживается тенденция возрастания роли и авторитета семьи и близких, что ранее было характерно главным образом для старшего поколения. Более того, для опрошенной молодежи семья и ее поддержка стоят в ряду важнейших показателей счастливой жизни. На уровне ценностных установок в сознании молодежи продолжается переход от иждивенческих ориентаций к повышению осознания значимости собственных усилий в достижении жизненного успеха. Хотя этот процесс развивается достаточно противоречиво. И все же одним из важных итогов нашего исследования стал вывод о том, что значительное число как тувинской, так и русской молодежи при решении разного рода жизненных проблем полагаются прежде всего на себя, на свои возможности. Все это позволяет надеяться на то, что для этого поколения юношей и девушек в перспективе будут в большей мере присуще такие черты характера, как инициативность, мобильность и напористость в достижении поставленной цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анайбан З.В. Молодежь Тувы и Хакасии в XXI веке. Этносоциологические очерки. М.: ИВ РАН, 2017.
- Балакина Г.Ф., Кылгыдай А.Ч. Этнорегиональные модели адаптации к рынку труда в Туве / Отв. ред. Корель Л.В. Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2015.
- Балакина Г.Ф. Этносоциальные особенности адаптации населения Республики Тыва к рыночной экономике // Регион: экономика и социология. 2016. № 4(92). С. 176–195. DOI: 10.15372/REG20160408.
- Ламажаа Ч.К. Тува между прошлым и будущим. СПб.: Алетейя, 2011.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Статистический сборник. М.: Росстат, 2020.
- Республика Тыва в цифрах. 2020. Статистический сборник. Красноярск: Красноярскстат, 2021.

Статья поступила: 01.10.21. Принята к публикации: 21.12.21.

SOCIAL EXPECTATIONS AND VALUE ORIENTATIONS OF STUDENTS IN TUVA

ANAYBAN Z.V.*, BALAKINA G.F.**

*Institute of Oriental Studies of the RAS, Russia

** Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the RAS, Russia

Zoya V. ANAYBAN, Dr. Sci. (Hist.), Advanced Research Fellow, Senior Researcher at the Department of History of Orient, the Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (anayban@mail.ru); Galina F. BALAKINA, Dr. Sci. (Econ.), Chief Researcher, the Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kyzyl, Russia (balakina.gal@yandex.ru).

Abstract. The results of a study of attitudes and orientations of youth in the Republic of Tuva, issues of professional and labor employment, their own position in society, implemented by the authors in May – June 2021, are presented. The conditions and possibilities of adaptation of student youth to new market realities are considered, on the basis of this, three sociocultural types of personality are distinguished. Special attention is paid to the study of the value priorities of youth. The observed tendencies in the change in value orientations in the life of young men and women are due to both ongoing various kinds of transformations in the main spheres of the life of Russian society and the peculiarities of the socio-economic situation of this region. Based on the analysis of the research materials, the conclusion is made about the specifics of the formation of the mentality of young people of the republic, which is important and must be taken into account when developing regional programs aimed at solving various problems of youth.

Keywords: student youth • Tuva • sociocultural types of adaptation • value orientations • ethnic identity.

REFERENCES

- Anayban Z.V. (2017) *Youth of Tuva and Khakassia in the XXI century. Ethnosociological essays*. Moscow: IV RAS. (In Russ.)
- Balakina G.F., Kylgydai A.Ch. (2015) *Ethnoregional models of adaptation to the labor market in Tuva*. Korel L.V. (ed.) Kyzyl: TuvIKOPR SB RAS. (In Russ.)
- Balakina G.F. (2016) Ethnosocial features of adaptation of the population of the Republic of Tyva to the market economy. *Region: economics and sociology*. No. 4 (92): 176–195. DOI: 10.15372/REG20160408. (In Russ.)
- Lamazhaa C.K. (2011) *Tuva between the past and the future*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020. Statistical collection.* (2020) Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- The Republic of Tuva in numbers. 2020. Statistical collection.* (2021) Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Statistics. (In Russ.)

Received: 01.10.21. Accepted: 21.12.21.

© 2022 г.

ЧТО СКРЫВАЕТСЯ ЗА «ЗАПРОСОМ НА ПЕРЕМЕНЫ»?

В Институте социологии ФНИСЦ РАН 17 ноября 2021 г. прошел круглый стол на тему «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены», в котором приняли участие более 40 человек. На мероприятии были представлены результаты трехлетнего исследовательского проекта, реализованного коллективом под руководством недавно умершего **В.В. Петухова**. В задачи исследования входило изучение представлений различных социальных и социально-демографических групп о необходимости перемен, выявление и описание основных акторов соответствующего запроса, а также определение факторов его формирования.

Круглый стол открыл акад. РАН **М.К. Горшков** (ИС ФНИСЦ РАН), отметивший, что обсуждаемое исследование – своеобразное продолжение масштабного проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», реализованного Центром комплексных социальных исследований ИС ФНИСЦ РАН в 2014–2018 гг. По его мнению, проблема формирования общественного запроса на перемены вызрела в недрах российского общества и связана с увеличением доли «самодостаточных россиян» (практически до 50%), готовых самостоятельно решать свои проблемы, не опираясь на помощь государства. В условиях, которые **М.К. Горшков** и **В.В. Петухов** предложили называть «стабильностью без развития», возникло противоречие между готовностью самодостаточной части общества брать на себя ответственность (прежде всего в социально-экономической сфере) и недостаточными институциональными условиями для самореализации и удовлетворения их социокультурных, духовных и политических потребностей.

Р.В. Петухов (ИС ФНИСЦ РАН) рассказал об общих результатах исследования. Участники проекта исходили из того, что общественным запросом на перемены является исходящее от общества в целом или от какой-либо его части сообщение о необходимости активизации экономических, социальных и политических преобразований, адресованное действующей власти и (или) другой части общества. Если в 2016 г. доля согласных с тем, что «страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны», составляла 30%, то к 2018 г. она увеличилась до 56%. И хотя к весне 2021 г. «партия сторонников перемен» сократилась до 47%, этот запрос остается более значимым, чем десятилетие назад. Исследователи пришли к выводу, что основная причина формирования общественного запроса на перемены – постепенное разрушение «патерналистского консенсуса». Содержательно этот запрос, по мнению докладчика, ориентирован на эволюционное изменение общества, а не на его радикальное институциональное переустройство. Размежевание российского общества на «партию перемен» и «партию стабильности» является одним из аспектов более фундаментального разделения общества на две примерно сопоставимые части, одна из которых обращена в будущее, отличается высоким уровнем жизненных притязаний и привыкла опираться на собственные силы, в то время как вторая живет сегодняшним (а нередко и вчерашним) днем, реализуя адаптивную стратегию выживания, и зависима от государственной поддержки. В последние годы «самодостаточная» часть общества заметно

выросла и стала претендовать не только на то, чтобы ее интересы и мнение учитывались политической элитой, но и на непосредственное участие в управлении страной.

Активное обсуждение вызвал доклад **Ю.В. Латова** (ИС ФНИСЦ РАН), в котором была сделана попытка не только синтезировать разные подходы к изучению запроса на перемены, но и дать ему оригинальную интерпретацию. Докладчик отметил, что мем «запрос на перемены» связан, прежде всего, с либеральным дискурсом, хотя его активно используют и другие круги (вплоть до самого Президента РФ). Докладчик обратил внимание, что рост недовольства граждан существующими порядками совпадает с ключевым признаком «революционной ситуации» (при которой «“низы” не хотят»). Поэтому под «запросом на перемены» может скрываться запрос на революционное завершение «антиноменклатурных» преобразований, начавшихся в начале 1990-х, но частично «отыгранных» в 2010-е. На это указывают данные опросов, согласно которым самым острым и в современной России продолжает оставаться противоречие между «народом и властью» (или между «гражданами и чиновниками»). Ю.В. Латов подчеркнул, что под революцией следует понимать не взрыв политического насилия, а протестную мобилизацию активных слоев населения против потерявшей легитимность власти с целью качественного изменения «правил игры». В то же время рост запроса на перемены не следует однозначно отождествлять с приближением очередной российской революции, а лишь как возврат к «нормальному» уровню.

Н.В. Латова (ИС ФНИСЦ РАН) рассказала о результатах исследования, проведенного для проверки гипотезы о влиянии уровня образования россиянина на характер его политической активности и в том числе на выбор в пользу перемен или стабильности. Данные общероссийского опроса ИС ФНИСЦ РАН (весна 2021 г.) позволили прийти к выводу, что в современной России образование действительно прямо влияет на подготовленность индивида к политическим действиям (более образованные россияне больше интересуются политической жизнью страны и лучше осознают свои возможности влиять на «правила игры»). Образование также прямо влияет на реальную вовлеченность в общественно-политический активизм, хотя эффект касается не столько повседневно-регулярных, сколько экстремально-протестных его форм. Однако образование россиян не имеет заметной корреляции с наличием/отсутствием у них либерального запроса на перемены. В этой связи докладчик высказала предположение о недоформированности и незавершенности эмансипации от государства группы высокообразованных россиян, которые еще не до конца осознали своего объективно главного места и ведущей роли в политической жизни страны.

По мнению **С.В. Львова** (ВЦИОМ), выделяемые две социальные группы пока плохо различимы и потому могут быть выявлены не столько путем наблюдения, сколько моделирования. Целен вывод о том, что изменений сегодня хотя бы здоровые, семейные и обеспеченные жильем люди, а бедность больше не является фактором, определяющим запрос на перемены. Отталкиваясь от этой мысли, С.В. Львов сформулировал гипотезу, что по мере роста возможностей у людей растет и понимание наличия барьеров на пути их реализации. Российское государство, исторически сфокусированное на решении проблемы бедности, крайне редко сталкивалось с запросами такого рода и не имеет отработанных механизмов для их удовлетворения. Очень важным является изменение отношения к переменам со стороны молодежи. В отличие от протестов 2011–2012 гг., когда основными акторами были различные группы «профессионалов», в 2020–2021 гг. на первый план выходит молодежь. Однако эта возрастная группа отличается сильной внутренней дифференцированностью. «Старшая» молодежная группа демонстрирует высокий уровень недоверия власти, но парадоксальным образом ориентирована на поддержку государства даже больше, чем пожилые россияне. «Младшей» молодежной группе не свойствен патернализм, близки демократические ценности, но у них нет собственного представления о переменах, скорее всего ввиду отсутствия жизненного опыта.

Л.Е. Ильичева (ИСПИ ФНИСЦ РАН) поставила вопрос: каких же именно перемен хотят акторы запроса? Данные ее исследований показывают, что вне зависимости от возрастной группы люди хотят благосостояния, самореализации и участия в принятии

государственных решений для обеспечения справедливого распределения общественных благ. Доклад **Н.Д. Коленниковой** (ИС ФНИСЦ РАН) был посвящен влиянию последствий пандемии коронавируса COVID-19 на общественный запрос на перемены. Она отметила, что в условиях эпидемии изучаемый запрос усилил свою социально-экономическую направленность, а среди его акторов наметился раскол, обусловленный прежде всего различиями в их ресурсной базе. Так, по наблюдениям докладчика, наиболее благополучная в экономическом отношении часть группы, выступающей за перемены, смогла относительно успешно адаптироваться к последствиям пандемии и выступает скорее за эволюционные изменения, декларируя при этом собственную готовность принимать в них участие. Менее благополучная часть, в наибольшей мере пострадавшая от последствий коронакризиса, находится в сложном социально-экономическом и социально-психологическом положении, что, вероятно, обуславливает ее склонность декларировать более радикальные методы инициации перемен и их осуществления.

В.К. Левашов (ИСПИ ФНИСЦ РАН) акцентировал внимание на резервах обсуждаемой темы и, в частности, на возможности более глубокой работы с понятием «перемены», раскрывающим их направленность, динамику и диалектику. По его мнению, диалектический подход к понятию перемены позволит различить, с одной стороны, позитивно и негативно нацеленные перемены, а с другой – лучше понять сущность таких социальных процессов, как революция и эволюция. Сегодня это особенно важно, так как Россия «исчерпала лимит на революции» и ей нужны позитивно нацеленные эволюционные перемены. В этой связи вызывает сомнения ассоциация «запроса на перемены» с либерализмом, и не случайно в последнее время в России стали больше говорить о просвещенном консерватизме, который может привести страну к стабильности и устойчивости, обеспечив ее эволюционное движение в будущее.

По мнению **Л.И. Никовской** (ИС ФНИСЦ РАН), открытым остается вопрос, как затянувшаяся пандемия будет влиять на российское общество и его повседневность. Откликаясь на тезис Ю.В. Латова о возможности запроса на революционные перемены, она отметила, что в современной теории социального конфликта революция рассматривается скорее «со знаком минус». Резкое прерывание эволюционного развития общества чаще всего приводит к большим негативным последствиям и социальным издержкам, что снижает запланированный позитивный результат. **И.В. Задорин** (ЦИРКОН) предложил в будущем сфокусироваться на темпоральности и скорости перемен. Он напомнил, что согласно исследованиям 1990–2000-х гг. отношение к переменам сильно зависело от того, успевает ли конкретный человек адаптироваться к ним или нет, что влияет на отношение к таким переменам. В конечном счете именно скорость перемен лежит в основе различения революции и эволюции. **В.В. Маркин** (ИС ФНИСЦ РАН) высказал мнение о перспективности использования для исследования запроса на перемены теории систем и социологически изложенной теории управления хаосом. При такой постановке рыночную экономику, демократию и социальную справедливость следует рассматривать как самостоятельные, но связанные между собой общим вектором фракталы.

По мнению **О.М. Михайленка** (ИС ФНИСЦ РАН), актуальной проблемой является рассмотрение запроса на перемены в контексте сетевой организации общества в условиях новой социальной реальности. Цифровизация и пандемия коронавируса сильно изменили социум. Поэтому для дальнейшего исследования акторов запроса на перемены интересной представляется корреляция таких характеристик, как социальный портрет и образ будущего со шкалами (не)доверия и (не)согласия. **А.Н. Курюкин** (ИС ФНИСЦ РАН) рассказал о сильном разрыве между заявлениями о желании перемен и готовностью к практическим действиям, что ярко проявилось в пандемию. По его мнению, на сегодняшний день за желанием изменений стоят только слова, что качественно отличается от ситуации конца 1980-х гг. Показательно, как люди относятся к антиковидным ограничениям (носить маску и т.д.), с необходимостью которых соглашаются, но на практике не выполняют.

Поэтому крайне важной задачей остается выявление не формальных (на словах), а реальных (на деле) акторов запроса на перемены.

Обсуждение на круглом столе показало, что в своем последнем научном проекте В.В. Петухов смог «зацепить» крайне актуальный и животрепещущий «нерв» социальной жизни России 2010–2020-х гг. Участники этого проекта стремятся творчески развить идеи своего учителя и руководителя. Анализ «запроса на перемены» показал растущую актуальность не только с точки зрения социальной практики (как осмысление наблюдаемых социальных противоречий и конфликтов), но и социологической теории (как призыв к углублению социологии революций и реформ).

Р.В. ПЕТУХОВ, Ю.В. ЛАТОВ

ПЕТУХОВ Роман Владимирович, к. юрид. н., вед. науч. сотр. (petukhovrv@yandex.ru); ЛАТОВ Юрий Валерьевич, д. социол. н., главн. науч. сотр. (latov@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250018105-8

WHAT IS HIDDEN BEHIND THE “REQUEST FOR CHANGE”?

Roman V. PETUKHOV, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher (petukhovrv@yandex.ru); Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher (latov@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

ЦИФРОВЫЕ НЕРАВЕНСТВА: ПРИЧИНЫ, ФОРМЫ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Процесс цифровизации, охвативший современный мир, открывает новые возможности для индивида, но при этом несет в себе новые социальные угрозы и риски. Традиционная проблема социального неравенства в этой связи приобретает новые смыслы – цифровизация способна как усугублять существующие формы неравенства, так и производить новые. В рамках изучения данной проблематики в Институте социологии ФНИСЦ РАН 28 октября 2021 г. состоялся круглый стол.

Открывая дискуссию, чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН, ГАУГН) предложил обратиться к теоретическим подходам к изучению цифровизации и подчеркнул тесную связь между развитием техники и политическими процессами, фокусируясь на категории «свободы» и идеях «технологического» общества. Отталкиваясь от тезиса К. Маркса о том, что развитие производительных сил – залог движения к освобождению человека, своего рода путь к свободе, и следуя методологии Т. Адорно, докладчик показал, как трансформировалось общественное сознание в СССР. Различные технические изобретения последовательно расширяли горизонты мысли советского человека, входили в приватную жизнь и включали в нее западные ценности, делая советскую реальность все менее контролируемой со стороны государства и оказывая решающее влияние на массовое сознание. И здесь можно усмотреть роль технического развития в разрушении СССР как политической системы. Технологии делают границы проницаемыми и мир более наблюдаемым, но можно ли в этой связи говорить о расширении границ человеческой свободы? По мнению докладчика, проникая в приватную сферу, технологии начинают использоваться в интересах государственного контроля. Развитие технологий и движение к свободе вопреки ожиданиям не становятся синхронными процессами. Даже внешняя оболочка гармонии в технологически развитом обществе достигается не столько активностью, в том числе гражданской, сколько молчаливым согласием.

Д.С. Попов (ИС ФНИСЦ РАН), **А.В. Стрельникова** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН), **Е.А. Григорьева** (ИС ФНИСЦ РАН) продолжили мысль о том, что цифровизация не всегда приводит к ожидаемым позитивным эффектам. В фокусе внимания исследователей оказалась цифровизация школьного образования, которая зачастую трактуется упрощенно и связывается лишь с техническим переоборудованием школы. Однако такого рода насыщение учебного процесса новой техникой не приводит к ожидаемым результатам, а именно созданию новой цифровой школы и повышению эффективности образования. Напротив, на примере результатов PISA 2009 г. и 2018 г. авторы продемонстрировали, что использование цифровых технологий на занятиях не оказало существенного влияния на образовательные достижения учащихся. Активные приверженцы идеи создания цифровой школы, в частности, утверждают, что технологические изменения способны сделать школьную программу более адаптивной к нуждам и возможностям учащихся, а мониторинг успеваемости может стать не периодическим, как сейчас, а постоянным, опосредованным компьютерными системами. Однако, как заявили авторы доклада, эти потенциальные преимущества цифровизации недостижимы до тех пор, пока не будут реализованы соответствующие новым цифровым реалиям изменения на уровне взаимодействия учителя и ученика, учебной программы и школьной структуры в целом. Форсированное и вынужденное внедрение цифровых технологий в учебный процесс в связи с тяжелой эпидемиологической ситуацией наглядно показывает, что для того, чтобы избежать провала цифровизации школы в России, необходимы серьезные изменения педагогических практик.

В.А. Шилова (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) остановилась на проблеме концептуализации цифрового неравенства и представила в докладе изменения, которые претерпело изначальное содержание данного понятия. На заре цифровизации под цифровым неравенством понималось

прежде всего неравенство в доступе к новейшим средствам коммуникации у различных социальных групп, что подразумевает возможность технологического (обладание специальными устройствами) и коммуникативного (умения и навыки использования современных устройств и технологий) его измерения. В свете современных технологических процессов понятие цифрового неравенства расширяется, вбирая в себя и экономические смыслы, а именно преимущества использования цифровых технологий в экономике. Автор обратила внимание на рейтинг цифровизации стран Digital Evolution Scorecard, разработанный Школой Флетчера при Университете Тафтса, согласно которому уровень цифровизации страны оценивается во многом исходя из уровня развития ее цифровой экономики. Таким образом, справедливо говорить о расширении трактовки цифрового неравенства как социального феномена.

Оживленную дискуссию вызвало выступление **С.А. Коротаева** (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН), посвященное исследованию цифровой сегментации как механизма связи социальной позиции индивида и его политических предпочтений. В научной литературе данный феномен нередко называют цифровой сегрегацией, утверждая, что с развитием цифровых технологий появляются условные цифровые «эхо-камеры», где индивид потребляет информацию, соответствующую лишь своим интересам и предпочтениям. Это явление обусловлено растущими возможностями для фильтрации получаемого контента, а люди живут в разных «мирах». Таким образом, постулируется отсутствие консенсуса, общего опыта и в конечном счете демократии. Докладчик подчеркнул, что на данном этапе справедливо говорить скорее о цифровой сегрегации, и, опираясь на данные World Value Survey 2018 г., отметил, что связь социального статуса и политических предпочтений индивида медируется характером его медиапотребления.

Дальнейшее обсуждение выстраивалось непосредственно вокруг проблемы цифрового неравенства и его стратификационных аспектов. В своем докладе **К.А. Галкин** (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН) осветил проблему трудоустройства пожилых людей в период пандемии COVID-19. Цифровые технологии позволяли продолжать трудовую деятельность в период пандемии, что для одних пожилых людей стало способом сохранения своего рабочего места, для других открыло возможности освоения новых способов получения дохода. В то же время многие не смогли продолжить трудовую деятельность ввиду отсутствия необходимых навыков, создавая некоторую исключенность пожилого населения из трудового процесса. На основе качественного исследования, проведенного среди пожилых жителей Санкт-Петербурга и сел на юге Республики Карелия, были выделены три стратегии трудового поведения в период пандемии: стратегия профессионального пользователя (в основном жители больших городов, которые до пандемии активно использовали цифровое оборудование и обладали соответствующими навыками, а в период пандемии работали удаленно, в большинстве своем сохранив прежние рабочие места); стратегия интеграции (в основном жители сел, которые до пандемии практически не обладали навыками работы с цифровым оборудованием и в цифровой среде, а в период пандемии были вынуждены осваивать новые технологии для сохранения дохода); стратегия профессионализации (до пандемии обладали навыками работы с цифровым оборудованием и умели использовать Интернет, а в период пандемии реализовали идею монетизации собственного хобби). Цифровизация, таким образом, рассматривается как возможный ресурс адаптации пожилых людей к новым реалиям рынка труда.

Выступление **Ю.Б. Епихиной** (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) было основано на результатах исследования социальной мобильности IT-специалистов. В духе предложенного Ч.Р. Миллсом рассмотрения профессий юриста и врача как старого среднего класса, а инженеров как нового среднего класса, формирующегося с развитием новых технологий, докладчик предложила рассматривать современных юристов и врачей как представителей традиционных профессий, а IT-специалистов – как представителей новой профессиональной группы, возникшей в результате технического прогресса. Данные исследования позволяют говорить, что для этих профессиональных групп характерна высокая степень воспроизводства – 61% врачей, 73,2% юристов и 67,5% IT-специалистов воспроизводят образовательный статус своих родителей, что делает новую профессиональную группу частью общей, ориентированной на воспроизводство. Однако, учитывая когортные различия в профессиональной группе врачей

(79% молодых врачей воспроизводят родительский образовательный статус), IT-направление представляется более перспективной профессиональной ориентацией для социальной мобильности. Изучая обстоятельства, при которых опрошенные IT-специалисты с родителями без высшего образования научились пользоваться компьютером, докладчик также обнаружил, что доля научившихся этому в школе (17,9%) не сильно превышает долю освоивших компьютер в гостях у друзей или родственников (13,6%), что говорит о взаимопомощи людей в получении соответствующих навыков.

Обращаясь к проблемам гендерного неравенства в цифровом измерении, **Н.С. Вороница** (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) выявила взаимосвязь гендерного и цифрового неравенства, которая прослеживается на уровне гендерной социализации (агенты социализации ретранслируют убеждения, которые влияют на ограничение доступа женщин к цифровым технологиям) и дальнейшем воспроизводстве гендерных стереотипов (ИКТ ассоциируются с мужским делом). Опираясь на данные ESS за 2016–2018 гг., докладчик выявила, что процент интернет-пользователей обоих полов увеличился за исследуемый период, однако мужчин, которые стали пользоваться Интернетом ежедневно, все равно больше, чем женщин. Было подчеркнуто, что женщины рискуют получать более низкую заработную плату при отсутствии цифровых навыков. **А.С. Смирнова** (ИС ФНИСЦ РАН) на базе 29-й волны RLMS рассмотрела две группы занятого населения: пользующихся и не пользующихся Интернетом в рабочих целях.

Живую дискуссию вызвали доклады **С.Ю. Демиденко** (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН) и **О.В. Сергеевой** (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН). Первый докладчик, отталкиваясь от идеи Д.А. Давыдова о рождении нового класса, «персоналиата», рассуждала о трансформациях социальной структуры. В частности, подчеркивалась тенденция к разочарованию молодежи в высшем образовании как социальном лифте ввиду существующих проблем с трудоустройством по специальности и некупаемости финансовых вложений в образование. Наряду с этим наблюдается тотальное увлечение молодежи социальными сетями, позволяющее быстро подняться вверх по социальной лестнице, не требуя при этом наличия особых профессиональных навыков. Кроме того, С.Ю. Демиденко применила метод киберэтнографии, с помощью которого на протяжении трех лет анализировала изменения контента и популярности ряда каналов на YouTube. О.В. Сергеева представила исследование аудитории потоковых видео (стримов). В ходе дискуссии было обращено внимание на феномен соприсутствия, опосредованного интернет-каналом и видеосообщением, который также заслуживает изучения в рамках исследований стриминговых сообществ.

Круглый стол показал актуальность и интерес к проблематике цифровизации в социологии. Доклады показали широкий методологический диапазон исследований, как авторских, так и основанных на вторичном анализе данных масштабных международных (ESS, PISA, WVS) и общероссийских (RLMS) проектов. Дискуссия показала амбивалентность темы цифровизации в социологии: наряду с очевидными расширяющимися возможностями в сфере потребления, трудоустройства, получения образования, профессионального продвижения, присутствуют ограничения, связанные с усилением социального контроля и существующих неравенств.

Е.А. ГРИГОРЬЕВА

ГРИГОРЬЕВА Екатерина Александровна, мл. науч. сотр., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (yreewda@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250017771-1

DIGITAL INEQUALITIES: CAUSES, FORMS, CONSEQUENCES

Ekaterina A. GRIGOREVA, Junior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (yreewda@gmail.com).

© 2022 г.

Лапин Н.И. СЛОЖНОСТЬ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОЙ РОССИИ. АНТРОПОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД. М.: Весь Мир, 2021.

2021 год объединил три знаменательные для философского научного сообщества даты: 100-летие Института философии РАН, 30-летие со дня основания Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН, а также 90-летие члена-корреспондента РАН, известного российского социолога и философа Н.И. Лапина¹. В этом же году вышел в свет научный труд под названием «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход»², включающий в себя результаты масштабного исследования, посвященного социологической диагностике сложности становления нового российского общества и его региональных сообществ и перспектив преодоления социогуманитарной рецессии (с. 290). Книга раскрывает оригинальный авторский антропосоциокультурный подход, который гармонично интегрируется в структуру современных взаимодополняющих междисциплинарных методологий исследования индивида, социальных групп и обществ в контексте исторического развития человечества.

В последние десятилетия научный интерес многих социологов сфокусировался на проблемах усложняющихся вызовов цивилизационному развитию. Изучение сложности становления новой России востребовало инновационные теоретико-методологические «инструменты», обладающие потенциалом для их комплексного междисциплинарного использования с целью социологической диагностики и «лечения» перманентно возникающих вызовов и турбулентностей: теория интегральной социологической диагностики М.К. Горшкова; теория «общества травмы» Ж.Т. Тощенко; концепция «нормальной травмы» С.А. Кравченко.

Принципиально новый диагностический инструмент Н.И. Лапина основан на эвристических возможностях применения принципа антропосоциокультурного эволюционизма. Он позволяет дать валидную интерпретацию «синергийной сложности» российского общества и нелинейного процесса его становления в контексте прошлого, настоящего и будущего (с. 12, 38, 43, 53). Ученый отмечает, что наше общество вошло в принципиально новый период развития, который мы не можем охарактеризовать как переходный, так как данный этап является совершенно иным – отличным от досоветского и советского периодов (с. 72). Соответственно, возникла необходимость переопределения природы современного российского общества – *становящаяся Россия* является новой реальностью по отношению ко всем ранее существовавшим. При этом происходит ее диалектическое возвращение к своим естественно-историческим основаниям с обретением цивилизационного качества собирания и надежной защиты культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий. Непосредственное воздействие на процесс становления новой России и ее идентичности оказывают последствия распада СССР и «массовизации травм» (с. 187–260), которые не исчезнут в течение ближайших лет, но обуславливают характер вызовов устойчивому развитию страны. Среди важнейших из них: 1) риски целостности страны, вывоз основных ресурсов и финансовых результатов их использования; 2) недостаток механизмов общественного саморазвития при стремительном увеличении рисков мирового масштаба (пандемия COVID-19 и санкционные инициативы в отношении РФ); 3) асоциальное

¹ Во время подготовки номера к печати стало известно о кончине Н.И. Лапина. Некролог о нем см. в № 1 2022 г.

² Далее в круглых скобках указываются страницы на рецензируемую книгу.

неравенство доходов населения, плоская шкала налогов на доходы; 4) социальная противоречивость гражданско-общественной культуры и деградация общей культуры населения как следствие недостатка инвестиций в инновационное развитие государства и избыточное финансирование СМИ, ориентированных на апелляции к «темным сторонам души» человека; 5) отчуждение граждан от участия в доходах от использования природных ресурсов их регионов (с. 12, 74, 208, 210, 268).

Для социологической диагностики сложности становления новой России предлагается оригинальная междисциплинарная концепция «антропосоциокультурных подъемов и травм населения и обществ как основных событий исторической деятельности больших масс людей», которые перманентно чередуются в жизни общества, создавая *пульсар исторических процессов* типа «подъем-травма-подъем...». В качестве примеров АСК-подъемов приводятся коммуникации русского населения с соседствующими этническими группами, победы над завоевателями, обеспечение выхода к незамерзающим морям. Под АСК-травмами подразумеваются такие исторические события, как международный военный конфликт, эпидемия, геноцид, узаконенные запреты на свободу деятельности человека, разрушающие устоявшиеся формы жизнедеятельности общества, негативно оцениваемые его членами и «подпityвающие» протестные настроения, «снижающие жизненную энергию взаимодействующих масс людей» (с. 101, 102). Диагностика включает в себя учет и анализ типологии гражданской культуры, основанной на триединстве (собственно общество, государство и цивилизация). При этом обоснованы четыре комплексных типа гражданской культуры по восходящей иерархии: 1) собирающе-симбиозная культура; 2) собирающе-обладательная культура; 3) обособляюще-обладательная культура; 4) собирающе-созидающая культура. Квинтэссенция сложности становления российского общества обусловлена тем, что в нем доминирует собирающе-симбиозная культура, для которой характерны амбивалентности: она «сопряжена с подъемами жизнедеятельности населения и общества, и рутинной социально-симбиозной гражданско-общественной культуры населения (как управленческо-обладательной культуры властно-управленческих слоев, так и культуры исполнительных слоев), которая сопряжена с травмами жизнедеятельности населения и общества» (с. 82).

Как нам представляется, данная концепция соотносится с логикой «основного закона истории» П. Сорокина, согласно которому перманентно происходят циклические флуктуации как социокультурных суперсистем (интегральной, идеационной и чувственной), так и обществ, что задает общую направленность социальной и культурной динамики, предполагает прохождение ряда последовательных этапов: дезинтеграция социокультурного порядка (свидетельствует об исчерпанности базовых моральных и правовых ценностей и социальных норм общества, которые прежде регулировали взаимодействия людей) – кризис – мобилизация сил – новый социокультурный порядок. «Так это было во все великие переходные периоды от одного базисного социокультурного строя до другого; и так это происходит в настоящем столетии»³. Если сорокинская флуктуационная теория предполагает интегральный анализ социума на *макроуровне*, то концепт Н.И. Лапина пульсара исторических процессов в виде чередующихся подъемов-травм-подъемов является инструментом социологической диагностики общества на его *среднем уровне*, предполагающем оптимальное сочетание теоретического и прикладного анализа, который обеспечивается посредством *индекса сбалансированного процесса модернизации* (с. 281).

Интегральный учет как антропосоциокультурных подъемов и травм населения, так и вычисление сбалансированности составляющих модернизации России и ее регионов, в которых были обнаружены «разнородные тенденции», крайне актуален для практического определения вызовов устойчивому развитию страны в целом, выработки оптимальных средств «лечения» трех групп «факторов социокультурной дисфункциональности и торможения модернизации: структурно-социетальные, материальные и ценностно-культурные» (с. 281, 283). Социологическая диагностика, основанная на практико-ориентированном

³ С. 29. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Директ-Медиа, 2007.

интегральном среднем уровне, позволила автору прийти к выводу, что в современном российском обществе наблюдается цивилизационная дезинтеграция, возникшая вследствие перехода к чувственной культурной суперсистеме, в которой господствуют материальные ценности, жажда к удовольствию, преследование личных целей, стремление к обладанию возможно большей частной собственностью (как одна из ключевых характеристик собирающе-симбиозной культуры). Для преодоления дезинтеграции, факторов социокультурной дисфункциональности страна нуждается в трансформации в более высокую – композитную культуру, сочетающую инновационно-созидающую и цивилизационно-собирающую культурные характеристики, реализуемые различными слоями населения. Соответственно, в российском обществе остро востребованы: собирающая этика общественного служения в виде весомого вклада каждой социальной группы во всеобщее благо; справедливость отношений власть имущих и подвластных групп; духовные ценности с акцентом на пробуждение мысли о Русской земле как об общем земском деле (с. 116, 119).

Ключами к преодолению актуальных травмогенных вызовов на пути к устойчивому развитию страны, по мнению Н.И. Лапина, являются признание ограничений движения в направлении внешнего прироста и востребованность поворота к задачам внутреннего развития страны и ее регионов (с. 13–14), а также переход к всегражданскому самопросвещению, которое состоит из трех базисных компонентов. Первое, становящейся новой России необходимо самостоятельное освоение глубинных ценностей, обобщенных норм и правил поведения, которые определяют и регулируют взаимоотношения граждан. Второе, востребован самостоятельный выбор одного из существующих типов массовой гражданской культуры и идентификация с ним в качестве культурного ориентира жизнедеятельности. Третье, видится крайне важным достижение зрелости гражданско-общественной культуры на всех уровнях и всеми слоями населения. В зависимости от происходящих изменений в социокультурной среде общества и этапа социализации индивида существует возможность реидентификации человека с иным (наиболее релевантным и актуальным в тот или иной период времени) типом гражданской культуры. Всегражданское самопросвещение или интеллектуальная духовно-душевная подготовка российского общества должна быть реализована посредством исторически сложившихся каналов социализации: «естественный путь и способ реализации этой возможности состоит в наполнении существующих процессов социализации личности компонентами гражданско-общественной культуры, соответствующей запросам данного общества, цивилизации» (с. 272). Одним из инструментов такой социализации может стать Программа Всегражданского Самопросвещения по реализации процесса интеллектуальной подготовки населения России с помощью отбора и распространения общедоступных библиотечных книг, методических пособий, фильмов, в содержании которых должны быть заложены основополагающие постулаты и преимущества ценностей и норм инновационной, *собирающе-композиционной культуры*. У россиян есть объективные и субъективные возможности сделать выбор в пользу данного типа культуры и сфокусироваться на гуманистической реинтеграции структур АСК-сообществ.

Таким образом, теория сложного становления представляет собой оригинальный инструментальный, методологический потенциал которого позволяет диагностировать и выявлять антропосоциокультурное содержание современной российской реальности, а также перейти к практике сбалансированности процесса модернизации регионов страны и общества в целом с целью формирования сильного, устойчиво развивающегося социального государства.

Выскажем два соображения о прочитанном. Первое. Сложность становления новой России распространяется не только на общество, но и на человека, являющегося «не только социальным и биологическим, но и культурным существом» (с. 25). Нам представляется, это положение необходимо дополнить еще одной характеристикой – *цифровым существом*: современный молодой человек обладает не только социобиокультурной, но и *цифровой телесностью*, дающей ему возможности по-новому мыслить, взаимодействовать с другими социальными акторами и объектами не-человеческих актантов и природы. Если прежде социализация человека как гражданина представляла собой

«естественно-исторически сформировавшийся процесс самоидентификации индивида с финальными ценностями и обобщенными нормами своего общества, ядра культуры своей цивилизации» (с. 273), что не меняло его природу, не ставило под вопрос человеческую духовность, то теперь произошла *антропосоциокультурная травма* социализации. Как отмечает У. Бек, социализация перестала быть естественно-историческим процессом: новые поколения «изначально олицетворяют цифровизацию – ставя её не в конце, а в начале своей социализации... молодые поколения уже родились, как “цифровые сущности”»⁴. Канадский социолог У. Вандербург с тревогой отмечает, что молодые люди «стали зависимыми от “гугливания”», они мыслят как компьютеры, «нарождается античеловек, живущий как будто наша сущность как символических существ может быть игнорирована»⁵. Эти примеры можно продолжать, что свидетельствует о *сложном процессе становления нового человека*. Осевое время истории и цивилизаций, как показано Н.И. Лапиным, неоднократно осуществляло «повороты к человеку», качественно изменяло его сознание, делая его разумной, свободной, нравственной личностью (с. 88–91). Как эти процессы ныне амбивалентно изменяют природу человека? Он может взаимодействовать с другими акторами по всему миру, работать на расстоянии и даже обрести «цифровое бессмертие». Какие последствия для человеческого духа следует предвидеть?

Второе. В монографии акцент сделан на том, что качество всей деятельности человека зависит от «состояния его культуры взаимодействий с другими людьми и с природой» (с. 30). Но сегодня практически не осталось аутентичной природы – с ней также происходят «текущие» (З. Бауман) *антропосоциокультурные травмы*. Международные форумы, посвященные потеплению планеты, проблемам энергетических и эпидемиологических рисков, по существу, предлагают формально-прагматические подходы для их «лечения» на глобальном уровне, умаляя культурную специфику стран, ментальность людей, живущих в них, да и локальное своеобразие вызовов. Становится очевидным, что необходимо качественно по-новому выстраивать деятельность человека, его культуру взаимодействий с макромиром планеты и микромиром бактерий и вирусов. Ответом на «массовизацию травм» сложного становления гибридных социоприродных реалий также мог бы стать междисциплинарный инструментарий антропосоциокультурного подхода. От него зависит, в какой среде будут жить россияне в обозримом будущем, как оптимально создать программу декарбонизации страны, не создавая при этом побочные эффекты в виде «непредвиденных» антропосоциокультурных травм. Полагаем, в новой монографии эти и другие проблемы получают философско-социологическое разрешение. Желаем автору новых интеллектуальных побед.

С.А. КРАВЧЕНКО, К.В. РАКОВА

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (sociol7@yandex.ru); РАКОВА Кристина Викторовна – аспирант кафедры социологии МГИМО МИД России; младший научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия (kr.v.rakova@my.mgimo.ru).

DOI: 10.31857/S013216250018037-3

Lapin N.I. Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural approach. Moscow: Ves' Mir, 2021. Reviewed by S.A. KRAVCHENKO, K.V. RAKOVA

Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Head of the Department of Sociology, MGIMO-University; Chief Researcher at the RAS Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Moscow, Russia (sociol7@yandex.ru); Kristina V. RAKOVA – post-graduate student of the Department of Sociology, MGIMO-University; junior research fellow at the RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia (kr.v.rakova@my.mgimo.ru).

⁴ P. 188, 189. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridge: Polity Press, 2016.

⁵ P. 263, 333. Vanderburg W.H. Our Battle for the Human Spirit. Toronto: University of Toronto Press, 2016.

© 2022 г.

**Stewart J. RICHARD TITMUSS: A COMMITMENT TO WELFARE.
Bristol: Policy Press, 2020. 585 p.**

В современных условиях критической переоценки успехов и перспектив государства всеобщего благоденствия¹, когда «золотой век послевоенного капитализма» затмился и, как отмечает Г. Эспинг-Андерсен, «один за другим те составные элементы, которые когда-то обеспечивали гармонию и счастье, скатываются в необратимый кризис и распад»², обращение к биографии основоположника социального управления и «академического драйвера» социального благополучия Ричарда Морриса Титмусса (1907–1973) предоставляет шанс для раскрытия важной стороны исторической памяти и сохраняет надежду на востребованность идей социального благополучия для будущих поколений.

Книга станет несомненным событием и первым полномасштабным жизнеописанием Р. Титмусса, которое, конечно, учитывает труды предшественников (например, новаторскую работу Д. Райзмана 1977 г.³), и вместе с тем создает широкую палитру становления Р. Титмусса как сторонника социальной политики и социального обеспечения, скрупулезную картину его профессиональной деятельности («силы и влияния»), взгляды и наследие, которые требуют современного прочтения.

Научное и профессиональное наследие Р. Титмусса, представленное в рецензируемой книге в виде «философии благосостояния» (р. 546–553), оставалось не только актуальным в 1970–1980-е гг., но и востребовано в современный период⁴ (например, переосмысление теории дарения при донорстве крови). Под влиянием его творческого наследия появилось множество работ, в которых анализируется социальная политика с точки зрения идеологий или моделей благосостояния и сочетающих в себе объяснительный (научный) и нормативный (или ценностный) компоненты. Как отмечают исследователи, у дисциплины социального управления появилась и стала расширяться «собственная территория» с набором нормативных и научных вопросов⁵.

Автор книги основывается на внушительной источниковедческой базе: на книгах и статьях самого Р. Титмусса, на публикациях и интервью с теми, кто его знал. Особо обсуждаются идеи о *принципах альтруизма* и *социальной солидарности*, а также его роль в политике и академических кругах как в Великобритании, так и за ее пределами. Представлен многогранный и вместе с тем поучительный портрет человека, который углубил наше понимание социальных проблем, а также политики, которая наиболее эффективно на них реагирует. Книга вызовет несомненный интерес и в плане истории становления и развития социального управления и социальной политики в Великобритании, и как неповторимый пример усилий ученого по формированию академической дисциплины в сфере социальной политики и социального благополучия.

¹ В рецензии используются два перевода выражения «welfare state» («государство всеобщего благоденствия» и «государство всеобщего благосостояния»), первое из них – наиболее употребительное и устойчивое в русскоязычных переводах и в работах; второе, на взгляд рецензента, более точное, отражающее взгляды Р. Титмусса на результаты социального управления и социальной политики.

² С. 1, Esping-Andersen G. *Social Foundations of Postindustrial Economies*. Oxford: Oxford University Press, 1999.

³ Reisman D. *Richard Titmuss. Welfare and Society*, 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2001.

⁴ См., напр.: Wilding P. Richard Titmuss and Social Welfare // *Social Policy & Administration*, 1976, 10: 147–166. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.1976.tb00634.x>; Rapport F., Maggs C. Titmuss and the gift relationship: altruism revisited. *Journal of Advanced Nursing*, 2002, 40: 495–503. <https://doi.org/10.1046/j.1365-2648.2002.02406.x>

⁵ С. 28–29, Mishra R. Social Policy and the Discipline of Social Administration // *Social Policy & Administration*, 1986, 20: 28–38. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9515.1986.tb00244.x>

Фундаментальный труд (по объему и охвату материала) открывает возможность читателям не только сформировать понимание «важной фигуры послевоенной социальной политики» в Великобритании, каким, несомненно, был Р. Титмусс, но, что более важно, актуализировать проблематику социальной политики с позиций оценки того, что было «правильным» тогда и какие проблемы (в том числе нерешенные) требуют на современном этапе новых подходов, как и верности в вопросах преемственности при формировании социальной политики, а также «в практической политике социального обеспечения» (р.12).

Книга не стремится охватить все аспекты жизни Р. Титмусса или каталогизировать весь спектр его научных работ. Автор пытается поместить жизнь героя в политический, профессиональный и академический контексты и оценить ее в этом свете. Обоснованность такого подхода видится в «собственной одержимости Титмусса» своей работой, в «невероятно суровом графике», которому он подчинял всю свою взрослую жизнь. Раскрываются личные характеристики Р. Титмусса. Он проявлял «личное мужество и нежелание следовать моде», был ярким противником расовой дискриминации и критиковал американское вмешательство во Вьетнам. Действительно, в некоторых отношениях он был типичным членом послевоенной леволиберальной интеллектуальной элиты.

Содержание книги рассматривает институционализацию профессионального профиля Р. Титмусса с момента назначения его первым профессором социального управления в Лондонской школе экономики (ЛШЭ, LSE) (р.168–169). Автор биографии показывает, что Р. Титмусс пришел в ЛШЭ без подходящего формального образования с идеями, исследованиями и влиятельными друзьями; главное, что он сформулировал свое видение «нового направления социального управления», которое содействовало созданию программы социальных изменений в Великобритании. Особое внимание уделяется тем работам, которые заложили и обеспечили устойчивость и актуальность его идей спустя многие годы («Государство всеобщего благосостояния» и «Безответственное общество»). Автор биографии солидаризируется с позицией Б. Джексона, который утверждает, что Р. Титмусс поднял вопросы, которые помогают продвигать идею о том, что «государство всеобщего благосостояния» остается «основным средством продвижения этических обязательств в отношении равенства и солидарности, которой он дорожил»⁶. Также раскрывается влияние Р. Титмусса на внутреннюю политику в области социального обеспечения в Великобритании и положительное восприятие его идей левыми американскими либералами.

«Философия благосостояния» Р. Титмусса актуальна с определенной модификацией возможностей и в наши дни. Социальная политика и социальные государства «работают» в разнообразных экономических, правовых, политических, культурных условиях, которые содействуют появлению как различных моделей философии благосостояния, так и их государственно-правового воплощения. Современные государства всеобщего благосостояния имеют разнообразные модели и практики воплощения в конкретных странах или регионах со страноведческой спецификой. В самой Великобритании исследователи отмечают противостоящую государству, основанному на «философии благосостояния» Р. Титмусса, опасность в виде «теневого государства всеобщего благосостояния»⁷. Фундаментальный принцип взаимности – права связаны с обязанностями – остается центральным в британской модели социальной защиты и ключевым источником ее поддержки, хотя и находится под угрозой.

Работа Р. Титмусса «Социальное разделение благосостояния» сохраняет свою привлекательность для аналитиков социальной политики и в наши дни. Оригинальный подход заключался в том, что налоговые льготы и льготы в сфере занятости для среднего класса определялись как формы благосостояния, которые обычно не воспринимались как таковые, особенно по сравнению с социальными услугами, предоставляемыми государством.

⁶ P. xi. Jackson B. Introduction // Titmuss R.M. *Essays on 'The Welfare State'*. Bristol: Policy Press, 2018.

⁷ P. 43–44, Lansley S. Review: Peter Sloman's *The Transfer State* // *IPPR Progressive Review*, 2020, 27: 39–47. <https://doi.org/10.1111/newe.12190>

Последние составляли популярное представление о «государстве всеобщего благосостояния» со всем риторическим и политическим багажом, связанным с этой фразой. Для XXI века актуальными остаются вопросы, поставленные в творчестве Р. Титмуса: 1) каковы последствия (включая последствия для окружающей среды) неустанного стремления к экономическому росту за счет социального роста? 2) Как мы можем бороться с неравенством и возрождением бедности, и как мы можем способствовать созданию более сплоченного в социальном плане общества? Нельзя найти «фиксированных решений конкретных проблем» в наследии Р. Титмуса, но его «способ видения мира», ориентация на социальное благополучие помогут найти способы решения современных проблем.

Личные мнения оказывают влияние на наше восприятие других людей. В середине 1980-х Дж. Моррис вспоминал своего старого друга (Р. Титмуса) как «оригинального... Отличается от других людей... и... настоящий исследователь» (р. 555). Сильные стороны Р. Титмуса заключались в том, что он всегда задавал правильные для своего времени вопросы. Такой сплав «учителя и ученого», несомненно, проявил себя и в научных достижениях в сфере социального управления и формирования взглядов на социологию государства всеобщего благосостояния, и в наследии не только в «книжном и статейном» формате, но и в создании научной дисциплины социального управления и ее распространении в современном мире.

И.А. КРАВЕЦ

Игорь Александрович КРАВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права, Институт философии и права Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия (kravigor@gmail.com)

DOI: 10.31857/S013216250017372-2

Stewart J. RICHARD TITMUSS: A COMMITMENT TO WELFARE. Bristol: Policy Press, 2020. 585 p. Reviewed by I.A. Kravets

Igor A. Kravets, Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Chair of Theory and History of State and Law and Constitutional Law of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia (kravigor@gmail.com).

© 2022 г.

Леонтьева Т.В., Щетинина А.В. СЛОВАРЬ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ЕДИНЕНИЯ И ВРАЖДЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА. Екатеринбург: Ажур, 2021. 424 с.

Поможет ли словарь актуальной лексики при проведении социологических исследований? Таким вопросом мы задались, взявшись за обзор нового словаря, подготовленного в рамках проекта РНФ. Само его появление неслучайно. В начале XXI в. в оборот вошло огромное количество новых терминов. Распространение новых средств коммуникации, приобретение ими подлинно международного характера ведет к ускорению заимствования иностранных слов, создания новых словоформ и к нарушению коммуникации между цифровыми и нецифровыми поколениями. Особенно актуальным представляется обращение авторов именно к феноменам единения и вражды – это наиболее популярные

состояния в современном коммуникативном пространстве, взаимопереплетение которых мы постоянно наблюдаем в социальных сетях и СМИ.

Молодежь активно заимствует новые слова, формирует на их основе локальные жаргоны. Модерирование современного дискурса оказывается затруднительным для более возрастных администраторов. Все ли преподаватели поймут значение слов «кринж», «краш» или «кринжовый», «криповый», прозвучающих на семинаре в университетской аудитории? А как быть социологам, проводящим опрос среди молодежи и интерпретирующим текст ответов на открытые вопросы? Представленный словарь пытается заполнить данную нишу, ставя еще более востребованный акцент на распознавании новой лексики. Теоретически он мог бы помочь в проведении экспертизы на наличие нарушения правовых норм Российской Федерации в блогах и пабликах социальных сетей и в целом СМИ.

По мнению авторов, книга адресована лингвистам, специалистам в области изучения лексики и фразеологии, лексикографии, социологии, культурологии, журналистики, а также рассчитана на широкого читателя. В целом актуальность словаря значительна. Оценивая проделанную работу положительно, мы бы хотели высказать ряд суждений и замечаний, которые, по нашему мнению, могли бы повысить качество работы над подобными словарями.

Выборка. Авторы ставят задачу «создать толковый словарь, который содержит актуальную для первого десятилетия XXI века лексику, описывающую коммуникацию с той стороны, которая предопределена намерениями участников общения установить контакт, сблизиться, добиться согласия, договоренностей, заявить о своей принадлежности к группе, коллективу и либо, наоборот, отдалиться от всех, разорвать отношения, выразить недовольство и неодобрение» (с. 2). Сразу возникает вопрос, по каким критериям будут отобраны материалы для создания толкового словаря. Здесь мы обнаруживаем самое узкое место в рассматриваемом исследовании. По сообщению авторов, «материал извлечен из содержащихся в сети Интернет русскоязычных текстов: просматривались сайты информационных агентств, как центральных, так и региональных изданий, контент, размещенный на сайтах организаций и предприятий, публикации в социальных сетях, на свободных ресурсах, научные статьи» (с. 18). Авторы не описали методику выбора статей, на какие критерии они ориентировались, кто выступил экспертами, и т.д. В связи с этим возникает вопрос, насколько репрезентативно предъявленное описание статей и с точки зрения набора дефиниций, и с точки зрения их характеристики. К сожалению, указанные нами термины «кринж» («стыд»), «кринжовый» («стыдный»), «криповый» («страшный») в выборку не попали, хотя активно используются молодежью.

В то же время вызывает сомнение попадание в словарь устоявшихся экономических/маркетинговых терминов, таких как «бизнес-ангел», «нюслеттер», «панельная дискуссия», «адекватный ответ» и пр. Содержание статей дает нам обычное понимание этих словосочетаний. В них нет иронии или инсинуации, как в некоторых других словосочетаниях (например, «вежливые люди»), которые в данном контексте уместно включены в словарь.

Вызывает удивление наличие в словаре явно непопулярных слов, например «антикарантинист» (противник соблюдения режима самоизоляции, локдауна во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19» (с. 50)). При этом в рамках данной тематики в словарь не включены такие слова, как «антиваксер», «ковидиот», «антипрививочник», которые объективно намного более популярны.

Дефиниции и эквиваленты. Авторы дают определение каждого социального явления, которое рассматривают в словаре. При этом сопровождают дефиницию типовой сочетаемостью, эквивалентами и однокоренными словами. Но список источников, на которые они опираются, обычно ограничен 3–4 выдержками из материалов социальных сетей. Логика подсказывает, что эти комментарии из социальных сетей не позволяют четко сформулировать дефиницию, тогда как иные источники не указаны. Есть также проблемы в интерпретации эквивалентов. В число эквивалентов авторы включают синонимы (слова литературного языка, одинаковые или близкие по значению) и аналоги (слова близкой семантики, принадлежащие разным языковым стратам) (с. 25). И синонимы, и аналоги

должны содержать близкое смысловое значение. Критерии, по которым авторы определяли эту близость, не указаны. В результате эквивалентом «постправды» оказывается «фейковая информация» (с. 293), эквивалентом «соцфема» – «либфем» (с. 326) и т.д. Понятно, что авторы руководствовались специфическими лингвистическими целями, проводя подобное описание. Но так как словарь предназначен для широкого круга читателей, а также нелингвистов, то возникает вопрос, какую информацию они смогут извлечь при прочтении словаря, как она поможет им в их деятельности. Современное общество идеологически насыщено. Новые формы языкового самовыражения развиваются стремительно, являются предметом ожесточенных дискуссий¹. При этом читатели словаря в лучшем случае познакомятся с примерным набором слов из определенной области, со «смешанными в кучу» идеологическими, политическими и социальными оттенками.

Использование феминитивов. Авторы во многих статьях словаря употребляют феминитивы, но не вполне, по нашему мнению, корректно. Феминитивы (от англ. Feminitive) – имена существительные женского рода, которые обозначают женщин, образованы от однокоренных существительных мужского рода, обозначающих мужчин, и являются парными к ним². В словаре представлены такие формы феминитивов, которые исторически обозначали не принадлежность женщины к определенной профессии или социальной группе, а супругу мужчины определенного социального или профессионального статуса (например, «докторша – жена доктора», «профессорша – жена профессора», «генеральша – жена генерала»). По этой аналогии в словаре представлены «абыюзерша», «бодишеймерша», «буллерша», «газлайтерша». Учитывая контекст этих слов, правильнее использовать такие формы, как: «абыюзерка», «бодишеймерка», «буллерка», «газлайтерка» и пр. Иногда авторы используют аналогичные формы, например, в словах: «прочойсерка», «античойсерка», «пролайферка» в противовес словам «прочойсерша», «античойсерша», «пролайферша» и т.д. Важно определить, как образуются эти формы слов с учетом контекста, и использовать их правильно, поскольку мы имеем дело со словарем. Для этого необходимо, как уже было сказано, ориентироваться не только на фрагменты из социальных сетей и СМИ, но и на иные, более серьезные источники.

Также нужно отметить, что феминитивы представлены далеко не ко всем словам. Непонятно, с чем связана эта избирательность: почему есть «антимасочник – антимасочница», «античойсер-античойсерка» (с. 62), но нет «антикафешницы», «влогерки» и «боссерки», хотя «антикафешник», «влогер» и «боссер» есть. Отсутствуют блогеры обоих полов, а ведь наименование «блогер-блогерка» очень часто встречаются в современном молодежном дискурсе.

Наконец, нужно отметить не вполне корректные и точные, на наш взгляд, *определения некоторых терминов*. Вообще это сложная проблема, объединяющая социологов и лингвистов: как точно объяснить неполиткорректные термины? Примером из словаря является слово «слатшеймер», определенный авторами как «человек, публично выражающий осуждение другого человека за то, что его поведение, внешний вид не соответствуют сексуальным стандартам, нормам» (с. 318). Действительно ли авторам удалось передать смысл этого феномена – травли женщин за «неподобающий» (слишком откровенный) внешний вид и поведение? Возможно, следует поработать с точностью и однозначностью определений с учетом контекста, используя опять же научные источники помимо постов в социальных сетях³.

¹ См.: Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д.С. Мартыанова. СПб.: Электис, 2019.

² Стефаниди А.А. Тенденции образования и использования феминитивов: на примере русского, английского и французского языков // Global and regional research. 2020. Т. 2. № 2. С. 541–547.

³ См., напр.: Арсентьева А.Д., Морозова А.А. Формы проявления гендерной дискриминации по отношению к женщинам в публикациях ресурса «Яндекс Дзен» // Медиасреда. 2020. № 1. С. 130–137; Громов П.Е. Механизмы реидентификации индивида в креативной среде Веб 3.0 // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2017. № 3 (77). С. 51–57.

О чем говорят высказанные замечания? На наш взгляд, авторы взвалили на себя невыполнимую задачу. Такой словарь может быть продуктом совместных усилий междисциплинарной команды. Поэтому лингвистам, безусловно великолепно владеющим методикой составления словарей, имеет смысл подключать к своим проектам представителей социального и политического знания. Тогда действительно удастся создать актуальный, качественный и востребованный продукт для широкой аудитории.

М.В. РУБЦОВА, Н.А. МАРТЬЯНОВА

РУБЦОВА Мария Владимировна – доктор социологических наук, доцент кафедры социального управления и планирования факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (mariia.rubtcova@gmail.com); МАРТЬЯНОВА Наталья Александровна – кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (nmart@bk.ru). Обе – Санкт-Петербург, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250017715-9

Leont'eva T.V., Shchetinina A.V. DICTIONARY OF ACTUAL VOCABULARY OF UNITY AND ENEMY IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE EARLY 21st CENTURY. Yekaterinburg: Azhur, 2021. 424 p. Reviewed by M.V. RUBTCOVA, N.A. MARTIANOVA

Mariia V. RUBTCOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Associate prof. of the department of social management and planning, St. Petersburg State University (mariia.rubtcova@gmail.com); Natalia A. MARTIANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Docent, Associate professor of the department of sociology, Herzen State Pedagogical University of Russia (nmart@bk.ru). Both – St. Petersburg, Russia.

Коротко о книгах

Гудков Л. ВОЗВРАТНЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ. В 2-х т. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Почему в России не получилась демократия и обществу не удалось установить контроль над властными элитами? Тексты, вошедшие в книгу «Возвратный тоталитаризм», объединены поисками ответа на этот фундаментальный вопрос. Для выявления причин, которые не дают стране освободиться от тоталитарного прошлого, автор рассматривает множество факторов, формирующих массовое сознание. Традиции государственного насилия, массовый аморализм (мораль приспособленчества), воспроизводство имперского и милитаристского «исторического сознания», импульсы контрмодернизации – неполный список проблем, попадающих в его поле зрения. Опираясь на многочисленные материалы исследований, которые ведет Левада-Центр с конца 1980-х годов, автор предлагает теоретические схемы и аналитические конструкции, которые отвечают реальной общественно-политической ситуации. Статьи, из которых составлена книга, написаны в период с 2009 по 2019 год и отражают динамику изменений в российском массовом сознании за последнее десятилетие.

Бороноев А.О. СОЦИОЛОГИЯ. СТАТЬИ, ДОКЛАДЫ, ИНТЕРВЬЮ. СПб.: Астерион, 2021. 459 с.

В книге представлены статьи, доклады, интервью о становлении социологического образования в нашей стране. Названы основные этапы развития российской социологии, раскрыты сложные отношения с властью, которые сдерживали ее институционализацию и выполнение ее функций. Показана большая роль М.М. Ковалевского, его коллег и учеников в развитии академической (университетской) социологии и в формировании социологического сообщества в России. В материалах книги подчеркивается необходимость изучения истории науки как фактора реализации идей преемственности и формирования научной и общей культуры исследователя.

Книга предназначена для тех, кто интересуется социологией, ее историей и проблемами, которыми она занимается.

Вахштайн В. ВООБРАЖАЯ ГОРОД. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 576 с.

Внутри устоявшегося языка описания, которым пользуются современные урбанисты и социологи, сформировались определенные модели мышления о городе. Сегодня понятия, составляющие их фундамент, и сами модели мышления переживают период смысловой «инфляции» и остро нуждаются в серьезной рефлексии. Эта книга о таких концептуализациях: об истории их возникновения и противостояния, о философских основаниях и попытках воплотить их в жизнь. В своем исследовании автор показывает, как идеи «локального сообщества», «городской повседневности», «территориального контроля», «общественного пространства» и «социальной сегрегации» закреплялись в языке социологов, архитекторов и планировщиков, как из категорий познания превращались в инструменты управления.

Гордин И.В., Рюмина Е.В. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 240 с.

Монография дает представление о нарастании экологических проблем во всех сферах цивилизационного развития. В ней анализируются факторы, формирующие экологическую ментальность отдельных социальных групп и общества в целом. Дается социо-эколого-экономическая и социально-психологическая характеристика общества массового потребления как главного источника эколого-цивилизационных противоречий. Рассматриваются основные стратегии и технологии деэскалации экологического кризиса на локальном и глобальном уровне, государственные и общественные резервы активизации усилий по созданию благоприятной окружающей среды. Большое внимание уделяется оптимизирующей роли некоммерческого сектора, населения, волонтерских движений.

Книга представляет интерес для научных работников, сотрудников природоохранных органов, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, изучающих социо-эколого-экономическую проблематику.

Подготовила А. ГОВОРОВА

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2022 No. 2

CONTENTS

THEORY. METHODOLOGY

- 3 IVANOV D.V. Grumbling 'oldies', Whining 'youngsters', and Progress of Sociology
12 TRUBITSYN D.V. Capitalism and the Weberiana in Russia: Revisiting the Possibilities
of *Verstehende* Sociology. Part 2. An Apology for Capitalism

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- 23 OSIPOV A.M. Towards a Theory of Educational Policy
34 POPOV D.S., SHESTAKOVA D.A. Higher Education for Adults in Russia:
Barriers and Models

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 45 KRYSHANTANOVSKAYA O.V., LAVROV I.A. Young Parliamentarians in Russia
57 PETRUNINA D.S. "Transitional Generation": Generational Identity of Russian Millennials
65 BEREZUTSKIY Y.V. Youth of the Khabarovsk Territory: "Point of Growth"
or "Point of No Return"?
73 GABDRAKHMANOVA G.F. Youth Policy in The Republic of Tatarstan in Doctrinal
Documents and Public Opinion
83 YADOVA M.A. Life Trajectories of the Youth in the 21-st Century: Risks and
Opportunities

SOCIOLOGY OF FAMILY

- 94 BEZRUKOVA O.N., SAMOYLOVA V.A. Fatherhood in Modern Russia: Meanings, Values,
Practices and Intergenerational Translation
107 ABRAMOV A.P., LIU ZE. Modern and Traditional Family Values of Intergeneration
Interaction in Russia and China
117 VERESHCHAGINA A.V., ZAGIROVA E.M. Polygamy in Dagestan in Public Opinion Optics

CHAIR. CONSULTATIONS

- 129 ZYRYANOV V.V. Social Statistics in Sociological Education

FACTS. COMMENTS. NOTES

- 142 CHEN HONG, GAN XIAOJUAN. The Reasons of the USSR Collapse: Views of Chinese
Social Scholars
147 BLINOVA T.V., VYALSHINA A.A. Attitude of Students to the COVID-19 Pandemic
and the Anti-Epidemic Restrictions
151 ANAYBAN Z.V., BALAKINA G.F. Social Expectations and Value Orientations of Students
in Tuva

ACADEMIC EVENTS

- 157 PETUKHOV R.V., LATOV Yu.V. What is Hidden Behind the "Request for Change"?
161 GRIGOREVA E.A. Digital Inequalities: Causes, Forms, Consequences

- 164 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: Lapin N.I. Complexity of the Formation of a New Russia. Anthropolociocultural approach. Moscow: Ves' Mir, 2021. Reviewed by S.A. Kravchenko, K.V. Rakova; Stewart J. Richard Titmuss: A Commitment to Welfare. Bristol: Policy Press, 2020. Reviewed by I.A. Kravets; Leont'eva T.V., Shchetinina A.V. Dictionary of Actual Vocabulary of Unity and Enemy in the Russian Language of the Early 21-st Century. Yekaterinburg: Azhur, 2021. Reviewed by M.V. Rubtsova, N.A. Martianova)
- 174 **BOOKS IN BRIEF**
- 175 **CONTENTS**
- NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCES (inside front cover)**
- IN THE NEXT ISSUES (back cover)**

Уточнение

В материалах круглого стола, опубликованного в № 3, 2021 г., с. 28–43, аффилиацию М.Ф. Черныша следует читать: Черныш Михаил Федорович – член-корреспондент РАН, врио директора ФНСИЦ РАН, декан социологического факультета ГАУГН, Москва, Россия (mfche@yandex.ru)